

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 73 Brisbane, Australia, January 2018

Брисбен

73

Январь 2018 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.
Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”
Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.
Выпуск - 4 раза в год.

Оформление цветной обложки - © Tamara Maleevsky

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data

“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

*** Просьба:** посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Сайт журнала в Интернете - <http://zhemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 7 плюс пересылка по Австралии и упаковка.

Стоимость годовой подписки (4 журнала), включая пересылку по Австралии - \$ **36.00**

С Рождеством Христовым

и Новым Годом!

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Вдали от шума, фарисейства,
В глухой пещерке обретаясь,
Рожденье Сына зрит Семейство,
Как тайну-тайн, с бессмертьем связь!
Их лики святостью велики,
Их созерцать достойно вновь!
А в яслях - пеленами свитый
Само Блаженство и Любовь!
И в Рождество волшебной ночи,
Под ликованье пастухов,
Мир вдруг узрел Того воочию,
Кто есмь Начало всех веков!
Кто есть Источник жизни нашей,
Кто - Истина и Благодать,
Кто в Таинстве незримом в Чаше
Дарит путь к вечности опять!..
И в ночь, когда земля проснётся,
Седьмым заснеженным числом,
Над всей Вселенной пронесётся:
«Всех вас с Христовым Рождеством!»

Владимир Невярович. Россия.

*Редакция «Жемчужины» сердечно поздравляет
читателей, подписчиков и друзей журнала
с Рождеством Христовым и Новым 2018 годом!
Здоровья всем, счастья и успеха во всех
добрых начинаниях..*

Зимой

Найду ль такой порядок слов,
Чтоб записать в души скрижаль
Лесов серебряный покров,
Полей заснеженную даль?

Как грусть напева уловить,
Что пропоёт зимой буран,
Чтоб песню стужи единить
С огнём своих сердечных ран?

Найду ли светлый тон снегов,
Чтоб чистоты вписать штрихи
В тот беспорядок вещей слов,
Что называем мы стихи?..

Александр Лазутин.
Сайт «Свете тихий»

Праздник, а не снег...

Через заросли красно-бурых кустарников, тоненьких блестящих осинок-берёзок мы вошли в зимний лес. То была опушка, воротничок леса. Но здесь деревья степенные высокоствольные. Остановитесь, прислушайтесь к своему дыханию. Воздух свежий, студёный. Чистым снегом пахнет. Хорошо!

Славный снег выпал, мягкий, пушистый. И целёхонькие снежинки россыпями бриллиантов светятся, сверкают, искрятся; несмелый ветерок, шёпотом гуляющий среди деревьев, их легче пуха подхватывает и бережно опускает. А бывают снежинки как крупка, они белыми рыхлыми градинками выпадают, как сахарная пудра, как мерцающие звёздочки, как мохнатые пёрышки, такими художники на картинах любят изображать, но эти - самые красивые, ажурные, лучистые - из детства, тогда, упав на ладошку, они казались огромными и сказочными, но, к великому огорчению, тихо истаивали и растворялись.

Солнечно, но оттепелей и сильных ветров не было, оттого не взялись снега корочкою наста. В сугробах снег тоже разным бывает: воздушным, шелковистым, бархатным, колючим, жёстким, клёклым, волглым - не счастье, всевозможным. А какие разные случаются снегопады: глухие отвесные, косящие наклонные, карусельные, а ещё - слепящие метели и хлесткие метелицы, разгульные вьюги, тоскливые завирухи, заверти, замети, позёмки... Ух, попал я в снежные передраги - как-нибудь расскажу, если не очень торопитесь...

Сегодня снег радостный... Праздник, а не снег!

Александр Герасимов.

На книжной полке

В октябре 2017 г. вышел в свет сборник

«ВИДЕНИЯ» Т.Н. Малеевской.

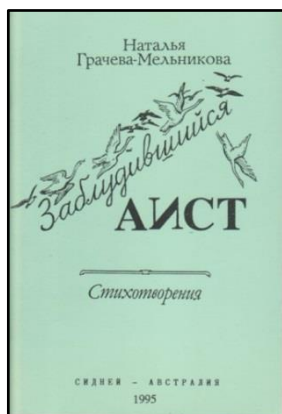
В сборнике помещены стихи,
рассказы, воспоминания,
путевые очерки.

«ВИДЕНИЯ» - 4-я книга автора.

За справками обращаться в редакцию:
tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

В Сиднее вышла книга Н.А. Мельниковой «Заблудившийся аист».

Первая книжка стихов Натальи Грачёвой-Мельниковой «Привет вам, харбинцы!» вышла в 1990 году в Москве в издательстве «Советский писатель». Она была и первой книжкой русско-австралийского автора, напечатанной в России, после чего мельбурнские поэты Игорь Смолянинов и Анатолий Карель. как и многие другие, стали издавать свои книги в России.

В том же 1990-м в Сиднее издали книжку юмора Натальи Грачёвой-Мельниковой «Пятый остров», и автор стапа подготавливать книгу стихотворений «Заблудившийся аист» к 1995 году, но отложила эту затею до лучших времён, которые наступили только сейчас, чуть ли не через четверть века. Дело в том, что в 1992 году под её руководством вышел сборник «Наша школа» - история Св. Николаевской школы русского языка в Сиднее за 30 лет а затем по её инициативе в 1994 году стал выходить журнал «Австралиада - русская летопись», редактором

которого Н.А. была 20 лет. Деятельность редколлегии «Австралиада», основанная на добровольных началах, быстро развивалась: не только журнал выходил 4 раза в год, но издавались книги разных местных авторов, брошюра о Миклухо-Маклае, библиография русских изданий в Австралии, несколько исторических сборников, включая два харбинских альманаха. (Работа над третьим харбинским сборником продолжается в данное время.) А главное, что на страницах журнала собралось достаточно сведений, чтобы составить и издать четыре тома «Истории русских в Австралии». Наталья Грачёва-Мельникова считала, что самым важным было написать «Историю» пока ещё были живы свидетели (или их дети) русской жизни в Австралии и собраны архивы во всех штатах. В стихах Натальи тоже история и переживания когда-то молодой эмигрантки, потерявшей Харбин как олицетворение любимой России.

Г.М. Скорняков. (Сидней).

За справками обращаться: Г.М. Скорняков dypdom1@optusnet.com.au
или в редакцию «Жемчужина» - tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

Февраль

Лес задумался о снеге,
Шалью зимнею покрыт,
Отдыхает ельник в неге,
А морозец всех бодрит.

В деревнях трещат заборы.
Всё как будто в дивном сне.
Кружевные омофоры
Выткал иней на окне.

Разожгу огонь я в печке,
Пусть поленья прогорят.
А у дома на крыльчке
Корки снежные хрустят.

«Сайт Свете тихий»

Артём Миронов

Рождество Христово

Рождество Христово -
Праздник дорогой,
Звезд ночных сиянье,
Благодать и покой.

Падают снежинки,
На душе весна,
Зимние картинки
Сказочного сна.

Тайною сочельник
Неземной объят,
А пушистый ельник
Прячет медвежат.

Ангелы ликуют,
Мягкий снег кружит,
Святость торжествует,
Ну, а зло дрожит.

В храмах много люда—
Все пришли сюда,
Чтоб прославить чудо
Рождества Христа.

А над всей вселенной
В мириадах звезд
Празднует рожденье
Сам Иисус Христос.

Владимир Невярович. Россия.

Бомж

У мусорного бака бомж лежал.
Он не стонал, лишь, скорчился от боли.
И как травинка на ветру дрожал,
В бреду твердя: «Вы...передайте...Оле»
«Эй, ты, урод! А ну давай вставай!»-
Брезгливо морщась, дама прокричала.
«Ты слышишь, пьянь, а ну быстрее давай!» -
Изящной туфелькой по баку постучала.
«Я... Оля. Ты откуда имя знаешь?
Да, ты в бреду,- поближе подошла-
Ах, Боже мой... Да ты же умираешь...»
И сквозь тряпье пульс бережно нашла.
И пальчик нежный с блеском маникюра
Вверх сдвинул веко: «Да, беда -беда...
Чем же помочь? Какая же я дура!
Со мною почему-то так всегда.»

Сайт «Свете тихий»

Халат красивый ладную фигурку
И не пытался скрыть от алчных глаз.
В кармане телефон играл мазурку,
Он голос подавал не в первый раз:
«Ой, извини... Перезвоню чуть позже...
Здесь человек больной... лежит в бреду...
Да кто ж другой ему еще поможет?
Нет, "скорую " дождусь, тогда уйду...
Не мать Тереза...Прекрати... Послушай...
У нас какой то глупый разговор.
Достаточно, пожалуйста, про душу...
Помочь другому -это не позор.»
Ладонь на лоб горячий опустила.
«Ты потерпи, дружок, совсем чуть-чуть...»
А по щеке бомжа слеза скатилась -
Счастливым уходил он в вечный путь...

Светлана Донченко.

Слово о поэзии

Светлой лирой наполняя душу,
Ты поешь мне песнь о красоте,
Согреваешь и в мороз и в стужу,
О поэзия, гимн жизни и мечте!
Озарив меня лучами солнца,
Открываешь дверь в храм языка
И зовешь любить, творить, бороться
Звучным слогом, да поет строка!
Пробуждая трепетные чувства,
Чутким словом даришь крылья ты.
Свет поэзия, земных небес искусство,
Мои помыслы с тобой святы.

Я внимаю искристому звуку
И волнуюсь всякий раз зеро.
Друг поэзия протягивает руку,
Мне дает чернила и перо.
Ни к чему наживы сумасбродство,
Нет безумству бренного вранья!
Я стиха вдыхаю благородство,
В нем я слышу песню соловья.
Воспарив, лечу вдаль, окрыленный,
Над родной страданицей Землей.
Ждёт меня на синем небосклоне
Муза, ...усладить чтоб чувств игрой.

Владимир Лебедев. Россия.

Николай Владимирович Блохин

«Молись, благодари Бога и делай дело свое...»

(О писателе и священнике Николае Блохине)

Николай Владимирович Блохин - известный прозаик, член Союза писателей России, неоднократный лауреат Патриаршей премии в области православной литературы и других литературных премий, проживает сегодня в городе Комсомольске-на-Амуре и несёт священническое служение в Кафедральном соборе пророка Илии.

О писателе Николае Блохине я впервые узнала из нашумевшего бестселлера архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Рассказ «О том, что нельзя совмещать служение Слову и заработок» начинается так: «Однажды мы с Колей Блохиным, известным сегодня православным писателем, а тогда только что вышедшим из лагеря политическим преступником (Коля отсидел пять лет по 139-й статье за незаконное производство и распространение православной литературы), решили подзаработать денег...». Далее, изложив историю их неудачного совместного издательского предприятия, а также благополучного и таинственного его разрешения, архимандрит Тихон заключает: «С тех пор я прочно усвоил: нельзя одновременно служить Богу и мамоне. Что правда, то правда. Если же не пытаться это смешивать, то Господь сам пошлет всё необходимое в нужное время».

По мнению самого Николая Владимировича Блохина, именно так - всё необходимое и всегда в нужное время он получал от Бога в избытке. Доказательство тому - и судьба писателя, и его литературное творчество. «Молись, благодари Бога и делай дело свое», - так определил писатель в одном из интервью свой основной жизненный постулат.

Сегодня произведения Николая Блохина издаются и переиздаются массовым тиражом многими российскими издательствами. У писателя много поклонников среди читателей, на Интернет-форумах активно обсуждается его творчество. Повести «Бабушкины стёкла», «Глубь-трясина», «Отряд имени товарища Диаклетиана», «Избранница», «Отдайте братика!» хорошо известны любителям православной прозы. Вместе с тем, писательский дар открылся у отца Николая уже в зрелом возрасте - ближе к 40 годам. Однако, всё по порядку.

Родился писатель в Москве в 1945 году. Закончил нефтехимический техникум, был чемпионом ДСО «Динамо» по самбо. В шестнадцать лет поехал на экскурсию в Западную Украину, где неожиданно для самого себя стал защищать Почаевскую Лавру от закрытия. Однако окончательно уверовал в Бога и крестился уже в 32 года. Отец Николай вспоминал: «К Таинству Крещения меня подвигло чтение Евангелия. Я, зевая, как Онегин, не "за перо взялся", а стал читать Новый Завет. И был ошеломлен. Евангельский текст несет в себе огромную духовную силу. Одна фраза совершенно меня перевернула: "Если свет, который в вас, - тьма, то какова же тьма". Я даже не задумался о ней, а был просто потрясен: мы всю жизнь думали, что мы - свет, а на самом деле - тьма. Это не могут быть слова человека, это мог сказать только Бог. И когда я закрыл Евангелие, то окончательно понял: можно написать "Войну и мир", "Братьев Карамазовых", но эту Книгу человек написать не мог, в ней в каждой букве, в каждом слове - печать Духа Святаго. Значит, за этой Книгой стоит весь мир».

Получив благословение известного Псково-Печерского старца отца Иоанна (Крестьянкина) на издательскую и писательскую деятельность, работал в Издательском отделе Московской Патриархии. С 1979 года по благословению митрополита Волоколамского Питирима (Нечаева) и своего духовника иерея Димитрия Дудко вместе с друзьями занимался изданием и распространением запрещенной в то время православной литературы. 26 апреля 1982 года Николай Владимирович был арестован и осужден на три года работ в лагерях. Вот что об этом пишет в своих воспоминаниях писатель:

«Утро, семь часов. На столике лежит мой младший сын Филипп, которому года не было, тут же на кухне - старший, Ермолай, они погодки. Дочка Ольга бежит, готовится к школе - она в первом классе. Звонок. Вижу в глазок: небритая морда участкового. Я к участковому не имел

никакого отношения, потому мне с ментами делить нечего. «Ага, приплыли!» Сейчас не открыть - взломают. Уже имеют право: если у органов есть сопроводилка и им не открывают дверь, после 6.00 они имеют право дверь ломать. Так что глупо не открыть. За участковым вваливается толпа во главе с майором. Очень симпатичные люди.

- Здравствуйте, мы из Комитета Государственной безопасности по известному вам делу.

- Что мне известно? Какое дело?

Начинается обыск. И вот что интересно: войдя в квартиру, они уже знали, где что лежит».

Срок лишения свободы был продлён за религиозную пропаганду (читал свои произведения сокамерникам), прошёл 4 тюрьмы и 15 лагерей. В 1986 году после ослабления гонений за религиозную деятельность был освобождён.

Принимал участие в комиссии по канонизации царской семьи.

11 апреля 2012 года был рукоположен во священника епископом Амурским Николаем (Ашимовым), определён тюремным священником в Комсомольск-на-Амуре.

Свою первую повесть «Бабушкины стекла» Блохин написал в следственном изоляторе Лефортово, откуда ему чудом удалось передать её родным. Православная вера, её роль в судьбе отдельного человека и страны в целом стала центральной темой в творчестве Н. Блохина.

Тема Православия в современной российской прозе представлена достаточно широко. Массовыми тиражами расходятся произведения упомянутого ранее архимандрита Тихона (Шевкунова), Олеси Николаевой, Майи Кучерской, Юлии Вознесенской, Виктора Лихачева. Сегодня многие православные священнослужители успешно берутся за перо. Имена Ярослава Шипова, Александра Торика, Евгения Санина (монаха Варнавы), Николая Агафонова, Ивана Охлобыстина на слуху у многих. Имя Николая Владимировича Блохина занимает достойное место в ряду этих известных имен.

Проза Николая Блохина не вмещается в рамки какого-либо конкретного литературного жанра. Можно было бы назвать его произведения православными реалистическими повестями-сказками или духовной фантастикой (Интернет-сайт одного книжного издательства определяет произведения Н.Блохина даже как «сказки ужаса»), или может быть реалистической православной фантазмагорией. Здесь мы наблюдаем некоторое смещение жанров. С точки зрения сюжетного построения - это, возможно, фантастика, с точки зрения духовной составляющей - это скорее реалистические произведения. Важно отметить, что форма и содержание находят здесь гармоничное единение. Фантастическое допущение в своих произведениях Н.Блохин использует, чтобы полнее раскрыть главную идею и характеры персонажей за счёт помещения их в различные нестандартные ситуации. Главные герои - чаще это дети или же запутавшиеся в жизненных коллизиях взрослые - обретают истинную веру внезапно, попадая в какие-либо неординарные условия или опасные обстоятельства. Пройдя духовное перестроение, раскаяние и очищение, они обретают истинную веру, принимая с радостью страдания за неё. Некоторые герои даже становятся мучениками, другие несут свет Христовой веры ближним молитвенным подвигом. Они как будто сходят со страниц Четых-Миней, повторяя подвиги первых христиан. Главным героям часто сопутствуют персонажи из невидимого духовного мира, обретшие реальный образ - ангелы, бесы, старуха Совесть и др.

Сюжетные линии, а также характеры героев в разных произведениях кажутся схожими, но не следует рассматривать это как некие повторы, скорее это характерные признаки творческого почерка, авторской индивидуальности Н. Блохина. Место действия всех произведений Николая Блохина - Россия, время действия - периоды «безвременья» (революционные события, Гражданская война, перестройка 1990-х годов) и современность.

Произведениям Н.Блохина присущ неповторимый авторский стиль. Стоит отметить чёткость в построении фраз и одновременно «лёгкость» языка: читателю не приходится «продираться» сквозь дебри нагромождённых слов. Вместе с тем, нельзя назвать авторское изложение простым или незамысловатым. Писатель умеет выстроить диалоги, а также описать внутренние переживания своих героев так, что общая картина сюжета в воображении читателя складывается в реальные образы. Иногда рассуждения автора отличаются некоторой бескомпромиссностью и даже жесткостью. Но важно отметить, что не склонный к сентиментальности, «мужской» характер прозы Блохина, имеет, вместе с тем, глубокий эмоциональный подтекст, вызывает искренне сопереживание.

О высоком мастерстве автора свидетельствует и разнообразие литературных приёмов и языковых выразительных средств. Он деликатно использует и экспрессивную лексику (деточки, зёрнышки), горькую иронию (товарищ Диаклетиан), социальный диалектизм (Карла Марла (вместо Карл Маркс), авторский неологизм (заразнили), множество архаизмов (отрок, яко),

жаргонизмы (в натуре) и т.д. Всё это тонко вплетено в общее лексическое и смысловое пространство текстов.

Все произведения Николая Блохина объединены одной идеей - идеей ответственности. Автор, иногда весьма прямолинейно, объясняет читателю: ответственность за спасение своей души всегда сугубо лична, это свободный выбор. Её невозможно переложить на кого-либо, но и надеяться только на собственные силы в этом главном вопросе жизни тоже нельзя. В чём выход? Только в вере, в призывании помощи Божией, покаянии. Конечно, идея не нова, ей как минимум две тысячи лет. Но каждый человек должен принять её в своей жизни в сердце когда-нибудь впервые. Последствия такого неприятия или, что еще хуже, открытого богоборчества - всегда трагичны. «Мои книги - плохие они или хорошие, - говорит автор в одном из интервью, - но они написаны кровью, это моя жизнь. Если они помогли хоть одному человеку, я надеюсь, что это будет мне оправданием на суде Божиим».

С отцом Николаем Блохиным я встретила впервые в Комсомольске-на-Амуре, где служит сегодня батюшка. В первые же минуты знакомства - ощущение родства душ. Может быть, причина тому его личное обаяние или, как принято сегодня говорить, харизма? Возможно. Но трудно выразить словами ту любовь, которая изливается из сердца батюшки на любого человека. И я попала под эту тёплую волну. В словах отца Николая - простота и сердечность, отсутствие всякой чопорности или учительства. О себе рассказывает немного: «Родители? Отец наездником был на Московском ипподроме. Ты когда-нибудь была на ипподроме? Нет? А я вырос на нём. Мама портнихой была. О вере в семье и речи не было. Мама даже хотела лишиться меня родительских прав, когда узнала, что я крестил своих детей, её внуков, и начал водить их в церковь. Но перед самой смертью согласилась исповедаться и причаститься. Теперь я спокоен за её участь. Женился я в 1973 году. Четверо детей. Сегодня живы трое. Старший Ермолай умер от инсульта в 18 лет. На это была воля Божья. Всё Его промыслом устраивается к нашему спасению.

Благодарю Бога за те годы, которые провёл в тюрьме, потому что там впервые начал молиться по-настоящему и там начал писать.

Священником мечтал стать еще в Москве. Понимал, что это трудно будет. Во-первых, возраст, во-вторых, не имею семинарского образования. Меня в книгу рекордов Гиннеса заносить можно (смеётся) - рукоположен в 67 лет! Это Владыка Николай наш рискнул. Он с моим литературным творчеством знаком был. Предложил мне окормлять тюрьмы и колонию в Амурской епархии. Так я и приехал в Комсомольск.

Ты вот ещё о чём напиши. Крестил я недавно своих зэков, сразу человек двадцать. Многие из них хотят креститься. А один всё никак не хотел, отговаривался - не хочу, не готов. А тут звонок мне ночью: «Батя, клиент созрел, креститься срочно хочет, помирает. Приезжай». Поехал я, да не успел - умер он. Вот тогда-то я всем, кто там с ним был, и разъяснил популярно, что значит умереть некрещёным. Трое из них тут же попросили их окрестить!».

Писатель уже три года несёт своё священническое служение на Дальнем Востоке и продолжает здесь свою литературную деятельность. Поэтому с твёрдым основанием можно утверждать, что дальневосточная литература пополнилась сегодня совершенно новым для неё направлением - православной прозой в лице одного из лучших его представителей - Николая Владимировича Блохина.

Н.А. Рубан. Хабаровск.

Список источников:

1. Архимандрит Тихон (Шевкунов) Несвятые святые, М.: Изд-во Сретенского монастыря; «ОЛМА Медиа Групп», 2011, с.510
2. Блохин Н.В. Тюремные байки. /proza.ru/2006/01/21-311.
3. Торжество Православия: взгляд из тюрьмы. Беседа с писателем Николаем Блохиным /pravoslavie.ru/guest/47194.htm.
4. Николай Блохин: «Я вижу в этом только волю Божию...»/pravmir.ru/nikolaj-bloxin.
5. Священник-писатель Николай Блохин: главной темой в литературе должно стать покаяние, ж-л «Фома», 5 мая 2012 г.

**Многие мечтают о бессмертии,
но не знают, что делать в дождливый воскресный день.**

ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О ЗАСТАВЛЕНИИ И НАСИЛИИ

Прежде чем обратиться к окончательной постановке основной проблемы о сопротивлении злу силою, необходимо совершить еще несколько усилий, расчищающих дорогу. Так, прежде всего необходимо выяснить, что есть «принуждение» и что есть «насилие»? Есть ли это одно и то же или между тем и другим есть принципиальное различие? И если есть, то в чем оно?

Для того чтобы разрешить этот существенный вопрос, столь основательно запутанный сентиментальными моралистами и к тому же страдающий от недостатка соответствующих слов в языке, следует обратиться сначала к общему, родовому понятию, которое можно условно обозначить термином «заставления» (собственно говоря - «заставляющего применения силы к человеческому существу»).

Заставлением следует называть такое наложение воли на внутренний или внешний состав человека, которое обращается не к духовному видению и любовному приятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить ее или пресечь ее деятельность. Понятно, что если предварительное обращение к духовному видению (будь то в словах убеждения или в виде подставления ланиты) совершится и вызовет в душе состояние очевидности, то возникнет свободное убеждение, и тогда осуществляющееся действие волевой силы будет органически-свободным, а не заставляющим; и точно так же, если предварительное обращение к любовному приятию вызовет в душе состояние любви, то возникнет согласие и единение, и тогда осуществляющееся действие волевой силы будет органически-свободным, а не заставляющим.

Такое заставляющее наложение воли на человеческую жизнь может осуществляться в замкнутых пределах индивидуального существа: человек может заставлять сам себя; но оно может происходить и в общении двух или многих людей: люди могут заставлять друг друга. Всякое заставление есть или самозаставление, или заставление других. Далее, это заставление может выражаться в воздействии на мотивы поведения (например: авторитетный приказ, запрет, угроза, бойкот), но может выражаться и в непосредственном воздействии на человеческое тело (напр., толчок, удар, связывание, запираение, убийство). Согласно этому следует различать психическое заставление и физическое заставление; причем и самозаставление, и заставление других может иметь и психический, и физический характер.

Так, человек, умственно утомленный, или засыпающий, или пересиливающий в себе непокорное чувство и воображение, или совершающий нелюбимую душевную работу, или усваивающий что-нибудь механически (напр., заучивание наизусть, решение арифметических задач, некоторые внутренние упражнения памяти и внимания и т.д.), - может извлечь себя и центр своего самочувствия из самовольно влекущейся, одолевающей стихии лени, сна или наслаждения, переместить этот центр в целесообразно усиливающуюся энергию духа и подвергнуть свою душевную стихию определяющему заставлению. Человек может внутренне заставлять себя, понуждая себя к усилиям и даже понуждая себя к понуждению. Такое состояние душевного самозаставления можно обозначить термином самопонуждения.

Подобно этому, возможно и физическое самозаставление, которое обычно бывает сопряжено с психическим. Таковы, например, все виды физического труда, совершаемого без прямого увлечения или хотя бы влечения к нему или выполняемого утомленным человеком; таковы многие виды телесного лечения; такова неподвижность при мучительной операции; таковы все аскетические упражнения, связанные с телесным страданием и не сопровождаемые экстазом. В этих случаях человек усиливается душевно, чтобы принудительно вызвать в себе известные телесные состояния или активного порядка (напр., мускульное усилие), или пассивного порядка (напр., стояние на столпе). Человек фактически может не только душевно понуждать себя, но и принуждать себя к телесному свершению и несвершению известных поступков. Такое состояние можно обозначить термином самопринуждения.

Заставлять других возможно также в психическом и в физическом порядке.

При надлежаще глубоком и широком понимании всякий приказ и запрет, не вызывающий непосредственно к очевидности и любви, а обращающийся к волевой энергии духа, всякая под-

крепляющая приказ психическая изоляция (напр., разрыв отношений, исключение из клуба) и всякая угроза (в чем бы она ни состояла) - являются видом психического заставления. Сущность этого заставления состоит в душевном давлении на волю человека, причем это давление должно побудить его собственную волю к известному решению и, может быть, самозаставлению; строго говоря, это давление может только осложнить или видоизменить мотивационный процесс в душе заставляемого, сообщая ему новые мотивы, не принятые им еще в порядке убежденности и преданности, или усиливая и ослабляя уже имеющиеся. Понятно, что это воздействие может встретить в душе такую энергию сопротивления, такую духовно сильную волю или душевную одержимость страстями, что вся его сила окажется недостаточной, ибо психическое заставление стремится, не стесняя внешнюю свободу заставляемого, побудить его к тому, чтобы он сам решил сделать что-то и не делать чего-то. Такое воздействие побуждает и понуждает человека, подходя к нему «извне», но обращаясь к его душе и духу; поэтому можно условиться называть его психическим понуждением.

Наконец, возможность физического воздействия на других ради их заставления - не вызывает, по-видимому, сомнений. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что всякое такое воздействие на чужое тело имеет неизбежные психические последствия для заставляемого - начиная от неприятного ощущения (при толчке) и чувства боли (при пытке) и кончая невозможностью делать что угодно (при заключении в тюрьме) и неспособностью желать или делать что бы то ни было (при смертной казни). Огромное большинство этих воздействий (за исключением патологических случаев зверообразно-ожесточенного насилия) осуществляется именно ради таких психических отражений или последствий; этим и объясняется, почему физически заставляемые обычно пытаются отделаться от заставляющих при помощи уверения их в том, что они «согласны», что «волевое единение» наступило и что дальнейшее подчинение обеспечено. Понятно, что, арестуя, связывая, мучая и запирая другого, человек не может непосредственно произвести в нем желанные ему душевно-духовные изменения; он не может распорядиться другим изнутри, заменить его волю своей волей, вызвать в нем согласие, основанное на убежденности, и поведение, основанное на добровольной преданности. Человеку не дано принуждать других к подлинным деяниям, т.е. к духовно и душевно цельным поступкам; физическое воздействие на другого далеко не всегда может даже вынудить у человека какой-нибудь неприемлемый для него внешний поступок (Муций Сцевола, христианские мученики), а духовное значение такого вынужденного внешнего поступка (напр., неискренного исповедания, вынужденной подписи и т.д.) зависит от дальнейшего свободного признания его со стороны того, кто уступил пытке (срв. процессы ведьм, легенду о Галилее). Человек, физически понуждаемый другим, имеет всегда два исхода, избавляющие его от этого внешнего напора: лицемерие и смерть; и только тот, кто убоился смерти или внутренне не выдержал необходимого при лицемерии раздвоения личности, говорит о «принуждении» как о возможном и состоявшемся событии; но и ему следует помнить, что его «принужденность» сама собою угаснет в момент его личного, духовного, чисто внутреннего восстания и утверждения своей настоящей убежденности и искренней преданности. Вот почему осторожнее и точнее говорить не о физическом принуждении, а о физическом понуждении. Понятно, наконец, что физическое заставление может быть направлено на чужое делание и на чужое неделание. В первом случае оно чрезвычайно ограничено в своих возможностях: бессильное вызвать целостный поступок, вынужденное всегда ожидать обороняющегося лицемерия со стороны понуждаемого - оно может рассчитывать только на медленное влияние внешнего режима и его проникновение в душу человека. Зато во втором случае физическое воздействие легче может рассчитывать на целесообразность и успех: оно может пресечь известную деятельность, помешать определенному человеку делать что-нибудь (конечно, не всем и не во всем) или заставить его не делать. Отсюда возможность наряду с физическим понуждением еще и физического пресечения.

Таковы основные виды «заставления вообще»: самопонуждение, самопринуждение, психическое понуждение, физическое понуждение и пресечение. И вот было бы глубокой духовной ошибкой приравнять всякое заставление - насилию и придать центральное значение этому последнему термину. В самом слове «насилие» уже скрывается отрицательная оценка: «насилие» есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное; «насилник» есть человек, престапующий рамки дозволенного, нападающий, притесняющий, - угнетатель и злодей. Против «насилия» надо протестовать, с ним надлежит бороться; во всяком случае, человек, подвергшийся насилию, есть обиженный, угнетенный, заслуживающий сочувствия и помощи. Одно применение этого ценностно и аффективно окрашенного термина вызывает в

душе отрицательное напряжение и предрешает исследуемый вопрос в отрицательном смысле. Доказывать «допустимость» или «правомерность» насилия - значит доказывать «допустимость недопустимого» или «правомерность неправомерного»; реально, духовно и логически доказанное - тотчас же оказывается аффективно отвергнутым и жизненно спорным: неверный термин раздваивает душу и заслоняет ей очевидность.

Именно поэтому будет целесообразно сохранить термин «насилия» для обозначения всех случаев предосудительного заставления, исходящего из злой души или направляющего на зло, - и установить другие термины для обозначения непредосудительного заставления, исходящего от доброжелательной души или понуждающего ко благу. Тогда, например, понятию самозаставления будут подчинены, с одной стороны, понятия самопонуждения и самопринуждения, с другой стороны, соответствующие виды психического и физического самонасилия, и далее, понятию внешнего заставления будут подчинены, с одной стороны, понятия психического понуждения, физического понуждения и пресечения, с другой стороны - соответствующие виды психического насилия над другими; и только тогда, сквозь прояснившуюся терминологию, впервые обнаружится самая проблема непредосудительного заставления и его разновидностей.

Замечательно, что Л.Н. Толстой и его школа совершенно не замечают сложности всего этого явления. Они знают только один термин, и притом именно тот, который предрешает весь вопрос своею аффективною окраскою. Они говорят и пишут только о насилии и, выбрав этот неудачный, отвращающий термин, обеспечивают себе пристрастное и ослепленное отношение ко всей проблеме в целом. Это и естественно: нет даже надобности быть сентиментальным моралистом для того, чтобы на вопрос о «допустимости» или «похвальности» озлобленного безобразия и угнетения ответить отрицательно. Однако эта единственность термина укрывает за собою гораздо более глубокую ошибку: Л.Н. Толстой и его школа не видят сложности в самом предмете. Они не только называют всякое заставление - насилием, но и отвергают всякое внешнее побуждение и пресечение, как насилие. Вообще говоря, термины «насилия» и «зла» употребляются ими как равнозначные настолько, что самая проблема непротивления «злу насилием» формулируется иногда как проблема непротивления «злу злом» или воздаяния «злом за зло»; именно поэтому насилие иногда приравнивается «сатане», а пользование им описывается как путь «диавола». Понятно, что обращение к этому «сатанинскому злу» воспрещается раз навсегда и без исключений, так что лучше умереть или быть убитым, чем пустить в ход насилие; мало того, один из этих моралистов пытается даже установить, что победивший силою «всегда и неизменно неправ», ибо «истина» и «Бог» всегда в «побежденном».

Справедливость требует признать, что все эти осуждения не относятся ими к внутреннему самозаставлению, которое упрощенно характеризуется как «насилие духа над плотью» и допускается в порядке нравственного делания. Однако пределами «своего тела» допустимость заставления и ограничивается: «чужая плоть» имеет «своего хозяина» и поэтому «насилие», направленное на другого, «не нужно»; ведь невозможно доказать, что «другой» неспособен к верному самоуправлению изнутри, а отрицать «свободу» и «человека» недопустимо. И поэтому всякое выхождение за пределы своего существа признается не обоснованным пользою, не вызванным необходимостью, вторгающимся в Божие дело, святотатственно замещающим волю Божию, как якобы недостаточную, и обнаруживающим в душе «насильника» прямое отрицание Бога. Надо предоставить других - самим себе и совсем прекратить внешнюю борьбу со злом, как неестественную и неплодотворную. Надо перестать «устраивать жизнь других людей» и понять, что кто бы ни сделал насилие и для чего бы оно ни было сделано, все равно оно будет злом, без всяких исключений. И все те, кто этого не хочет понять и продолжает насильничать, - разбойники на больших дорогах, революционеры, палачи, шпионы, сенаторы, министры, монархи, партийные лидеры и все вообще политические деятели - суть «заблудшие» и «большею частью подкупленные» люди, предающиеся своим «привычным, излюбленным порокам: мести, корысти, зависти, честолюбию, властолюбию, гордости, трусости, злости...» Таким образом, из всей сферы волевого заставления Л.Н. Толстой и его единомышленники видят только самопринуждение («насилие над своим телом») и физическое насилие над другими; первое они одобряют, второе безусловно отвергают. Однако при этом они явно относят физическое понуждение других и пресечение к сфере отвергаемого «насилия» и, совсем не замечая, по-видимому, возможности психического понуждения других и психического насилия над другими, отвергают все сразу как ненужное, злое и безбожное вмешательство в чужую жизнь.

И. Ильин.

Дамские портреты

Будто открывая чудо света,
Я листаю прежних лет альбом.
Преодо мною - чудные портреты
Классиков, которым шлю поклон.

Среди них, мои услышав вздохи,
Отвергая брэнной жизни вздор,
Женские портреты – дань эпохе –
Дарят мне свой просветленный взор.

Лица Рекамье и Афродиты,
Мона Лизы и Софи Крамской,
Кистью благородною умыты,
Наполняют сердце добротой.

Розамунда, Леда и Венера,
Форроньера и Мария Бек –
Символы моей счастливой веры
В жизнь искусства, сотворившей век.

Здесь и королевы и графини,
Девушка в платочке и княжна,
Юная крестьянка и княгиня –
Образов пленительных страна.

Лица, что с божественной любовью
Наполняют светом добрых чар
Этот мир, что брошен к изголовью,
Лица - живописца щедрый дар.

Вновь и вновь, то радужно, то строго,
Смотрят на меня они с холста,
Созданные мастером от Бога.
Всё пройдет, шедевры – на века.

Галатея, Девушка у моря,
Кружевница, Миссис Грэм, Юдифь,
Позволяют мне забыть о боли
И дают душевных сил прилив.

Сколько обаянья в этих лицах,
Мудрой неги позабытых лет.
И... как молнии разряд – во всю страницу
Солнца луч - Ахматовой портрет.

Поэтессы лик я вижу в профиль,
Он отточен, строг и в чем-то свят.
В голове ее - столбцы и строфы,
Гениальных мыслей водопад

Героиня приоткрыла книжку,
Как всегда, свободна от оков...
В том же томе, на другой страничке -
«Девушка за чтением стихов».

Владимир Лебедев. Россия.

*«Жизнь – это то, что происходит с тобой,
пока ты строишь другие планы».*
(Джон Леннон)

Февраль

То метели завывают
Над полями и лесами,
То на солнышке сверкает
Снег волшебными огнями.

Вот опять – пурга и ветер
Вьюжат, небо закрывая,
Заплуталось в белых сетях
Солнце – рыбка золотая.

В круговерти этой зимней
Появляются клестята,
А в берлоге – озорные
И слепые медвежата.

На кусты намел сугробы
Вихрей снежных хоровод,
Замело пути-дороги...
Скоро к нам весна придет?

И, когда с весной природа
Скорой встречи ожидает,
В храмах – Сретенье Господне –
Встречу с Богом отмечают.

Ко дню русского воина

«Воспитание Воина (из писем сыну). Письмо 8. Что такое Армия? Задачи Русского Офицера»

Если армия становой хребет государства, то офицерский корпус - хребет, мозг и душа Армии. Офицерское звание налагает величайшую ответственность - не только по защите Отечества от тех или иных посягательств, но по воспитанию подчинённых и гораздо шире: нации. Этому предмету посвящена замечательная статья А. Сурнина «Служение России. Роль офицерства в военном воспитании».

«У нас в России так же, как и во всех остальных государствах, где введена всеобщая воинская повинность, народился новый тип воина - воин-гражданин, - пишет Сурнин. - Поэтому нравственные силы бойца зависят от нравственных сил народа, которые служат базой (складом), основанием, на котором будут взращиваться воинские добродетели. Мы знаем, что народ наш в массе непросвещен. В насто-

ящее же тяжелое время его природные гражданские добродетели расшатаны гибельными, чуждыми ему учениями. Мы знаем, что ни в семье, ни в школе, ни в обществе нет и следов подготовки к воинскому воспитанию. Память о былой славе, былых подвигах могучего русского народа заслоняется невежеством и тлетворными влияниями различных социалистических учений. Ждать, пока народ и общество начнут нормальную жизнь и станут способными к должному воспитанию подрастающего поколения, долженствующего вступить в войска, нельзя, т.к. это значило бы отказаться от самой мысли прочного военного воспитания, которым должна увенчиваться вся наша офицерская воспитательная деятельность.

Чем серьезнее задача, чем она обширнее, тем мы должны приложить больше нравственных сил. Мы ведь находимся не в области материальных представлений, где каждый данный человек может выполнить строго определенный максимум (наибольшее) работы; дело воспитания нравственных сил относится к области человеческого духа, а в этой области только бесконечность не может быть нами достигнута, все же остальное доступно нашему завоеванию. Перед сложностью и трудностью останавливаться нельзя, т.к. это значит сознаться в своей полной несостоятельности и предоставить дело государственной обороны и чести на произвол судьбы. Равнодушное отношение к своему делу несовместимо с нашим высоким призванием, а потому и недопустимо. Конечно, на выполнение намеченного нужны особенно развитые нравственные и умственные силы, нужна выдающаяся энергия. Но разве понятие об офицере не включает само по себе требование самоотверженной и выдающейся деятельности? Прежде на силу армии не могли ослабевающе влиять те барчуки и недоросли, которые устремлялись в военную службу только для того, чтобы носить мундир той или другой части; теперь этот элемент не только лишний, но и вредный и, как яд, способный отравить здоровый организм, должен быть удален и впредь недопускаем. Средние люди, посредственности, не должны быть в нашей среде. По смыслу всех военных законоположений под понятием «офицер» подразумевается человек с высоко развитой нравственностью и волей; поэтому задача военного строя, задача офицерской корпорации - удалить все негодное, слабое, способное внести растление, и тогда никакие задачи для нас не будут казаться невыполнимыми. (...)

...дело воспитания, которое для нас должно быть залогом возрождения, - дело очень трудное, и вести его можно только людям, воодушевленным высшими идеалами. Напрасно думают, что офицером может быть всякий средний, слабый человек; если допустить это, то армия умрет, т.к. ее основа, офицер, перестанет ее одухотворять. Поэтому офицер на свою деятельность и в мирное время должен смотреть как на подвижничество, иначе он не выполнит своего назначения и своего долга. Поработайте и потрудитесь сознательно для приобретения его. Выражения «не могу» быть не может. Было бы желание и воля. Те же, кто этого сделать «не захочет», пусть по честному убеждению, как недостаточно сильные духом, оставят наши крепкие ряды. Без них, слабых энергиею, мы станем еще дружнее, еще крепче и вновь прославим отечественные знамена нашей стальной русской выносливостью, нашим русским мужеством, нашим военным патриотизмом!»

О том же писал и митрополит Антоний (Храповицкий), уделявший немало внимания военным вопросам: «Назначение офицера ложно определяться сверх принятых уже понятий так: в мирное время офицер есть воспитатель молодого поколения, проходящего воинскую повинность, в православно-народном духе, дабы возвратить его семье и обществу сознательным христианином, русским патриотом и верноподданным, могущим не только сознательно противо-

стать растлевающему влиянию отрицательной веры и врагов отечества, но и утвердить в правильных мыслях своих родных и близких. Как член общества, офицер должен явиться оплотом и защитником здравых патриотических и христианских понятий и таким образом не только силой оружия отстаивать государственные границы отечества от неприятеля, но и силою убеждения и примера отстаивать те внутренние основы веры и русского быта, которые составляют внутреннее сокровище русского духа». По приведённым выдержкам ты можешь судить, сколь велика наша задача. Что же требуется нам, каковы должны быть мы, чтобы справиться с ней? Не пишу «иметь шанс справиться», ибо не допускаю мысли о невозможности совладать с поставленной задачей. Таковая мысль должна быть чужда Воину. Если задача поставлена, то не может быть рассуждений «посильно-непосильно, реально-нереально». Может быть лишь одно рассуждение: как именно достигнуть.

«Офицер должен быть высокообразованным человеком, чтобы импонировать гражданам вне воинства и чтобы доминировать над гражданами, призванными в воинство, - пишет полковник Месснер. - Военное дело сложнее медицины, юриспруденции, технологии и т.д., и им должны руководить офицеры с неменьшим, с таким же высоким образовательным цензом, как медики, судьи или адвокаты, технические директора фабрик и т.п. Это необходимо для авторитетности командного состава воинства в глазах общественности, народа. И это нужно для служебной пользы офицерства. Подполковник, командующий трансокеанскими ракетными установками, должен быть высокообразованным офицером, чтобы уметь использовать такое сложное оружие и, во-вторых, чтобы импонировать своим подчиненным, среди которых, кроме караульной команды и хозяйственного персонала, нет людей без очень большого технического образования и стажа. Подполковник, командующий гренадерским батальоном, должен иметь высшее образование не только для понимания всей многосложности движений и боя моторизованных частей, но и для того, чтобы быть авторитетным в глазах подчиненных ему мобилизованных офицеров из адвокатов или студентов, из инженеров или техников. Прежде любой строевой обер-офицер мог заведовать разведкой в полку и в штабе дивизии, а любой офицер Генерального штаба - в высших штабах и в наивысшем. Теперь войсковая разведка включила в себя знание телефонного и радиотелефонного подслушивания, технические познания для быстрого обнаружения мельчайших новинок вражеского вооружения и снаряжения, навыки в психологическом разведывании неприятеля, собственных воинов и окружающего населения. Поэтому уже на низшей ступени разведки нужны квалифицированные разведчики. А на высших нужны столь разносторонние знания, что руководить разведкой могут лишь высокообразованные специалисты при помощи высококвалифицированных экспертов во всех видах техники, технологии, знатоков экономики, политики, социальных вопросов, психологии масс и так далее. Существует мнение, что ныне все офицеры должны быть инженерами, физиками, натуралистами и, во всяком случае, математиками, потому что математика научает логично и точно мыслить, а без привычки к такому мышлению не может быть ни надлежащего использования военной техники, ни правильного приложения тактики, базирующейся на технике. Идея технократии не привилась в политике, не привьется и в военном деле, потому что офицер должен быть больше психолог, чем математик, больше властелин солдатских душ, чем знаток военных машин. Однако необходимо, чтобы мышление всех офицеров формировалось под действием математических наук; чтобы, во-вторых, значительный процент офицеров имел техническое образование ранга инженера; чтобы, в-третьих, кроме оперативного Генерального штаба существовал и технический Генеральный штаб из офицеров с техническим образованием ранга дипломированного инженера. Технический Генеральный штаб имел бы своим назначением: из общей техники отбирать для нужд военной техники все идеи, конструкции, методы, средства, которые могут быть полезны воинству; следить, чтобы типы и количество военной техники воинства соответствовали способностям промышленности страны (в мирное и военное время); чтобы тактические и оперативные идеи в воинстве находили себе поддержку в военно-техническом изобретательстве; чтобы воинство наилучшим образом использовало технику, поставленную в его распоряжение».

Чтобы занимать надлежащее доминирующее положение в стране, офицерство должно стать её подлинной интеллектуальной элитой. У нас немало постарались, чтобы образ офицера ассоциировался с некими малообразованными, недалёкими, «быдловатыми», пьющими и матюгающимися почём зря субъектами. Персонажами из анекдотов. Так, вот, подобным образом не должно быть места. Но «зачистить» от подобных памфлетов наши СМИ и т.н. «искусство» даст крайне мало, если реальный образ офицера не станет соответствовать тому, о чём мы говорили.

Когда образ офицера в общественном сознании станет ассоциироваться с высоким интеллектом, культурой, волей и честью, когда офицерство станет восприниматься, как элита и основа государства (как было это в Золотой наш век), то наши слова и действия будут иметь качественно иной эффект, иной вес. Генерал М.А. Драгомиров предъявляет к офицерам следующий перечень требований: «Быть твердым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата.

Если припомнить, эти основы были: а) преданность Государю и Родине до самоотвержения, б) дисциплина; в) вера в нерушимость (святость) приказа; г) храбрость (решительность, неустрашимость); д) решимость безропотно переносить труды, холод, голод и все нужды солдатские, е) чувство взаимной выручки.

Помните, что люди, которые будут вверены его попечению, не в состоянии применяться к нему, а он к ним должен примениться. В этом смысле от офицера потребуется бесконечная терпимость и снисходительность. Чем больше со стороны офицера будет теплоты, участия, терпения, тем легче он найдет доступ к сердцу и сознанию молодого солдата; в таком случае лучше пойдет его воспитание и образование, ибо солдат уверует в офицера и, уверовавши, во всем послушает.

В мере возможной для младшего офицера быть внимательным к малейшим нуждам подчиненных. Нельзя себе представить, до какой степени солдат это понимает. Люди, с которыми вы дадите себе труд так поработать, будут ваши в самые трудные минуты военной жизни и - не выдадут.

Выработать в себе правильное отношение к приказанию. Офицер должен добиваться совершенно точного исполнения всего по правилам уставов, не требуя на первых порах быстрого и ловкого исполнения: это приходит только со временем. Для того чтобы добиться исполнения по уставу, офицер должен следить за самим собою, чтобы его требования и приказа не носили характер каприза: то, что он потребовал известным образом раз, должно требовать таким же точно образом постоянно. Выработав, таким образом, законность в самом себе, офицер будет чуток к беззаконности и не даст развиваться ей в своих подчиненных, т.е. уберезет их от того, что составляет основу самых разнообразных и ужасных преступлений.

Уметь держать себя по отношению к солдату, т.е. уметь установить свои отношения к солдату так, чтобы эти отношения способствовали делу воспитания и образования солдата, не обращаясь ни в стремление к излишней популярности, ни в излишнюю суетливость, ни в излишнюю доступность и т.п.».

Драгомиров также категорически запрещает преследовать «подчиненных самостоятельных, упорных, твердых, с сознанием личного, хотя бы даже и щепетильного достоинства... Руководитель должен вооружиться терпением, самоотвержением и уважением к чужим мнениям, он должен радоваться малейшим проблескам оригинальной мысли, уметь поддерживать и развивать их. Без этих качеств он не годится в руководители. Должно вести занятия так, чтобы не подрывать в занимающихся веры в себя. Если этого нет, наилучший руководитель не только не поможет, но напортит: ум подготовит, а волю подорвет. Но у запуганного человека и ум, как бы он ни был развит, плохо действует. В нашем деле подобная наука хуже невежества: потому хуже, что успех в военном деле зиждется на воле; ум подсказывает только лучший путь к успеху»

Антон Керсновский со свойственной ему афористичностью указывает следующие необходимые для командира критерии: «Два качества лучше всего выражают сущность воинской этики: благожелательность к подчиненным - таким же офицерам, как начальник, - и сознание величия «чести командовать»».

Апухтин в статье «Характер отношений начальника к подчиненным» развивает эту мысль: «Начальник должен усугублять нравственные силы подчиненных тем гордым сознанием своего достоинства, которое дается, когда начальник не упускает случая, особенно публично, оказать подчиненным знак своего внимания и уважения. Они имеют на это право, которое им дает носимое ими звание. Огромную ошибку делают те начальники, которые третируют младших, как мальчишек или как величину, не имеющую значения. Откуда у них возьмется любовь к службе, если начальство как бы говорит, что они ни на что не годны и вся их деятельность ничего не стоит? Служебные отношения должны всегда основываться на той особой воинской вежливости, которая одновременно свидетельствует о достоинствах отдающего приказа и исполняющего их.

Необходимо внимательно принимать и отдавать честь. Небрежность начальника в этом отношении показывает, что он, злоупотребляя властью, манкирует одновременно и дисциплиной, и вежливостью.

В общем, надо интересоваться своими младшими сотрудниками и сделать их существование не только возможным, но и достойным.

Чувство личного достоинства - это сила как для простого солдата, так и для офицера, это элемент энергии, а потому не следует пренебрегать никакими средствами, чтобы увеличить эту силу в сердцах солдат. Очевидно, сколько необходимо осторожное, бережное обращение с этой силой, которую ведь можно и привести к нулю грубостью, ненужной строгостью, запугиванием. К сожалению, существует мнение, что подобное обращение необходимо во имя дисциплины. Стоит ли доказывать, насколько подобное убеждение ложно? Можно лишь пожелать этим господам, чтобы им не довелось разубедиться под давлением горького боевого опыта. (...)

Итак, войска должны состоять из единиц не механических, а органических. Если они способны лишь принимать и исполнять волю начальника, как ружье, стреляющее только при надавливании пальца на курок, они лишь массы инертные, им надо еще проникнуться самодеятельностью и жизнью. Воевать с частью, выдрессированной на постоянном ожидании приказаний, - это почти то же, что на охоте заменить живых собак механическими куклами. Чтобы часть жила своей внутренней жизнью, начальник должен всячески развивать в среде своих подчиненных дух инициативы. Пусть в данную минуту результат работы, начатой по собственной инициативе подчиненного, окажется не совсем удовлетворительным. С этим надо помириться, ибо результат каждого дела можно исправить. Гораздо опаснее в нашем деле нерешительность, боязливая растерянность, неспособность принять на себя ответственность за свои распоряжения. А эти ужасные свойства непременно сошьют себе прочное гнездо в армии, если начальство желает лично выполнять всю ту работу, которая выпадает на долю совокупной деятельности его сотрудников-подчиненных».

В советской армии о соблюдении достоинства подчинённых пеклись менее всего. Наоборот, подавление этого достоинства, унижение его сделалось частью системы. Это почиталось у нас «школой молодого бойца» и «закалкой». Ничего доброго подобной «закалкой» добиться, разумеется, нельзя. В каждом человеке должно уважать образ Божий. В каждом «салаге» - будущего Воина. Воина можно воспитать из «буяна» и «раздолбая». Даже из изнеженного «маменькина сынка». Но из сломанного человека - невозможно. Он так и останется - сломанным, приученным к страху, к подбострастью, безвольным и неспособным к Поступку, к решительному действию. К сожалению, советская система потрудилась в этом плане над всем обществом, ломая и ломая через колено души и судьбы, отрывая от корней, приучая к страху и взаимной подозрительности... Наше поколение вспомнит песню актёра М. Ножкина о потомках 37-го: «Я не трус, я не трус, от опасностей я не бегу, / Но боюсь, но всё время чего-то боюсь, а чего и понять не могу!» Заметь, что многие советские офицеры могут быть отважны в боевых условиях, когда требуется рисковать своими жизнями, но что происходит в жизни мирной? Те же самые офицеры не смеют сказать слова, сделать шаг, скатываются до бесчестия и подлости, до самой постыдной трусости... Почему? Просто и не объяснишь. Ведь уже в победном 45-м как ярко проявлялось это! Герои, отважно бившие «фрица», дрожали перед какими-нибудь тыловыми крысами... в синих фуражках... И молчали, и предавали, и ломались...

Постсоветской общество состоит в значительной мере из таких сломленных людей. Причём надломленность часто передаётся и детям, и новые поколения не могут изжить старых болезней из страхов. Впрочем, постсоветская армия и не стремилась к тому. В ней так и считали, что человека надо сперва сломать, чтобы сделать из него солдата... А потом этих солдат бросали на убой в пекло чеченских войн, не заботясь об их жизнях, следуя опять же советскому «русские бабы ещё нарожают».

После Божией правды нет ничего более ценного, нежели человеческая жизнь. Жизнь наших подчинённых, жизнь солдат - величайшая драгоценность, за которую отвечаем мы перед их родными, перед Отчеством и перед Богом. И тратить эти драгоценные жизни допустимо лишь в случае настоящей необходимости, употребив при том все средства, чтобы минимизировать потери. Те же командиры, что используют своих солдат в качестве живого мяса, не достойны ничего кроме презрения и проклятия.

Наша задача воспитывать наших подчинённых так, чтобы на войне они оставались людьми, а в мирной жизни - Воинами. В этом случае, они преуспеют и подадут добрый пример и там, и там. И так будет оздоравливаться и набираться необходимой крепости всё наше общество. Поставляя обществу сильных, цельных, воспитанных в лучших традициях Русского Воинства людей, способных быть неутомимыми делателями Правды, мы создадим ту необходимую доминанту, о которой шла речь в начале этого письма.

Известна пословица - каков поп, таков и приход.

В армии... могут быть добрые солдаты при худом генерале, но не при худых командирах частей, строевых офицерах. Также не может быть худых солдат при добрых командирах. Командир всегда является безусловным примером для подчинённых. И если командир пьяница, развратник, вор или ещё что-то в этом роде, то ни дисциплины, ни порядка, ни чести в его части не будет.

«Роль офицеров в армии чрезвычайно поднимается в своем значении и усложняется тем обстоятельством, что, будучи воспитателями, они в то же время являются для нижних чинов тем образцом, идеалом воина, к какому они сами обязаны побуждать стремиться своих воспитанников, - указывает А. Сурнин в уже цитированной работе. - Отсюда видно, что «качество армии зависит от качества офицерского корпуса». В этом смысле офицеры являются краеугольным (основным) камнем всего военного строя, они составляют душу армии, хранилище ее преданий и традиций. Чем качество офицерского состава выше, чем больше они отвечают своему назначению, тем и вся армия явится более подготовленной к бою, тем более она будет отвечать и в мирное время государственным требованиям народа. Для того чтобы офицер удовлетворял своему назначению, от него требуется здоровье, твердость в основах воспитания, требуемых вообще от каждого солдата, свойства характера, необходимые для воспитания подчиненных, твердое знание всего того, что от подчиненных требуется, проявление во всем примера, сила воли, ум, общее и военное образование, военное дарование, искренняя преданность военному делу, бескорыстие, способность руководить чувствами массы. Словом, качества военного духа: нравственные, умственные и физические... Он должен понимать, что военная служба не есть средство к блестящей карьере, а заключается в том, что офицер, кроме военного дела, является воспитателем всего народа, который проходит через его руки. Но подобное воспитание не должно заключаться в речах и бесконечных беседах, оно должно проводиться незаметно. Раз офицеры будут проникнуты сознанием своего положения, связанным с определенными обязанностями, раз они будут непреклонно проводить эти принципы в своей служебной деятельности, то этого будет вполне достаточно для сказанного воспитания. Социалисты, антимилитаристы, интернационалисты и представители прочих крайних политических партий делают успехи и борются с ними - долг каждого гражданина, любящего свое отечество. А сказанным воспитанием офицер исполняет свой гражданский долг.

Офицер должен быть способен горячо любить своих подчиненных; любовь эту он должен показывать на деле справедливым и человеческим отношением к солдату.

Нравственное влияние офицера должно быть непрерывно на службе, на учениях; вдумчивый офицер всегда найдет способы благотворно влиять на своего подчиненного. Пример со стороны офицера обязателен, и потому поведение офицера всегда должно быть безупречно»...

Специально для "Русской Стратегии"

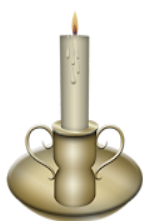
Сайт - "Перекличка" - электронный журнал русского обще-воинского союза.
<https://pereklichka.livejournal.com/1081963.html>

Каппелевцы

Там - под бурю набатного звона,
 В снеговые сибирские дали
 Они мчались в горящих вагонах,
 На разбитых площадках стояли.
 Они пели, безумные пели -
 Обреченные в жертву Вандалу;
 На их темных кадетских шинелях
 Еще свежая кровь застывала!
 Красный враг наступал отовсюду,
 Русь металась подстреленной птицей...
 Никогда, никогда не забуду
 Эти русские, детские лица!

1928 **Нина Снесарёва-Казаква.**
 (1896 -1948)

ДОМ С КИКИМОРОЙ

ПЕРМСКИЕ ЛЕГЕНДЫ:

(Печальная повесть о пермском дворянине Елисее Чадине)

Как много сказов и легенд
Хранит земля Урала.
В реке времён остался след -
Людей, гробов не стало...

Но время рассказать пришло,
Как летопись хранила души.
Так хочется порой послушать
О том, что было и прошло.

Век девятнадцатый настал:
Наполеон разбит, повержен.
Империи железный стержень
Ковал, как бог, седой Урал.

Заводами дымила Пермь;
Особняки вели дворяне;
В полях работали крестьяне;
В лесах бродил косматый зверь;

По улицам – честной народ;
Счастливые мамы с чадом;
Зевал в окошке рыжий кот...
Качался в кресле, дремля, Чадин...

Ушёл со службы Елисей
(Служил ещё императрице).
Любил в года те веселиться:
Модисток, карты, лошадей.

Но на шестом десятке вдруг
Ему открылось, как прозренью,
Что не богат он, к сожаленью,
И в доме слишком мало слуг.

Но всё ж решил, да будет так:
Наперекор несносным бредням,
Да и на зависть всем соседям
Построит к лету особняк!

Чтоб с мезонином... был высок...
С колоннами... чтоб стиль барокко...
Чтоб виден был он издалёка...
Чтоб все испытывали шок!

К зиме работа занялась:
И муравьи-мастеровые,
В труде склоняя в поте выи,
Пилили доски, матерясь.

Носили брёвна, кто горазд,
Кто кирпичи возил упрямо...
Вина хозяин не припас
И водки не было ни грамма.

Но с божьей помощью и так,
С молитвою от Елисея,
Мастеровые поскорее
Воздвигли к лету особняк.

И он предстал во всей красе:
Шикарный, как дворец вельможи.
Соседи воротили рожи
От зависти... Плевали все!

Но стоит вот сказать о чём,
Что всей истории причина:
Он сэкономил кирпичом
На печь и плиты для камина

Принёс из кладбища (могильных плит)
С каким-то пьяным офицером.
Сложили печку: вот, горит!
И в доме адски жарко – в меру...

А между тем настал июнь,
И за окном цвели рябины...
У Елисея со всех струн
В дому звенели именины.

На праздник бурный живота
Собрал он всех дворян округи:
Пришли князья, друзья, подруги.
Считали слуги: душ полста.

Глядел довольный Елисей:
Ходил с бокалом, пил с гостями
И принимал от них елей
И восхищение горстями.

Под вечер все валились с ног,
Кто от вина, а кто от чада...
– Прошу отведать мой пирог! –
На веселе воскликнул Чадин:

Горячий, только что с печи
(Уж повар постарался, душка).
Приятно в животе урчит...
– Неси пирог, Петрушка!

Петрушка, поварёнок малый,
Но в выпечке достиг высот,
Принёс пирог под покрывалом
Под вопли пьяные господ.

Приятный запах яблок, мёда,
Ванили вдруг развеял шум.
Поэту вдохновенье оду
Несло на возбуждённый ум:

«В мгновенье ока покрывало
Слетело птицей с пирога»...
Рука поэта написала,
Но не пошла к нему нога.

Раздались крики, визги. Дамы
Без чувства падали на пол.
Народ крестился и упрямо,
Спиною пятясь, вон пошёл.

Лежал пирог, в свечах краснея,
С рисунком из могильных плит,
И череп – череп Елисея
В те плиты был искусно влит...

О тех весёлых именинах
Судачил город месяц-два.
Про плиты печки и камина
Ходила страшная молва.

А что же Чадин? Слёг, бедняга,
И не вставал три дня без сил.
На кладбище слуга с дворнягой
Его, рыдая, отвозил...

Шло время. Век под середину
катился, как бильярдный шар.
И Пермь росла, дома раскинув,
Но вдруг лизнул её пожар.

Как коробки, дома пылали.,
Бросало пламя до высот.
Потом в Управе посчитали:
Сгорело более трёхсот.

Но выстоял один, красея,
Когда горело всё вокруг,
Лишь дом бедняги Елисея
Стоял и вызывал испуг.

Гудели люди и дивились,
А кто-то видел там, в окне,
Как черти в доме веселились
С кикиморой наедине.

Когда же пламя подступало,
Она кидала из окна
«Слетевшей птицей» покрывало,
Ужасным обликом страшна.

Народ шептался: Правда ль это?
И почему он не сгорел?
Но так и не нашли ответа,
Как особняк остался цел?

Но то, что пощадило пламя,
Года не могут пронести,
И люди особняк тот сами
Без сожаления снесли...

И век уж подходил к закату....
Поумирали старики,
Кто Елисея знал когда-то,
Кто ел и пил с его руки.

Забылась байка городская...
И будто с чистого листа,
Забилась в городе иная
Простая жизнь и суета.

Где раньше дом был Елисея,
Управой был воздвигнут храм
Науки. Мир стал веселее
Для женщин, девушек и дам.

Гимназия Императрицы
Марии с башенками ввысь
Ворвалась красною зарницей,
Стремительно меняя жизнь.

А рядом архитектор мудрый
Поставил церковь у ворот,
Чтоб пред учёбою под утро
О боге думал в ней народ.

И уж ничто не говорило,
Что здесь стоял ужасный дом
С нечистою коварной силой –
Всё временем пошло на слом.

Лишь только красные рябины
Цвели всё так же у окна
И грустно провожали спины
Людей, бродивших до темна.

Сергей Михайлов. Россия.

**Не относитесь к жизни
слишком серьезно - живым
вам все равно из нее
не выбраться!**

Похороны «норманнской теории», или...

Потомки Меровингов

Норманнская теория указывает на то, что славяне до прихода Рюрика на Русь были племенами отсталыми, во всех смыслах этого слова, не способными к самоорганизации. Так называемые "учёные норманнисты", в своих доводах ссылаются на некоторые древние летописные источники, одним из которых является Радзивилловская летопись.

Якобы в ней написано о том, что нецивилизованные славяне, призывая великого норманна на Русь, рекли:

«Рюрик, приди к нам и владей нами.
Ведь Земля русская и велика, и обильна,
да вот порядка в ней нет...»

...При этом славяне падают на колени и непременно проливают слезы. И с таким упорством преподносится эта теория, что многие русские люди начинают в неё свято верить. Однако, если внимательно ознакомиться с оригиналом древней рукописи, и понять суть некоторых древних слов, то смысл написанного становится совсем не тот, который нам преподносят.

Мало того, у большинства исследователей русской древности о норманнистах сложилось убеждение, что в течение двух веков, эти люди, называющие себя учёными, вообще НЕ ЧИТАЛИ ТЕКСТОВ ЛЕТОПИСЕЙ В ОРИГИНАЛЕ, а пользовались более поздними, переписанными и исправленными копиями, или же просто повторяли слова своих учителей.

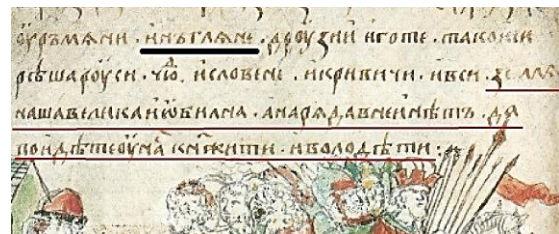
Так о чём же повествует Радзивилловская летопись?

Давайте прочтём тот самый отрывок из оригинала, на который постоянно ссылаются все русофобы.

**Вот это место
в оригинале Радзивилловской Летописи:**

«Земля наша велика и обильна, а НАРЯДА в ней нет. Да поидете у нас княжити и володети... И срубиша город Ладогу... От тех варяг прозвася Руская земля. Новгород тий - солюЕд.

Новгородци от рода вАренска прозвася»
[РЛ, Л. 8 об. См. илл. 1].

А теперь давайте разбираться по порядку...

Нарядом на Руси называлась небольшая дружина, стоящая на охране одного из рубежей государства. В современном представлении это будет погранотряд.

До сих пор в армии сохранилось понятие - идти в наряд. То есть небольшой группой выполнять какие-то служебные дела или заступить на охрану какого-то объекта. Норманнисты в армии не служили, поэтому об этом ничего не знают.

Из летописи следует, что для несения службы в должности командира погранотряда, приказано было прибыть русскому князю Рюрику - потомку Пруса, Царя Второго Рима. Поэтому и обосновался он не в столице громадного государства, а на его окраине - в новом городе Ладоге. Сами варяги себя варягами и называли, поскольку были связаны с варением соли, и с её защитой при транспортировке. А поскольку этимология слов ВАРЯГИ и ВАРНЫ русская, то и

сами варяги это одно из русских, славянских племён. Русь - в старославянском языке означает светлое место. А слово ПРУС - это русское имя или название человека из определённого места, на границе Руси: то есть ПоРусии или П Русии...

В современном русском языке известны названия: Поморы, Пограничье, Поволжье, Полесье. Или слова с сокращённой приставкой **по**: Просека, Праздник, ПРАВЬ, Правда... Не удивительно, что в современной Пруссии, очень много генетических славянских корней и археологических артефактов, ведь это одна из частей древней Руси. Аналогичная ситуация и в германской Померании, то есть Поморье, и в Скандинавии.

Опять же, автор Летописи указал, что княжить и владеть Рюрик будет

НЕ НАМИ, а У НАС.

При приёме на работу говорят: "Уборкой будешь заниматься У НАС во дворе". Это ведь не означает, что нанятый человек будет хозяином для своих работодателей. Далее, в тексте летописи нет слов о том, что три брата пришли "от Немец", "из Немецкой земли". Это будет дописано намного позже, в летописях восемнадцатого века.

Теперь уже нет сомнений, что варяжские славяне, потомки русских ариев, из родов ареникх, под началом потомков ромейских царей - совершали плавания и к берегам Америки.

Во времена призвания Рюрика побережье Балтийского моря было славянским. Лишь в XVI веке оттуда на Русь стали переселяться дворянские роды, - «из немецкой земли», «из прус» под воздействием германской агрессии.

Ведь и Ипатьевская, и Лаврентьевская летописи - лишь списки с РЛ, сделанные в XVIII в. с многочисленными приписками и исправлениями, искажающими облик прошлого России.

(Словарь русского языка XI–XVII веков. - Москва, Наука, 1975. - С. 548).

Таким образом, "норманнская теория" лопается, как мыльный пузырь. Как уже говорилось выше, причина её возникновения, связана или с неверным прочтением текста первоисточника, или с умышленным желанием исказить всё русское.

Во-многом, причина возникновения НТ - неверное прочтение текста источника. Повторяю, в течение 2-х веков российские учёные НЕ ЧИТАЛИ ТЕКСТ НА ЭТОМ ЛИСТЕ (илл. 1)

Русских в Средние века называли норманнами (См.: В.И. Карпец. Русь Мироеева. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - С.24). Именно эти норманны - потомки русских ариев совершали плавания к Америке. Рюрик был внуком обдоритского короля Витислава. В *Annales regni Francorum* упоминается, что в 789 году Карл совершил экспедицию для защиты мекленбургских обдоритов от славянского племени вильцев. Франки навели два моста через Эльбу, перешли реку и при поддержке союзников (саксов, самих обдоритов и лужицких сербов) нанесли страшный удар вильцам. Согласно анналам, те дрались упорно, но устоять перед огромными силами союзников не смогли. Карл гнал вильцев до реки Пены, всё уничтожая на своём пути. Их столица капитулировала, а князь Драговит покорился и дал заложников. В качестве союзника Карла Великого упомянут король обдоритов Вицин (Витислав). Защищая его и его земли, Карл Великий и решил пойти в поход на вильцев.

Земли обдоритов крайне малы по сравнению с землями обширнейшей империи, которую возглавлял Карл Великий. Как правитель нескольких поселений мог быть союзником правителя всей Западной Европы? Кем же мог быть этот союзник, если не родственником? Карл Великий был в родстве с Меровингами: его прабабушкой была Бертрада - дочь короля Теодориха Третьего (См. В.И. Карпец. Русь Мироеева). Бесспорно, Витислав был одним из Меровингов. Он не был потомком вандальских королей, п. ч., в таком случае, он не был бы в родственных отношениях с Карлом Великим. Оказывается, имя РЮРИК носили римские военачальники. Их было несколько, а мы рассмотрим двоих.

1. Почти за сто лет до падения римской власти на Апеннинах упоминается Рурик или Руриций, (Ruricius), правитель африканской римской провинции Триполис. Это территория нынешней Ливии. Во второй половине IV века он был казнен по ложному обвинению в городе Ситифисе.

2. Начало IV века. Речь идёт о захвате будущим Константином Великим Апеннин. Одним из военачальников, который тогда попытался дать отпор Константину был некий Руриций или Рурик (Ruricius), известный также как Руриций Помпеян, префект Вероны, верный Максенцию - врагу христиан. Этот Рурик руководил обороной Вероны и погиб в кровопролитном сражении с войсками царя-христианина в августе 312 г.

Земли обдоритов были окраиной Римско-Франкского мира, поэтому имя Рюрик могло прийти к обдоритам от франкских королей. Один из обдоритских королей короновал себя в присутствии Карла Великого. Почему этот обдоритский король не мог быть из рода Каролингов? Дело в том, что Каролинги - это не славяне. Обдориты могли призвать на правление ТОЛЬКО СЛАВЯНИНА - князя, для которого славянский язык был бы родным... Они, как известно, враждовали с соседями-неславянами, желавшими превратить их в рабов. А почему был венчан именно потомок франкских королей, а не обычный обдорит? Традиция в Средние века была такова, что не потомков монархов НЕ ВЕНЧАЛИ. Они становились либо старейшинами, либо воеводами! Гостомысл, например, был старейшиной. Ему бы в голову не пришлось возложить на свою главу княжеский венец, ведь никому не хочется быть осмеянным на старости лет. Быть может, какой-то франкский Рюрик из рода Меровингов был мужем обдоритской королевы - матери, бабки, прабабки или прапрабабки обдоритского короля, которого по этой причине могли назвать Рюриком.

Имеется два византийских источника, утверждающих, что русские - это, фактически, подданные франкских императоров. Согласно средневековой международной классификации, народы перенимали национальность (!) своих правителей. Так, например, в «Жизнеописании царей» под авторством Продолжателя Феофана сообщается: «Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта (941 год) на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков». Но ведь франкские правители - это Меровинги! Когда к власти пришли Каролинги, франков в Западной Европе почти не было. Военачальниками росов были родственники Рюрика, поэтому следует уверенно сказать: Рюрик - потомок Меровингов.

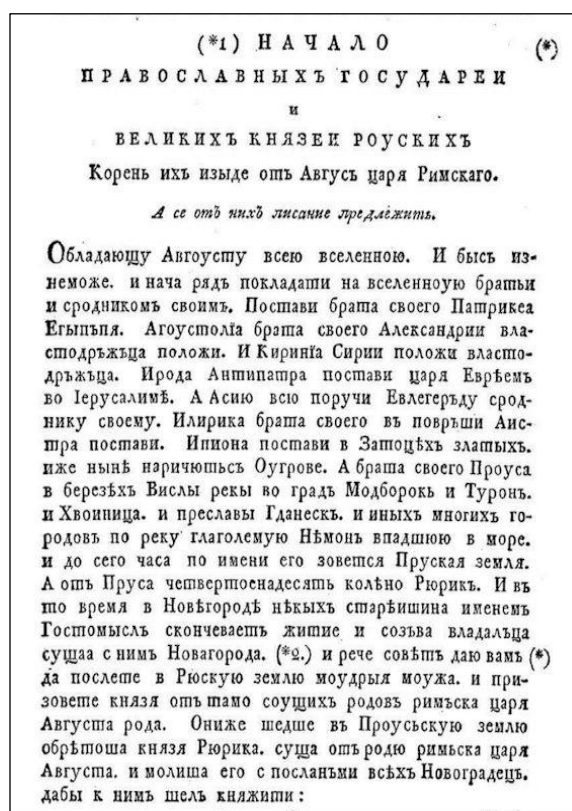
Представление ромеев о русах как о франках восходило к долговому и тесному союзнничеству русов-обдоритов и франкских императоров (или их потомков). Франкские венценосцы длительное время поддерживали связь с Ромейскими императорами - своей родней, а в Риме на Босфоре прекрасно знали в ком из монархов Европы течет кровь Царей Рима.

В Западной Европе предпочитали называть Меровингов «вандалскими королями». Так было безопаснее, так как Меровинги были православными императорами, а в Западной Европе царил латинская ересь. В XVI веке в северной Германии распространилось лютеранство. О православных Меровингах никто и слушать не хотел!..

Единственную объективную информацию о Меровингах - православных правителях франков - оставила нам императрица Екатерина Великая.

Екатерина Великая переписывалась с Ф. Гриммом. Гримм был немецким ученым, писателем и дипломатом, который жил во Франции. Он был хорошо известен при дворах Европы, и с его помощью Екатерина могла узнавать о том, что происходит в европейских интеллектуальных кругах. Следуя рекомендациям Гримма, Она покупала книги и произведения искусства, а также делала заказы архитекторам, которых он находил.

Екатерина Великая утверждала в одном из писем Гримму: «Я собрала множество сведений о древних славянах и вскоре буду иметь возможность доказать, что они дали названия большинству рек, гор, долин, округов и областей во Франции, Испании, Шотландии и других местах» (Письмо от 9.09. 1784 г.). А спустя неделю Она писала ему: «Говорю это вам одному, потому что это недостаточно исследовано: дело в том, что салийцы салического закона, франкские короли Хильдерик I, Хлодвиг и весь род Меровингов были славяне, как и вандалские короли Испании. Их выдают их имена, а также их поступки. Не удивляйтесь больше, что фран-

цуские короли принимают присягу на славянском Евангелия при их коронации в Реймсе» (речь идет о знаменитом Реймском Евангелии). (Письмо от 14.09. 1784 г.). Например, имя Людвиг, по Ее толкованию, состояло из двух славянских корней: «люд» от «люди», и «двиг» от «двигать»: «Это имя как бы значит - управлять людьми, приводить их в движение». Хильдерик I был свергнут с престола, потому что хотел, чтобы галлы, которые получили от римлян латинскую азбуку, прибавили к ней три славянские буквы, а именно Ч, Ш, Щ. Она прекрасно знала, что против славян велась и продолжает вестись война:

«Не показывайте этих заметок ни Байльи, ни Бюффону, это не для них, хотя они первые указали на существование народа, которого, может быть, и не собрались открывать». (Письмо Гримму от 24.12.1788 г. / Письма Екатерины II к Гримму. - СПб., ТИАИ, 1878. - 478 с.).

Франки пришли на территорию нынешней Франции из Паннонии (Турский Григорий. История франков; пер. В.Д. Савуковой. - М.: Наука, 1987. - С. 39). Т. е. мы видим, что франки пришли в Западную Европу из западнославянских земель. Т. е. они пришли, фактически, из Моравии. "Мур" - это КАМЕНЬ, ХРАМ. Близкое слово - ЗАМУРОВАТЬ. Именно поэтому их династия стала называться Меровингами. Предком Меровингов был согласно Liber Historiae Francorum Маркомир. Его отцом был понтийский Царь Парис (Приам, Лучший, Вятший). Вы догадываетесь, в честь кого была названа столица Франции? Когда Княгиня Ольга и сын Ее Святослав прибыли во дворец к василевсу, Они никому не кланялись, а кланялись только Им. Нарушения придворного церемониала не было: Они были потомками Царей Рима.

Об этом можно прочесть и в Степенной книге [ПСРЛ. XXI. Часть I - Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 1. СПб.: Издание Императорской археографической комиссии, 1908. - С. 7]:

О том же говорится в Сказании о владимирских князьях: «В то время некий воевода новгородский именем Гостомысл, умирая, созвал всех владетелей новгородских и говорит им: *«О мужи новгородские! Даю вам совет: пошлите в Прусскую землю человека мудрого и призвите от знатных тамошних родов правителя себе»*. Они пошли в Прусскую землю, и нашли там некоего князя именем Рюрик из рода римского императора Августа, и упростили его посланцы от всех новгородцев идти к ним княжить. Князь Рюрик пришел в Новгород с двумя братьями, одному имя Трувор, другому - Синеус, а третий был его племянник, по имени Олег. И с того времени назван был Новгород Великим, и начал великий князь Рюрик первым княжить в нем в 6375 году».

А вот о чем говорится в книге Русская летопись с Воскресенского списка подаренного в оной Воскресенской монастырь патриархом Никоном в 1658 году. - Санктпетербург : При Имп. Акад. наук, 1793-1794. Это собственно та же «Повесть Временных Лет», только по другому списку-копии. Напоминаю, что подлинников нет и не было в принципе.

Польский профессор Урбанчик, утверждает.

«С самого начала, в наших исследованиях в Исландии, был обнаружен славянский след. Мы открыли уже третье в этом регионе славянское жилище - квадратную полуземлянку. Такие жилища в девятом - десятом веке были характерны для территорий по рекам - Эльбе, Одере, и Висле, а также для Руси. Они не имеют никаких аналогий со скандинавскими постройками. Точно такие же славянские жилища, отличные от скандинавских, я обнаружил ранее в Норвегии».

- Это русы открыли Америку, а не скандинавы.

Приведём несколько цитат из польской статьи, посвящённой славянскому пиратству на Балтике: (Mariusz Zulawnik, PIRACTWO SLOWIANSKIE NA BALTyku DO 1184 ROKU, 1999 ТЕКА HISTORYKA, 1999.- zeszyt 16. -S.5-18.): «Пираты организовывали экспедиции ради захвата добычи или невольников. Богачи были ценной добычей, поскольку за них эти морские разбойники могли получить большой выкуп. Остальные пленные продавались на торгах. Большое количество пленных после каждой экспедиции приводило к тому, что цены на невольников на славянских рынках резко снижались. Иначе дела обстояли, например, в Дании, где цены немедленно взлетали вверх. Причиной этого была нехватка рабов после славянских атак. Пленных, захваченных в столкновениях с поляками, продавали либо в Данию, либо на Руян, а пленных с Севера (датчан) – преимущественно, на Запад и Юг Европы. К более ценным невольникам, например, богачам, относились лучше, чем к остальным, которых использовали, среди прочего, на тяжелых работах, например при строительстве судов. Над ними часто издевались. У Титмара мы можем прочесть как поступали с некоторыми заложниками: «их гнев передался остальным корсарам. Наутро отсекали они нос уши и руки священнику (...) и остальным заложникам; затем выбросили их за борт в залив...» «Сага о Хаконе Добром»

сообщает о нападениях викингов-вендов на скандинавские земли (совместно с датчанами). Цитируем: «Затем Хакон конунг поплыл на восток вдоль берегов Сканий и разорял страну, брал выкупы и подати и убивал ВИКИНГОВ, где он их только находил, как датчан, так и ВЕНДОВ (РУСОВ)» (swinow).

подавляющим большинством царей РOMEи и монархов Европы в раннем Средневековье были славяне.

При мерovingском дворе служили греческую, а не латинскую литургию, а духовное окормление осуществляли ирландские монастыри, устав которых был именно восточно-православным, а не латинским. На это обращает особое внимание английский медиевист Дж.-М. Уоллес-Хэдрилл в книге «Длинноволосые короли». Он же указывает на то, что язык двора был каким-то особым, непонятным как для римлян, так и для галлов. Каким - он не говорит (это было бы слишком опасным для карьеры оксфордского профессора!). Ну а мы вспомним замечание Егора Классена. Вспомним и то, что при посещении Франции Петру I показали хранившееся в Реймсе Евангелие (уничтоженное во время революции 1789 г.), читавшееся при коронации древних монархов, язык которого никто не понимал. Язык оказался... славянским (См. по: В.И. Карпец. Русь Мироеева. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - С.321. См. по: Е. Классен. Древнейшая история славян и славяно-русов. - М., 1854).

Балканский полуостров был колонизирован славянами. Этим объясняется преобладание на престоле Рима базилиевсов-славян. Немецкий ученый Я. Ф. Фаллмерайер (1790-1861), вслед за римским императором Константином Багрянородным, считал РOMEю «целиком ославянившейся» (См.: Пичет В. И., Шустер У. А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / Ред. Волгин В. П. - М. - Л.: И-во АН СССР, 1942. - С. 232.). Фаллмерайер также утверждал, что эллины были полностью уничтожены славянами. В силу его настойчивого утверждения о славянском происхождении нынешних греков, Фаллмерайер почему-то считался в Греции славянофилом (Veloudis, «Fallmerayer», 65; Curta, «Dark-age Greece», 114).

<https://koparev.livejournal.co...>

Евгений Копарев.

<http://rpczmoskva.org.ru/istoriya/poxorony-normannskoj-teorii-ili-potomki-merovingov.html>

Светлана Скорик

- удивительный мир поэзии -

Светлана Скорик - поэт, критик, литературовед, редактор литературных сайтов literator.in.ua (сайт Литератор им. Юрия Каплана) и stihi.pro (сайт Школа поэзии Светланы Скорик, веб-академия поэзии для профессиональных авторов).

Светлана Скорик родилась в Ташкентской области, выросла в Южно-Сахалинске. Училась в Южно-Сахалинском пединституте и Запорожском университете; изучала английский и немецкий языки и историю. Работала в школе, в Запорожском университете, Запорожской православной епархии.

Организовала в Запорожье отделение Всеукраинского культурно-просветительского общества «Русское собрание», выпускала международный литературный альманах «Провинция», вел раздел литературной учёбы во всеукраинском литературной газете «Отражение» (Донецк).

Председатель Запорожских отделений Конгресса литераторов Украины (КЛУ) и Межрегионального Союза писателей (МСП). Автор восьми поэтических книг, методики оценки стихотворений, исследований по современным поэтическим приёмам и распространённым ошибкам в поэзии, раздела «Духовная поэзия» в коллективном сборнике православных статей Запорожско-Мелитопольской епархии УПЦ. Председатель жюри литературного конкурса при Международном фестивале искусств «Звезда Рождества», редактор одноимённого альманаха, который выходит по результатам конкурса.

Публиковалась в Москве, Санкт-Петербурге, Хабаровске, Южно-Сахалинске, Киеве, Харькове, Донецке, Луганске, Одессе, Днепрпетровске, Запорожье, Житомире, Херсонской обл. и в Крыму.

Дважды лауреат литературной премии им. Олега Бишарева (МСПУ) за серию критических публикаций в «Отражении». Лауреат литературной премии им. Юрия Каплана (КЛУ) за общественную деятельность и большой вклад в развитие современной литературы. Дважды побеждала во Всеукраинских конкурсах русской поэзии, которые проводились «Русским собранием». Победитель международного фестиваля «Редкая птица» (Днепрпетровск) в номинации «Литературная критика». Получила Почётную грамоту председателя исполкома Международного Сообщества писательских союзов Сергея Михалкова за весомый вклад в укрепление духовного единства народов России и Украины, а также благодарности за проведение мастер-классов поэзии на всеукраинских детско-юношеских фестивалях. Председатель Земного Шара-6 в преемственной литературной цепочке за дело мира и братства между народами, основанной Сергеем Есениным и Велимиром Хлебниковым.

СНЕГОПАД

В берёзовой роще идёт снегопад.
Светло и воздушно берёзы стоят.
Не важен ни город, ни час и ни век –
на землю слетает рассыпчатый снег!
Не тает, а ширится, реет, растёт
пушистого снега крупитчатый свод.
Всё копится крупных снежинок крупа –
и вязнет, сугробом шагая, стопа.
В берёзовой роще заснеженный путь.
Светло, и воздушно, и пусто чуть-чуть.
И что снегопаду века, города!
Он весь - ниоткуда... нигде... никуда...
И если возникнет белесая мгла –
то плед у Снегурочки роща взяла
на след опушённый, на взгляд из-под век,
на нежность, пока опускается снег.

2003 г.

Тишина. Свободный снегопад.
Сколько света, свежести, простора!
На лучах и сне настоян сад
за попавшим в тайнопись забором.
Заношу в неё сорочий след,
накрываю облаком и верой
в то, что невесома тяжесть лет
и последний снова станет первым.
Светятся сугробы, стайки крыш.
Снегопад рассеется не скоро.
И такая наслоилась тишь
над попавшим в тайнопись забором...

1997 г.

Стихи Светланы Скорик - продолжение...

Новогодняя сказка

зимнего леса

Как будто дремучее царство и сказочный лес...
 Да, сказочный лес, перламутрово-розовый воздух...
 А это всего только зимнее время чудес.
 А это всего интерьер для Снегурочки создан.

Вон, видите ёлку? Постарше иных городов,
 а держит фасон – толща снега под сто килограммов.
 Ну ладно, под сорок.

Вершиной - под небо зато.

Почти с новогоднего детского киноэкрана.

Сейчас как появится белый кудесник лесов -
 зимы повелитель,

как стукнет клюкою хрустальной!

И лес зазвенит, запоёт, словно хор голосов,
 наполнится ладом и силой гармонии тайной.

И вздрогнут стволы, и алмазная крошка - долой
 с серебряных веток!

И русская зимняя сказка

под видом старушки в фуфайке, с ведром и метлой,
 на тверди небесной исполнит подобие плясок.

Смущённо заушает филин. И выскочит волк.
 На зайца под ёлкой наткнётся, но тут же отпрянет.
 Поди, Рождество, и не время зубищами щёлк -
 пора всем мириться, загадывать сласти желаний...

Ну что же, Морозко, взбивай-ка перины свои,
 дозором ходи, воевода с кустами-бровями!
 Твои здесь владенья - хрустящие снегом раи
 скользящей позёмки, ажурного льда филиграни,

пушистая вата, искрящийся иней ветвей
 и вытканый полог,

улыбка Снегурочки милой.

Счастливые морды волшебных и добрых зверей
 и детская вера в чудесную Добрую Силу.

Бывает такая? Мы, взрослые, скажем, что нет, -
 ан, будем неправы. Что крепче надежды и веры!
 Мой сказочный лес, в шелестящую хвою одет,
 мой славный, мой чудный,
 высокий, таинственный, первый...

Пусть это будет нежно

Пусть это будет нежно.
 Только штрихом и тенью.
 Только ромашкой свежей
 на островке растений -

на полотне-манеже,
 подиуме сакральном.
 Только ромашкой свежей
 и василёчком ранним.

Пусть это будет тонко,
 будет светло по-детски –
 нет, не игра в ребёнка
 на возрастном отрезке

где-то давно за сорок,
 не от душевной лени.
 Просто по жизни дорог
 каждый цветок весенний,

майский ли, летний - каждый
 венчик на нежной ножке, -
 так, что по цвету жажда,
 жажда по бледной брошке

этих огней и глазок,
 маков и маргариток.
 Просто поставишь в вазу
 скромный букет из жита -

синенький, белый, ранний,
 невероятно нежный, -
 словно клочок тумана
 и огонёк надежды.

Пусть это будет тонко,
 пусть это снежно даже -
 поле в душе ребёнка
 оранжерей всех краше.

Стихи Светланы Скорик - продолжение...

Россия, Русь...

И будут снова поле, небо, избы,
морозец славный, снег и Дух Святой,
и дым взойдёт из труб колечком, лишь бы
вставало солнце сразу за верстой,

и руки не забыли вкус работы,
и сердце не умаялось в тоске,
и по трудам судили люди, кто ты,
а остальное – в Божией руке.

А коли живы мы, жива Россия,
что ей обвал, и спад, и круговерть!
Наступит время – снова будут силы
всё возродить, наполнить, отогреть.

Россия, Русь, не оттого, что должно,
пою тебя, а просто ты мне мать,
и если мать свою предать возможно,
и если мать свою хулить возможно,
то как же честь и совесть не предать...

Какое счастье, Боже, в час потери
и даже за пред елом той земли –
в свою Россию беспробудно верить
и сохранять в себе её вдали.

Если б я была Алисой

Если б я была Алисой, вечером, за чашкой чая,
Кот Чеширский мне читал бы

«Книгу сказок» под сверчка
неумолчные концерты, в мягком кресле восседая -
словно джентельмен английский
в бакенбардах и очках.

Я бы села на колени и, прижавшись
к шерсти рыжей,
любовалась на картинки.

А в окне цвела б звезда,
как цветы на абажуре, и её лучи - всё ближе,
свет от лампы не мешает пробираться им сюда.

Кружевные занавески трепетали бы от ветра,
лился б вечер из окошка.

Понарошку, не всерьёз
я б себя воображала романтическим поэтом.
Запахи ночной фиалки ветерок из сада б нёс.

А на беленькой скатёрке под уютным абажуром
пирожки - такая прелесть! - к чашке чая
в самый раз.

Было б всё светло и чинно,
восхитительно ажурно,
если б я была Алисой.

И не здесь. И не сейчас.

Мерцание синих звёзд

Мерцанье звёзд далёких, синих-синих.
Огонь холодный, хрупкий, космос льда.
Туманности как будто замесили,
коктейль молочных рек взболтали, взбили, -
и он течёт, бежит, плывёт сюда.

Но всходят солнца. Магма их дыхания
роняет искры пурпура в туман,
как будто Хаос чувствует заранее
с Материей счастливое венчание,
в котором дух Природы миру дан.

На дальних фиолетовых просторах,
во вспышках новых и сверхновых бурь,
в космических, вселенских коридорах
туманностей волнистый синий ворох -
глубокая и тёмная лазурь.

Поющая мистическая сфера.
Лазоревых полей летит волна
из бездны – с древним Хаосом пещеры,
где вызрело начало Новой Эры, -
и сыплет голубые семена.

В этом сказочном городе

В этом сказочном городе добрые феи
живут,
и над крышами - флюгеры. В виде
жуков и лошадок.

А седой часовщик - удивительный
соня и плут,
и часы на Аллее Влюблённых
не знают пощады.

Ну да ладно с часами -
минутам не ведаёт счёт
тот, кто больше не дружит с рассудком и
сердцем расслаблен.

Только голуби в башнях читают
судьбу наперёд,
и скульптуры в саду уже приняли
мятные капли.

В этом городе славном давно
проживаем и мы -
в нём прописаны тайно, без права
признаться в блаженстве.

С подсознанием не водятся
трезвые наши умы,
лишь во сне пробегая по сказочным
улочкам детства.

Но когда голубиный глубинный
мы слушаем гул,
воркование листьев и капель
сырые квартеты, -

ощуаем, как ветер
безумнейших странствий подул
в невесомом, неведомом,
призрачном городе этом.

"Амурская Осень"

С 16 - по 24 сентября 2017 в Амурской области
проходил 15 юбилейный открытый
Российский кинофестиваль кино и театра
«Амурская Осень».

Рассказывает Е. Кульба из Благовещенска на Амуре.

Ещё до открытия фестиваля билеты на спектакли, творческие вечера, мероприятия открытия и закрытия были почти полностью выкуплены. На фильмы конкурсных программ все билеты в кассах распространялись бесплатно. До открытия фестиваля в течение недели с жителями почти 30 городов и сёл прошли встречи и творческие вечера, на которых выступали артисты, прилетевшие для участия в фестивале. Эти встречи и творческие вечера прошли сердечно и душевно, и после каждой встречи жители долго общались с любимыми артистами. А в день открытия фестиваля - 16 сентября - на красной дорожке артистов и гостей фестиваля представил Президент, продюсер фестиваля, секретарь Союза кинематографистов России Сергей Новожилов - человек высокой ответственности, любви к делу, которому посвятил жизнь. Он со своей командой практически в течение года занимается подготовкой очередного фестиваля «Амурская Осень»...

Ольга Остроумова

Наталья Варлей

Ирина Муравьева

Первыми по красной дорожке прошли звёзды мировой величины: Народная артистка России Ольга Остроумова, Народная артистка России Лариса Лужина, Народная артистка России Татьяна Конюхова. Шёл дождь. Почти все зрители были без зонтов, но дождь в этот прекрасный день был словно романтическим дополнением к празднику. Каждого артиста и гостя фестиваля собравшиеся вдоль звёздной дорожки жители и гости Благовещенска и Амурской области встречали аплодисментами, а артисты и гости фестиваля в шикарных нарядах шли под дождём и дарили улыбки зрителям.

На церемонии открытия 15 фестиваля «Амурская Осень» первый приз «Журавль» - за вклад в отечественный кинематограф был вручён Народной Артистке России Ольге Остроумовой. Второй приз «Журавль» получил за вклад в мировой кинематограф Южнокорейский режиссёр - Ким Ки Дук.

Рядом с гостиницей, где проживали артисты и гости фестиваля впервые был возведён шатёр. Шатёр вмещал до 200 зрителей, и каждый вечер в нём была представлена персона дня. Шатёр посетили и встретились со зрителями: режиссёр Ким Ки Дук, Президент фестиваля Сергей Новожилов, режиссёр и Народный артист России Сергей Снежкин, писатель Виктор Ерофеев и другие артисты, и гости фестиваля. Встречи проходили с 10 вечера в форме вопросов и ответов, с обязательным рассказом о своём творчестве персоны дня, и порой затягивались гораздо больше отпущенного времени... к превеликому удовольствию посетителей. После общения любой посетитель шатра мог взять автограф у персоны дня и сделать с персоной фотографию.

В рамках фестиваля проводились мастер-классы: Мастер-класс «Кино» - по режиссуре и драматургии, Мастер-класс «Театр». А Мастер класс « Австралийское кино сегодня» - вёл гость из Австралии Грег Долгополов.

В рамках фестиваля проходили творческие вечера Народной артистки России Ольги Остроумовой, Заслуженной артистки России Натальи Варлей и других прекрасных артистов составляющих золотой фонд культуры России.

На фестиваль прилетели исполнители ролей в фильме «А зори здесь тихие» - Народный артист России Андрей Мартынов, в фильме старшина Васков; Заслуженная артистка УССР Ирина Шевчук, в фильме - Рита Осянина; Народная артистка России Ольга Остроумова, в

фильме Женя Комелькова. Их участие в фестивале - один из многих подарков от организаторов фестиваля жителям и гостям Амурской области.

В рамках фестиваля прошли конкурсы: 1 - Конкурс Российских полнометражных фильмов, 2 - Международный конкурс полнометражных фильмов, 3 - Конкурс Российских короткометражных фильмов, 4 - Конкурс театральных антреприз. Насыщенная творческая программа фестиваля, наполненная новыми российскими и зарубежными фильмами, концертами артистов, художественными выставками, Мастер-классами, театральными постановками - подарила радость общения с большим искусством жителям и гостям Амурской области.

Открытием «Амурской Осени» стала художница Олеся Матяш. Олеся живёт в Амурской области, подростком лишилась обеих рук, но сумела стать художницей. Её прекрасные работы в рамках фестиваля были выставлены в областном музее. Картины Олеси наполнены добротой, светом и душевным теплом. Одна из работ была отобрана жюри фестиваля и вручена в качестве приза на церемонии закрытия.

На вечере закрытия фестиваля «Амурская Осень» артисты и гости фестиваля сказали много добрых, тёплых слов о Благовещенске, Амурской области и благодарных зрителях - с таким душевным теплом, и так искренне, что зал просто тонул в аплодисментах. Специальный Приз губернатора Амурской области - работу Александра Тихомирова - вручили Заслуженной артистке России Наталье Варлей. Приз мэра города Благовещенска - картину из полудрагоценных камней - вручили Народной артистке России Ларисе Лужиной. За вклад в комедию - статуэтку памятника Гайдая - вручили Народной артистке Ирине Муравьевой. Приз фестиваля - «Журавля» и картину художницы Олеси Матяш - получила Народная артистка СССР Майя Гозель-Аймедова. Спектакль «Мой внук Вениамин» - в главной роли Народная артистка России Лия Ахеджакова - получил 4 приза «Журавля»: за женскую роль - Лия Ахеджакова. Приз «Журавля» получил Дмитрий Мухамадеев - за лучшую мужскую роль. Два приза «Журавля» получил фильм режиссёра Ксении Зуевой «Близкие»: актрисе Надежде Ивановой - за лучшую женскую роль, и режиссёру Ксении Зуевой - за лучшую режиссуру. Приз «Журавль» за лучший сценарий получил фильм «Доминика», - режиссёр и сценарист Олег Агейчев, и сценарист Степан Лапшин. Фильм режиссёра Славы Росса «Сын» получил 4 приза «Журавля» зрительских симпатий, зрительского жюри, а за лучшую мужскую роль - актёр Андрис Кейшс.

В программе короткометражного фильма победил фильм Данилы Дунаева «Чудная баба». Приз за лучшую режиссуру получил режиссёр Дмитрий Булгаков за фильм «Дом на голове Клаузевертца». Актёрскими наградами отметили Марину Васильеву - фильм «Костик», режиссёр Ирина Волкова, и Эльдара Калимулина - фильм «Дым», режиссёр Иван Плечев. Два специальных приза получили: режиссёр Александр Варлей - «Тебе на С», за услышанный голос поколения, и режиссёр Михаила Полякова - «Время жить, время умирать», за верность жанру.

Лучшим зарубежным фильмом Гран-При был признан «Как сумасшедшие» - режиссёр Паоло Вирдзи, Италия-Франция. Лучшая женская роль - артистка Валерия Бруни Тедески, фильм «Как сумасшедшие». Лучший режиссёр Петрос Чараламбус: фильм «Мальчик на мосту» - Кипр.

Второй актёрский приз получил китайский фильм «Старая женщина и орех бетеля» - режиссёр Цзян Лю, Китай.

Гран-При 15 открытого Российского фестиваля кино и театра был вручён режиссёру Алексею Романову за фильм «Весенняя пора. Детство, которое мы не знали».

Фестиваль закончился. Журавли с артистами и гостями фестиваля разлетелись. Эти прекрасные дни фестиваля наполнили сердца организаторов фестиваля, артистов, гостей и жителей Амурской области верой в созидательную силу искусства и надеждой - надеждой, что всё повторится вновь: и Журавли, и душевные встречи, и премьеры, и новые открытия - всё то, что мы называем «Амурская Осень».

*Всем
хочется
хорошо
провести
время...
Но время не проведешь!*

Евгений Кульба. Благовещенск.

ФОТОКАРТОЧКА

В этом году мне понадобилась фотокарточка для пропуска. Не знаю, как в других городах, а у нас на периферии засняться на карточку не является простым, обыкновенным делом. У нас имеется одна художественная фотография. Но она помимо отдельных граждан снимает ещё группы и мероприятия. И, может быть, поэтому слишком долго приходится ждать получения своих заказов.

Так что, являясь скорее отдельным лицом, чем группой или мероприятием, я побеспокоилась заранее и заснял за два месяца до срока. Когда мне подали мои фотокарточки, я удивился, как не похоже я вышел. Передо мной был престарелый субъект совершенно неинтересной наружности. Я сказал той, которая подала мне карточки:

- Зачем же вы так людей снимаете? Глядите, какие полосы и морщины проходят сквозь всё лицо.

Та говорит:

- Обыкновенно снято. Только надо учесть, что у нас ретушёр на бюллетене. Некому замазывать дефекты вашей нефотогеничной наружности.

Фотограф, находясь за портьерой, говорит:

- А чем он там ещё, нахал, недоволен?

Я говорю:

- Неважно сняли, уважаемый. Изуродовали. Разве ж я такой?

Фотограф говорит:

- Я опереточных артистов снимаю, и то они настолько не обижаются. А тут нашёлся один такой - морщин ему много... Объектив берёт слишком резко, рельефно... Не знаете техники, а тоже суётесь быть критиком.

Я говорю:

- На что же мне рельеф на моём лице - войдите в положение. Мне бы, говорю, просто сняться, как я есть. Чтоб было на что глядеть.

Фотограф говорит:

- Ах, ему ещё глядеть нужно. Его же сняли, и он ещё на это глядеть хочет. Капризничает в такое время. Дефекты видит... Нет, я жалею, что я вас так прилично снял. В другой раз я вас так сниму, что вы со стоном на карточки взглянете.

Нет, я не стал с ним спорить. Неважно, думаю, какая карточка на пропуске. И так все видят, какой я есть. И с этими мыслями являюсь в отделение. Сержант милиции стал лепить карточку на мой пропуск. После говорит:

- По-моему, на карточке это не вы.

- Где же, - говорю, - не я. Уверяю вас, это я. Спросите фотографа. Он подтвердит.

Сержант говорит:

- Всякий раз фотографа спрашивать, это что и будет. Нет, я хочу на карточке видеть данное лицо, без вызова фотографа. А тут я наблюдаю совсем не то. Какой-то больной сыпным тифом. Даже щёк нет. Пойдите переснимитесь.

- Товарищ, - говорю, - начальник, войдите в положение...

- Нет, нет, - говорит, - и слышать ничего не хочу. Переснимитесь.

Бегу в фотографию. Говорю фотографу:

- Видите, как слабо снимаете. Не наклеивают вашу продукцию.

Фотограф говорит:

- Продукция самая нормальная. Но, конечно, надо учесть, что для вас мы не засветили полную иллюминацию. Снимали при одной лампочке. И через это тени упали на ваше лицо, затемнили его. Однако не настолько они его затемнили, чтоб ничего не видеть. Эвон как уши у вас прилично вышли.

- Ну хорошо, - говорю, - уши. А щёки, - говорю, - где? Уж щёки-то, - говорю, - должны быть как принадлежность человеческого лица.

Фотограф говорит:

- Не знаю. Ваши щёк мы не трогали. У нас свои есть.

- Тогда, - говорю, - где же они, мои щёки? Я, - говорю, - две недели провёл в доме отдыха. Четыре кило веса прибавил. А вы тут одной своей съёмкой чёрт знает что со мной сделали.

Фотограф говорит:

- Да что, я себе взял ваши щёки, что ли? Кажется, вам ясно говорят: затемнение упало на них. И через это они не получились.

Я говорю:

- А как же тогда без щёк?

- А, - говорит, - как хотите. Переснимать не буду. Всех переснимать - это я премии лишусь и плана не выполню. А мне план дороже вашей нефотогеничной наружности.

Посетители говорят мне:

- Не нервнируйте фотографа. А то он ещё хуже будет людей снимать.

Один из посетителей говорит мне:

- Уважаемый, бегите на рынок. Там фотограф «Пушкой» снимает.

Бегу на рынок. Нахожу фотографа. Тот говорит:

- Нет, я снимаю только со своей бумагой. Без бумаги лучше не являйтесь ко мне, всё равно снимать не буду. А с бумагой сниму. И если у вас есть перина - тоже сниму. Ко мне тётя из Барнаула приехала - ей спать не на чем.

Я было хотел уйти, но тут слышу, какой-то продавец меня к себе кличет. Говорит:

- Давай подходи к моему магазину. Имею готовую продукцию.

Смотрю, у него на газете разложены всякие разные готовые фотографии. Их штук триста.

Продавец говорит:

- Выбирай себе любую и делай с ней что хочешь. Хоть на лоб себе наклеивай. Погоди, я тебе сам подберу. Тебе как - по размеру или по сходству?

- По сходству, - говорю. - Только, говорю, выбирай такую, чтоб щёки были.

Тот говорит:

- Можно и со щеками. Но только они будут дороже на пять рублей. На, прими вот эту фотокарточку. Лучше её не найти. И щёки есть, и нельзя сказать, чтоб сходство начисто отсутствовало.

Я заплатил тридцать рублей за две фотокарточки и пошёл в отделение.

Сержант милиции стал лепить мою карточку. После говорит:

- Так ведь это ж баба.

- Где же, - говорю, - баба. Мужчина в пиджаке.

Сержант говорит:

- Где же, к чёрту, мужчина, если у него на груди брошка. Через эту брошку я и замечаю, что это баба.

Поглядел я на фотокарточку - вижу, действительно женщина. Маркизетовая кофточка под пиджаком. На груди брошка с пейзажем. А причёска мужская. И щёки мои. Сержант говорит:

- Явитесь сюда с настоящими карточками. Но если вы ещё раз предъявите мне женскую или детскую фотокарточку, то вряд ли отсюда выйдете, поскольку у меня мелькают подозрения, что вы хотите скрыться под чужой наружностью.

Целую неделю я провёл как в тумане. Хлопотал, где бы сняться. На восьмой день, беседуя с фотографом, я почувствовал себя худо. И тогда они вынесли меня в сад и положили на траву, чтоб там меня овеял свежий воздух. Придя в себя, я пошёл в отделение. Положил на стол свои первые фотокарточки без щёк и сказал сержанту:

- Вот всё, что я имею, товарищ начальник. И больше ничего не предвидится.

Сержант поглядел на карточки, потом на меня и говорит:

- Вот теперь ничего себе получилось. Похожи.

Я хотел сказать, что я и не переснимался вовсе. После взглянул на себя в зеркало - действительно, вижу, есть теперь некоторое сходство. Получилось.

Сержант говорит:

- И хотя на карточке вы немного более облезлый, чем на самом деле, но, говорит, я так думаю, что через год вы сравняетесь.

Я говорю:

- Я раньше сравниюсь, поскольку мне нужно ещё сниматься для проездного документа, для членского билета и для посылки фотокарточек моим родственникам.

Тут сержант наклеил мою фотокарточку и горячо поздравил меня с получением пропуска.

1943

М. ЗОЩЕНКО.

Да, ты по-крупному умеешь мелочиться...

Бабья книга

Молодой эстет, стилист, модернист и критик Герман Енский сидел в своем кабинете, просматривал бабью книгу и злился. Бабья книга была толстенный роман, с любовью, кровью, очами и ночами.

"- Я люблю тебя! - страстно шептал художник, обхватывая гибкий стан Лидии..." / "Нас толкает друг к другу какая-то могучая сила, против которой мы не можем бороться!" / "Вся моя жизнь была предчувствием этой встречи..." / "Вы смеетесь надо мной?" / "Я так полон вами, что все остальное потеряло для меня всякое значение".

О-о, пошлая! - стонал Герман Енский. - Это художник будет так говорить! "Могучая сила толкает", и "нельзя бороться", и всякая прочая гниль. Да ведь это приказчик постеснялся бы сказать - приказчик из галантерейного магазина, с которым эта дурища, наверное, завела интрижку, чтобы было что описывать...

"Мне кажется, что я никого никогда еще не любил..." / "Это как сон..." / "Безумно!.. Хочу прильнуть!.."

- Тьфу! Больше не могу! - И он отшвырнул книгу. - Вот мы работаем, совершенствуем стиль, форму, ищем новый смысл и новые настроения, бросаем все это в толпу: смотри - целое небо звезд над тобой, бери, какую хочешь! Нет! Ничего не видят, ничего не хотят. Но не клевети, по крайней мере! Не уверяй, что художник высказывает твои коровьи мысли!

Он так расстроился, что уже не мог оставаться дома. Оделся и пошел в гости.

Еще по дороге почувствовал он приятное возбуждение, неосознанное предчувствие чего-то яркого и захватывающего. А когда вошел в светлую столовую и окинул глазами собравшееся за чаем общество, он уже понял, чего хотел и чего ждал. Викулина была здесь, и одна, без мужа.

Под громкие возгласы общего разговора Енский шептал Викулиной:

- Знаете, как странно, у меня было предчувствие, что я встречу вас.

- Да? И давно?

- Давно. Час тому назад. А может быть, и всю жизнь...

Это Викулиной понравилось. Она покраснела и сказала томно:

- Я боюсь, что вы просто донжуан.

Енский посмотрел на ее смущенные глаза, на все ее ждущее, взволнованное лицо и ответил искренне и вдумчиво:

- Знаете, мне сейчас кажется, что я никого никогда не любил.

Она полузакрывает глаза, пригнулась к нему немножко и подождала, что он скажет еще.

И он сказал:

- Я люблю тебя!

Тут кто-то окликнул его, подцепил какой-то фразой, потянул в общий разговор. И Викулина отвернулась и тоже заговорила, спрашивала, смеялась. Оба стали такими же, как все здесь за столом, веселые, простые - все как на ладони...

Герман Енский говорил умно, красиво и оживленно, но внутренне весь затих и думал: "Что же это было? Что же это было? Отчего звезды поют в душе моей?" И, обернувшись к Викулиной, вдруг увидел, что она снова пригнулась и ждет. Тогда он захотел сказать ей что-нибудь яркое и глубокое, прислушался к ее ожиданию, прислушался к своей душе и шепнул вдохновенно и страстно:

- Это как сон...

Она снова полузакрывает глаза и чуть-чуть улыбалась, вся теплая и счастливая, но он вдруг встревожился. Что-то странно знакомое и неприятное, нечто позорное зазвучало для него в сказанных им словах.

"Что это такое? В чем дело? - замучился он. - Или, может быть, я прежде, давно когда-нибудь, уже говорил эту фразу, и говорил не любя, неискренне, и вот теперь мне стыдно. Ничего не понимаю". Он снова посмотрел на Викулину, но она вдруг отодвинулась и шепнула то ропливо:

- Осторожно! Мы, кажется, обращаем на себя внимание...

Он отодвинулся тоже и, стараясь придать своему лицу спокойное выражение, тихо сказал:

- Простите! Я так полон вами, что все остальное потеряло для меня всякое значение.

И опять какая-то мутная досада напознала на его настроение, и опять он не понял, откуда она, зачем. "Я люблю, я люблю и говорю о своей любви так искренне и просто, что это не может быть ни пошло, ни некрасиво. Отчего же я так мучаюсь?" И он сказал Викулиной:

- Я не знаю, может быть, вы смеетесь надо мной? Но я не хочу ничего говорить. Я не могу. Я хочу прильнуть... - Спазма перехватила ему горло, и он замолчал.

Он провожал ее домой, и все было решено. Завтра она придет к нему. У них будет красивое счастье, неслыханное и невиданное.

- Это как сон!...

Ей только немножко жалко мужа. Но Герман Енский прижал ее к себе и убедил.

- Что же нам делать, дорогая, - сказал он, - если нас толкает друг к другу какая-то могучая сила, против которой мы не можем бороться!

- Безумно! - шепнула она.

- Безумно! - повторил он.

Он вернулся домой как в бреду. Ходил по комнатам, улыбался, и звезды пели в его душе.

- Завтра! - шептал он. - Завтра! О, что будет завтра!

И потому, что все влюбленные суеверны, он машинально взял со стола первую попавшуюся книгу, раскрыл ее, ткнул пальцем и прочел:

"Она первая очнулась и тихо спросила: / - Ты не презираешь меня, Евгений?"

"Как странно! - усмехнулся Енский. - Ответ такой ясный, точно я вслух спросил у судьбы. Что это за вещь?"

А вещь была совсем немудреная. Просто-напросто последняя глава из бабьей книги. Он весь сразу упогас, съежился и на цыпочках отошел от стола.

И звезды в душе его в эту ночь ничего не спели.

ТЭФФИ

Мне по душе...

Мне по душе, когда глаза сияют,
Лучистым интересом и добром.
А на приветствие с улыбкой отвечают,
Где искра жизни затаенная. Потом,

Цена вполне прекрасное мгновенье,
И приумножить лучшее стремясь,
Вдруг просто обретаешь вдохновенье.
Живешь с которым, радостно делясь.

Мне по душе, когда слова красивы,
Когда за ними следуют дела.
Подходы взвешены, оценки справедливы,
Когда сегодня лучше, чем вчера.

Поет надежда, вера душу греет.
Как хорошо под мирным небом жить.
Мне по душе, когда любить умеют,
И милосердье мудрое дарить.

Сайт «Свете Тихий»

Ирина Журавлева.

Глухозимье

Чахнул день в декабре – в январе, погляди-ка, воскрес!
Сквозь простудную сырость тяжёлых небесных завес
Пробивается просинь. Лампады в Раю зажигают,
Потому-то на сторону света пошёл перевес.

Перевес на весну! Но легко не отпустят своё
Ни морозы, ни вьюги. Кликушествует вороньё
Над цыганом, что продал, как исстари водится, шубу,
Понадеявшись вновь на своё воровское чутьё.

Проорутся вороны, и быть непременно добру!
По большому секрету мне ветер шепнул поутру,
Что деревня стоит под едва согревающим солнцем,
Подставляя заулки, как будто ладони, теплу.

Сайт «Свете Тихий»

Алексей Гушан.

Сказка о старике и работнике КГБе

Жил был старик без старухи, то есть "савсэм адын"...

Но так было не всегда. Старуха тоже была, но сплыла.

Её волной перестройки смыло. Плавает теперь себе по синему морю, в Турцию и обратно, заморскими товарами приторговывает. Да так бойко свой бизнес наладила, что даже сама государыня золотая рыбка к ней отовариваться приплывает. А о старике своём и думать забыла...

Старик было тоже в бизнес сунулся... Разбитое корыто починил, рыбу в нём солить стал и на вокзале сушёной таранькой торговать. Деньги небольшие, но как приработок к пенсии вполне приличный. Стал он жить поживать...

Но наехала налоговая. За сокрытие доходов и неуплату налогов оштрафовала, невод конфисковала. Потом наехали рэкетеры, - за долги деда поколотили, а корыто разбили. А потом и пенсию задерживать начали...

Совсем худо старику стало. Думал он думал, как концы с концами свести - и решил обратиться к Господу Богу.

«Дорогой Боже! Извини за беспокойство, но только на Тебя одного последняя надежда осталась. Старуха меня бросила, бизнес медным тазом накрылся, а теперь и пенсию задерживать стали. Кушать очень "хоцца", а денег нет... Пришли мне пожалуйста сто рублей, что бы как то до пенсии дотянуть».

Заклеил конверт и подписал: «На небо, Господу Богу», и обратный адрес свой указал.

Почты перестройка почти не коснулась, поэтому письмо со странным адресом доставили куда следует.

Войдя в просторную комнату с высокими потолками, старик снял шапку, нашёл глазами икону и начал неистово креститься и кланяться, креститься и кланяться...

- Что ты делаешь дед? - остановил его плотный мужчина в чёрном костюме с пронзительным взглядом.

«Это же Феликс Эдмундович Дзержинский...!»

- Как тебе не стыдно? В то время, когда наши космические корабли бороздят... Ты же советскую школу заканчивал, пионером был, на верность Родине присягал... Как ты можешь??? В текущий момент, когда наша страна переживает временные трудности, у Бога деньги просить! Нехорошо, батенька, нехорошо!!!

Испугался старик, прижал обеими руками свою шапку к груди и ещё больше склонился.

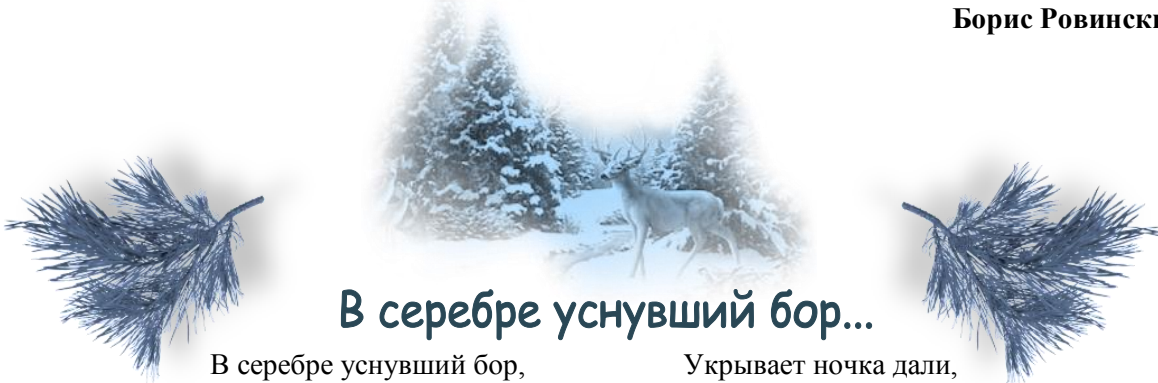
Мужчина с пронзительным взглядом шумно вздохнул и достал из внутреннего кармана портмоне.

- Вот тебе, дед, пятьдесят рублей... и уходи с моих глаз!

А через неделю работник КГБе обнаружил на своём столе среди стопки открытых писем, письмо со знакомым адресом:

«Дорогой Боже! Спасибо тебе огромное и низкий поклон. Только в следующий раз не передавай деньги через этих людей, а то они половину себе забирают».

Борис Ровинский.

В серебре уснувший бор...

В серебре уснувший бор,
Разметала косы вьюга,
Взгляд бросает на простор,
Кротко слушает пичугу;
Нет забот ей и печали,
Свет исходит от небес,

Укрывает ночка дали,
Укрывает в спешке лес.
Вьюга встанет спозаранку,
Недовольной и смурной,
Станет снежить под тальянку,
Вить узоры день-деньской.

Землетрясение...

Точное время и даже точное число этого землетрясения не сохранила память немногочисленных оставшихся свидетелей. С той поры вообще мало что сохранилось. Вот только известно, что это была зрелая и весьма прохладная осень. Ну, по крайней мере, картошка в огородах уже точно была собрана. А тут среди бела дня, совершенно неожиданно, земля напряженно и гулко вздрогнула и тихое, но широкое, низкое эхо замялось между далеких гор, покрытых сереющими лесами. Было такое ощущение, что почва внезапно осела под ногами сантиметров на десять, а потом, мгновенно спружинив, возвратилась на прежнее место. Никаких разрушений и больших повреждений замечено не было. Только где-то треснуло стекло в кухонном буфете, где-то упала с края стола на пол и разбилась тонкая стеклянная стопка, повалился на землю пасшийся на поляне старый стреноженный конь, да несколько старых кирпичей осыпались с печных труб...

А какие великие разрушения могут быть в таёжном селе? Где все дома сделаны из вековых лиственниц, скреплённых толстенными шкантами и сложенных по торцам в мудреные замки. Но разговоров потом хватило на неделю. Или даже, пожалуй, на целых две. Бабы, ежедневно собираясь у магазина, коновязи или у колодца, обязательно с подробностями и сладострастием, перебивая друг друга, рассказывали:

- Я ось так у печі стояла, а кума ось так під образами сиділа. А воно як гупне! Ой, Божечка мій!

- Не встигла я воду в діжку налити, а воно як плесне на спідницю. Немов дошка провалилася!

- Що воно таке - думаю? Або мене вже ноги не тримають? Петро, кричу, що ти там на горищі робиш? От, бісова дитина...

Истории в большинстве своём были совсем мало занимательные. Но главное их достоинство заключалось в скрупулёзности и эмоциональности, с которыми смаковались мелкие подробности: кто, как и где в это время находился и что успел подумать во время этого необычайно скоротечного события. Да может быть, через месяц все благополучно и забыли бы об этом, но случилось так, что за ним последовало другое, вызвавшее ещё большие ежедневные пересуды во всех концах длинного села, где из деревенских колодцев стала постепенно уходить вода. Они медленно мелели, пока не высохли почти полностью. Тяжёлое деревянное ведро, долетая до дна, глухо ударялось во влажный песок, и чавкающее и громыхающее цепью эхо испуганно выскакивало стайей воробьёв наверх.

Народ не то чтобы запаниковал, наш народ невозможно заставить врасплох и заставить рыдать из-за таких мелочей, но как-то недоумённо тихонечко затосковал. Беда, собственно, не была глобальной. Под крутояром, за огородами, протекала полноводная речка, безостановочно бурлящая по перекатам с самых отрогов гор. Можно было взять берёзовое, изогнутое под женские плечи коромысло и, осыпая глиняную ленту узкой тропинки, принести пару вёдер чистойшей воды, не уступающей по хрустальной прозрачности родниковой. Но наши женщины не очень обрадовались такой возможности потренировать и без того тренированную осанку. Ну ладно, два-три ведра для приготовления нехитрой снеди и мытья посуды. А если понадобится для стирки или для бани..? Это же сколько розовых мозолей вырастет на нежных женских плечах и сколько пота прольётся в ложбинки, едва прикрытые вышитыми сорочками..? Не-е-т! Кто хорошо знает наших женщин, тот даже и не рискнёт намекать им о пользе ежедневных физических упражнений. Потому что домашнее хозяйство и так обеспечивало их этими утренними и вечерними процедурами до конца их долгих дней. Коровы, куры и поросята считались обязательными спутниками женского существования с самого времени замужества.

Поэтому мужики и стали царапать головы на предмет избежания семейных разладов.

Метод муравейника, где каждый сам по себе рыжий шестиногий мыслитель, таковым на самом деле не является, но общая сумма знаний и действий приводит к нужному результату в, казалось бы, абсолютно хаотическом процессе, и на этот раз, как всегда, сработал. Поцарапав свои - у кого лысые, у кого волосатые, у кого седые, или круглые, квадратные и огурцеобразные макушки, народ решил: нечего головы напрасно чесать, могут пальцы устать. Нужно копать! И действительно! Через три-четыре дня парочка самых нетерпеливых колодцекопателей выяснила, что стоит углубиться в мягкую земную твердь всего лишь на сажень, или, по-другому говоря, на пару метров, и вода снова начинает плескаться на гулком дне...

Нужно отметить, что в нашем непростом селе число колодцев всегда практически равнялось числу дворов. Так как неистребимая украинская привычка к самостоятельности никогда не находила языка с коллективизмом. Хотя кругом уже давно был сплошной колхоз. Срубы глубоких колодцев делались в основном из неподъемного тёсанного листвяка, тяжёлого, как железо, и стойкого к влаге. И только пара колодцев, в том числе и тот, который был во дворе дедушкиного дома, были убраны в камень. Огромные красно-серо-белые валуны, поросшие зеленоватым мхом, даже в самый невыносимый зной всегда радовали прохладой. По семейному преданию, колодец этот был обустроен беглым с каторги поляком в обмен на «пачпорт» одного из наших умерших родственников. Профессия камнетёса у нас в Сибири считалась весьма редкой, каменные строения встречались только в относительно крупных поселениях. Но, впрочем, рассказывали об этом шёпотом и вспоминали вполголоса, поэтому более точных сведений об этом так больше и не добыл.

Так вот. В один осенний день, через неделю после такой природной катастрофы, мой дед Андрей вручил моему дяде Ивану и моему отцу (тоже, между прочим, Андрею) остро наточенную штыковую лопату, бадью с длинной пеньковой верёвкой и приказал спускаться в колодец и любой ценой добывать воду. Хотя бы им пришлось жить там безвылазно месяц и докопаться до самой раскалённой преисподней, где черти жарят грешников на огромных медных сковородках и варят в бронзовых котлах со смолой. И хоть доверять столь опасную работу пацанам он не очень хотел, но уж слишком узковатым был колодец для широкой дедушкиной души, и ему там было не развернуться даже одному, не то что с лопатой. А мой отец и мой дядя были как раз в том возрасте, когда нарастающие мужские мышцы ещё не очень мешают детской гибкости. Отцу шёл пятнадцатый год, а его брату четырнадцатый. Да и не очень-то было в последнее время разогнать деда на работу. Сказывалась генетическая нерасположенность к кропотливому ковырянию в почве. Не был он прирождённым хлеборобом. Вот покурить свою пропитанную табачным дымом чёрную трубку, сидя на крыльчке, или помахать топором и рубанком в пахнущей сосновой смолой столярке, или постучать молотом и зубилом в жаркой и тёмной, покрытой зелёным дёрном кузне он очень любил. Это было у него ещё от его деда, а стало быть, уже моего прапрадеда Максима. О нём тоже осталось очень мало сведений, да и те не очень достоверные из-за вольных интерпретаций родственников, не очень желающих афишировать факты его малоизвестной, но явно непростой биографии.

А она по любым меркам была действительно неприглядна. Скорее всего, он был казачьим сотником или есаулом, осуждённым на каторгу за убийство женщины. Так почему-то предполагали его потомки. Но точно что-либо утверждать было сложно. И что это была за женщина, тоже так и осталось загадкой. Была ли это не дождавшаяся его невеста, или заподозренная в неверности молодая жена, или любовница, отдавшая предпочтение другому, - никто не ведал. А только, отмахав больше десяти лет тяжелым кайлом, набив кровавые мозоли громкими кандалами и почти дотянув каменную дорогу до самого Белоцерковска в Урянхайском крае, он решил навсегда остаться в наших местах. Пришёл по таёжной просёлочной дороге в деревню голодный, босой, оборванный, заросший густой чёрной бородой, зато с заплечным мешком, наполненным настоящими мужскими сокровищами! Лучковой пилой, топором, рубанком, теслом, стамесками и железным заступом, и с самым главным инструментом - умелыми руками! В нашем краю такие мастера были нарасхват. Землепашцы сами по себе были не очень хорошими плотниками и столярами.

Вырыл в обрыве реки себе на зиму небольшую землянку, выложил в ней маленькую жаркую печку из речных гольшей и сразу же приступил к строительству дома, вкладывая в него всё, что мог заработать своим умением и старанием. Жил скромнее некуда, питался большей частью тем, что давала протекающая внизу река и стоящая над ней тайга. Благо леса в ту пору, как говорили старики, кишели разнообразной дичью, так что зайцев и лис можно было ловить прямо у себя на огороде. Маральи тропы проходили по окраине села, а налимов в реке было столько, что они выбрасывались из прорубей и промоин прямо на берег. Ну, по крайней мере, так утверждали наши старики. Поди теперь проверь, были эти маральи тропы за околицей, или это им почудилось? Умели наши седобородые аборигены шутить с самым серьёзным видом.

Года через три он отстроил хороший дом, через некоторое время женился на молодой девушке и зажил жизнью простого пахаря-крестьянина, почти ничем не выделяясь среди и так невыразительных жителей таёжного села. Ещё из оставшихся преданий о нём, известно мне, как однажды в уездном городке Минусинске, приехав на хлебную ярмарку, выиграл он в карты упряжку коней. На этом всё, что мне было о нём известно, и заканчивается. Даже отчество его

не сохранилось в памяти моих предков. Да и то, сами эти факты остались в памяти потому только, что их вспоминал дедушка в минуты расслабления томящейся души, промытой чистой горилкой.

Вот и тогда, сидел себе наш дед Андрей на высоком крыльчке дома, покуривал трубку, отхлёбывал изредка из широкого горлышка бутылки по маленькому глотку горилки, настойной на рябине, и лениво наблюдал, как оба его сына возьмётся у колодца, изредка меняя друг друга. Одному из них приходилось с лопатой, у которой был обрезан черенок, спускаться по верёвке вниз, на самое дно холодной колодезной шахты. А второй стоял наверху и вытаскивал наверх бадью, когда другой до края наполнял её донным грунтом. Это только на первый взгляд кажется, что работа не очень мудрёная, на самом деле в ней таится масса опасностей. Мало того, что слухи о том, что со дна колодца даже днем на небе видны звёзды, оказались абсолютно недостоверны. Так нужно ещё было быть очень внимательным и страховаться на случай обрыва верёвки или случайного срыва бадьи. Находящемуся внизу нужно следить не только за спускаемой и поднимаемой бадьёй, но и за кладкой из скользких замшелых камней. Так как в любой момент любой из них мог вывалиться на голову и обрушить весь колодец. Кто его знает, как поведёт себя давнишняя кладка, подрываемая вглубь? Тут всё нужно делать осторожно и неторопливо. За пару часов работы пацаны даже успели набить мозоли от жёсткой верёвки и спиленного черенка лопаты. Хотя белоручками не славились и к деревенскому труду были приучены с пелёнок.

На некоторое время дедушка отвлёкся созерцанием вселенского великолепия, окружившего село кольцом из гор, соприкасающихся снежными вершинами с голубыми небесами, и заметил, что его сыновья у колодца что-то внимательно рассматривают. Естественно, миновать такое событие он не мог...

Оказалось, что почти на самом дне колодца, в месиве песка и донного ила вдруг обнаружился кожаный кошелёк. И даже не совсем кошелёк, а небольшой длинный кисет из бычьей кожи, туго стянутый и обмотанный таким же прочным и длинным кожаным шнурком. Как и когда он там оказался, было совершенно непонятно. Но то, что он пробыл там много десятилетий, было понятно по истлевшей на углах коже и по глубине, на которой он и был найден. С большой предосторожностью, где руками, а где зубами кошель был развязан, и его содержимое было высыпано на пожелтевшую траву у горки извлечённого грунта. На свет Божий после многолетнего заточения явилось с десяток абсолютно окислившихся медных пятак, полдюжины серебряных рублей царской чеканки и ещё несколько мелких, с виду совсем неказистых монеток. Небольшое разочарование заставило пацанов покачать головами. Таких «богатств» у нас в селе предостаточно в каждом доме. Обязательно где-нибудь в выдвижном ящике буфета, среди нужной и ненужной хозяйственной мелочи, ниток, иголок, оловянных и костяных пуговиц, медных подбойных гвоздиков и бронзовых бубенчиков от конской упряжи, валялся рубль с потёртым профилем последнего царя или большой медный пятак с орлом, который обязательно в лечебных целях прикладывали к младенческой грыже или к подбитому глазу, во имя соблюдения суровой мужской красоты.

Естественно, деда Андрея такой хлам тоже совсем не заинтересовал. Его заинтересовали две более мелкие монетки, бронзово поблёскивающие среди купоросной зелени пятак. Взяв их в ладони и слегка потерев между большим и указательным пальцем руки, он с удовольствием обнаружил, что кошелёк его не разочаровал. В его руках поблёскивали две монетки: золотой червонец и золотой же пятирублёвик, сохранившие свою привлекательность и очарование, даже пролежав на самом дне такое продолжительное время. Он так разволновался, что даже забыл потягивать изредка свою неизменную трубку, которую вынимал изо рта, только когда засыпал.

Монеты мгновенно перекочевали из общей кучки в глубокие карманы дедова пиджака. А на недоуменный взгляд сыновей, уже начинавших догадываться о том, что «клад» был поделен несправедливо, он торжественно, сверкая голубыми глазами из-под кустистых бровей, сообщил им, что сегодня же едет в район, где обязательно купит им два килограмма шоколадных «конхвэт» и, если останутся деньги, то и «лисапет». С тем и исчез моментально из дома, попрощав ничего не говорить бабке о находке и сунув в карман пиджака недопитую бутылку горилки.

Колодец был докопан уже без присмотра взрослых, так как ни назавтра, ни даже послезавтра дед домой не появился. Напрасно пацаны выглядывали на дорогу в ожидании «лисапета» и «конхвэт». Зная своего отца, они уже смутно догадывались о печальной участи злополучных монет.

Появился он дома только дней через пять...

Пришёл поздно вечером по огородам, прячась за высокими плетнями, чтобы его случайно не увидели односельчане. Было от чего стесняться. Ни пиджака, ни сапог, ни даже штанов на нём не было. Шёл он босиком и в одном исподнем белье. Всё остальное он проиграл в карты. А так как пробирался домой из района дед по тайге, то белые портки его были до колен разодраны в клочья. Кряхтя, полез на крышу, достал из заначки бутылку самогона и сиротливо сидел в доме за столом, стерилизуя свою печаль первачом, чтобы не заразить ею своих родных и близких.

Бабушка, уже со времён его пропажи из дома вынашивающая планы мести, носилась по дому, призывая на голову деда все проклятия и беды, а он только наливал самогонку в стакан и крякал, выпивая, когда бабушкины словесные кары казались ему особенно ядрёными и заковыристыми. Закуски попросить он боялся, чтобы не ярить бабку ещё больше. Надеялся смирением заслужить скорейшее прощение. Когда она на минуту замолкала, он пытался оправдываться, вынимал погасшую трубку изо рта и неизменно раз за разом, ни к кому конкретно не обращаясь, повторял:

- Ты понимаешь, вот приди мне семёрка треф на минуту раньше, я бы снял весь кон. Весь кон!.. А там было денег на телегу конхвэт и на десять лисапетов!

Бабка, в который раз услышав это, подлетала к столу с намерением треснуть бутылкой его по голове. Но, замечая краем глаза её перемещения по комнате, так как бабушка была женщиной габаритной и в росте дедушке не уступала, он тяжелой, жилистой рукой хватал ополовиненную четверть за горлышко и крепко прижимал её мутноватое стекло к столешнице, выструганной из толстенных кедровых досок. Бабушка понимала, что вырвать из рук бутылку не удастся, и, выплеснув в пространство очередную кару для деда, нависала над ним массивной грудью и плечами карающего ангела и стучала ему в лоб согнутой костяшкой указательного пальца. Пытаясь хоть так достучаться до разума. И, наверное, очень больно и сильно била, силы ей было не занимать, так что его голова отклонялась в сторону, но рука всё так же прочно прижимала бутылку к плоскости стола. Казалось, он даже не замечал этих тычков, они волновали его не больше комариных укусов. Дед всё ещё душой был в игре и только как заведённый иногда повторял:

- Нет, ты не понимаешь ничего, потому что ты неразумная баба. Вот приди мне эта семёрка на минуту раньше, и я пришёл бы домой с мешком денег. С двумя мешками денег!..

Конечно, в любое другое время дед не позволил бы так с собой обращаться, да и бабушка бы не рискнула на такие дерзкие выпады. Но теперь, было как было. Дедушка чувствовал себя проигравшей стороной и бабка не приминула этим воспользоваться.

Когда она отходила в сторонку, он сокрушенно качал головой и снова наливал стакан до самых краёв.

Наступила тёмная ночь. Все уже улеглись спать, а он всё сидел в одних кальсонах за столом при свете тусклой керосиновой лампы с почти невидимым за закопчённым стеклом едва колышущимся огоньком и, изредка обращаясь к развалившемуся на широкой лавке огромному чёрному коту, произносил:

- Приди мне эта семёрка на полминуты раньше...

Бабка ворочалась в постели и громко шептала:

- Тю!.. Допився! Зовсім з розуму з'їхав старий, вже з котами розмовляє...

Пилипенко Сергей Андреевич.

Я всё отдам, но где мне это взять?

СНЕГ

Из цикла «Брызги на стекле».

Ночь. Безветрие. С неба сыплются пушистые хлопья снега. Они кружат в темноте и опускаются на ветви деревьев и землю, покрывая их ровным слоем, как одеялом. Лес засыпает, умиротворённый плавным кружением снежинок. Воцаряется атмосфера спокойствия. А снегопад продолжается, утихомиривая всё вокруг своей неторопливостью и размеренностью, воплощая собой вечность.

Александр Смирнов. Ярославль.

ГУСЬ ГОГУЛЬКО И ЖУЧОК

Из цикла «Рассказы о животных»

1 Отец Федора Акимова прославился тем, что однажды чуть не удавил свою козу, привязав ее к железнодорожному шлагбауму. Пропустив поезд, шлагбаум автоматически поднялся, и бедная животина оказалась в роли висельника! Если бы не проворные парни-шахтеры, которые как раз шли к автобусной остановке, как пить дать пропала бы рогатая. Они-то, шахтеры, говорят, и помогли старому Акимову освободить козочку, общими усилиями отвязав веревку.

Потешалась потом над стариком вся шахта. Кто бы ни встретил - сразу с вопросом:

- Ну, расскажи, как ты козу вешать водил!

Старый Акимов злился, плевался, матерился дребезжащим от обиды голосом.

- И-и-и, сука-па-адла-а!.. А ты видел, что я ее вешал?! Я ее сразу же отвязал, как только поезд прошел!

- Го-го-го-го! «Отвязал!» А чего ж она у тебя на шлагбауме висела?! Чего орала?

- И-и-и, - чуть не плача от бессилия, тянул старик, - а ты, сука-па-адла-а, видел, что она висела? Ты своими глазами видел?

Своими глазами видели человек пять, а потешалась вся шахта. Причем каждый из любителей позлословить уверял, что так оно и было: привязал и отошел в сторонку по малой нужде. А потом, дескать, бегал вокруг всяческой козы и вопил: «Ой, ратуйте! Ой, ратуйте!»

Пробовали было перенести эти насмешки и на Федора. Но у Федора иной характер. Ожог зубоскала холодным взглядом и молча прошел мимо. А кому интересно поддевать невозмутимого и не шибко веселого человека? К тому же такого, что может и в глаз засветить?

Если уж в чем-то и пошел Федор в отца, то это в желании заниматься живностью: даже работая в шахте, держал прожорливых кролей и, возвращаясь с утренней смены, обязательно спускался в широкую балку, чтобы накосить припасенным серпом свежей травы. Выйдя же на пенсию, завел еще и гусей.

- Не наработался, - завистливо ухмылялись соседские мужики, с утра покуривая на лавочке.

Да, Федора ленивцем не назовешь. Он и под землей выбрал для себя самую тяжелую и самую опасную профессию - работал в угольных разрезах, с которых и начинается добыча угля. Как бы это проще объяснить? Ну, значит, нужно, сидя на коленях среди монолита пласта, который окружает тебя с трех сторон, рубить отбойным молотком уголь. И не как-нибудь, словно играясь, а нужно за смену продвинуться вглубь разреза на три метра, затем притащить два ужасно тяжелых рештака, нарастить конвейер, чтобы и дальше скачивать по нему уголь. И разрезы такие бывают длиной в сотню, а то и двести метров! И уголь попадает такой твердый, что плавятся металлические «пики», которыми его и рубят. Да и это не самое страшное. Страшно, когда происходит выброс газа и угля. Потому что тогда гибнут все...

Но Бог миловал, и Федор благополучно доработал до пенсии и теперь вот занимается хозяйством. Покупая гусят, он надеялся, что внуки будут помогать их пасти. И внуки не отказывались. Но ведь гусята - не цыплята, после них всегда остаются на лужайке не очень приятные следы. Соседи начали коситься, воротить от Федора нос. Дескать, из-за твоих гусей детворе негде мяч погонять. Вот и довелось Федору делать во дворе дополнительную ограду, размещать там своих крикливых и быстрорастущих птиц.

Теперь не находил себе места Жучок, черный от ушей до хвоста пес, любимец хозяина. Заслышав гогочущую стаю, которую утром выпускали в огороженное пространство, выскakiвал из будки и, натянув до предела цепь, становился в стойку и радостно лаял.

- Ну, и чего ты, чего? - ласково осуждал его Федор. - Чего ты выскочил? Гусей не видел?

Жучок не мог уgomониться, долго прыгал на задних ногах, потом становился на все четыре и тихо урчал. Не иначе, у него просыпался какой-то дикий инстинкт, потому что очень уж хотелось побегать за этими молодыми гусями, схватить хоть одну птицу за хвост.

Гуси сначала настораживались, обеспокоенно гоготали и, комично вертя головой, с боязнью поглядывали в сторону лохматого чудовища. Со временем же начали привыкать, даже не обращать на этого прыгуна никакого внимания. Визжит - ну, и пусть визжит. Прыгает - ну, и пусть себе прыгает. А если оторвется и вздумает тронуть, то вот он рядом, хозяин! Если кормит, значит, и защитит. Они демонстративно отворачивались от Жучка, и в который раз шли обследовать предоставленную им территорию, не пропуская при этом никакой мелочи. Пробовали даже щипать шляпки гвоздей, которые поблескивали в новеньком заборе. Гвозди, конечно, не поддавались, но гусей это не расстраивало. Они переходили дальше, распугивая бегаю-

щих под ногами жучков и даже пробуя клювами на прочность металлическую сетку, которая замыкала ограду.

Вместе со всеми ходил и молоденький гусь, который уже чувствовал себя в этой небольшой стае вожаком. Голос его пока ничем не отличался от голосов его юных сестер, но молоденький гусь старался придавать ему солидной хрипоты, и со стороны это было заметно. Однако никто над молоденьким гусем не насмешничал, не обзывал кривлякой. Раз уж у птиц так заведено, что мужчина должен руководить стаей, то так тому и быть. Пусть набирает солидности, пусть привыкает к роли вожака. И молоденький гусь старался оправдать свое высокое звание. И как только утром Жучок выскакивал из своей будки и привычно становился в стойку, молодой гусь отделялся от стаи, приближался к сетке, в метре от которой вытанцовывал на задних лапах главный охранник дома, и, не произнося ни звука, предосудительно смотрел на него.

Видя такую реакцию молодого гуся, Жучок смущенно умолкал, опускался на землю и делал вид, что у него что-то зачесалось. Садился, задирая заднюю ногу, силился достать до спины.

Однако молодой гусь не уходил, продолжал стоять, наблюдая за действиями Жучка. И у Жучка сразу же пропадало желание за ним гоняться, хватать зубами за хвост. Что у него, других птиц мало? Когда хозяин ездит с тачкой за травой, он всегда берет Жучка с собой. И пока доберутся до балки, где всегда самая высокая и зеленая трава, Жучок успеет облаять каждую ворону и каждую сороку, которые встречаются им по дороге. И облаять, и побегать за ними. Интересно же! А что интересного в этих гусях? Ходят себе в ограде, гогочут писклявыми головами. И ни одна же не поднимется в воздух, не перелетит с места на место, не сядет на дерево. Ну, никакого же интереса за ними гоняться!

Но на следующее утро процедура повторялась: Жучок, выскакивая из будки, лаял и вытанцовывал на задних ногах; молоденький гусь подходил к сетке и предосудительно его рассматривал. Заметил дивное поведение птицы и Федор.

- Что, Гоголюшко, - кивнул он молоденькому гусю, впервые назвав его таким забавным именем, - глупый у нас Жучок? Глупый, глупый... Зато верный, и надежный.

Услышав свою кличку, Жучок, посмотрел на хозяина. О чем это вы с этим пернатым? - как бы спрашивал он. - Что он тебе там рассказывает?

Молоденький гусь двигал шеей, словно ему что-то мешало дышать и, развернувшись, вперевалку торопился к своей стае.

2 Трава в балке высокая и густая, особенно по дну. Места здесь влажные, копни пару раз лопатой - вот тебе и родничок. Можешь не брать из дому никакой баклажки, здесь попьешь. Но Федор всегда брал небольшую капроновую канистру, наполнял ее родниковой водой и тогда уж пил. Пил из горлышка, как это бывало в шахте, - громко, с тяжелым передыхом, пока вода, казалось, не заполняла, все внутренности и уже подступала к горлу. Тогда только отрывался и, учащенно дыша, довольно вытирал губы.

Вот что бы ни делал, а всегда вспоминается шахта. Тридцать с лишним лет под землей - это не шутка! Пыль въелась в полученные под землей раны, оставив на теле неаккуратные синие змейки, воспоминания въелись в сознание. Вот и сейчас накопил большой мешок травы, хорошенько утрамбовал, положил на легкую, на велосипедных колесах, тачку, теперь лежи себе на сухом месте, вдыхай пьянящий аромат свежескошенной травы, следи сквозь не плотно смеженные веки за высоко плывущими облаками, думай, казалось бы, о чем-то хорошем... А ему снова приходит на ум шахта. Дескать, вот я тут нежусь среди буйных трав, а кто-то же в это время, согнувшись в три погибели, лазает на коленях, ставит за комбайном стойки или защищает на конвейер просыпавшийся уголь. Уголь, может, и не тяжел, но лопата ведь большущая, четырехугольная «стахановка», и если помахать ею пару часов, то тоже никакой радости...

В стороне зашелестело, послышалось тяжелое дыхание. Федор приподнялся, сдвинул на затылок легкую помятую кепку. Жучок? Набегался, дурачок?

Каждый поход Федора за травой - Жучку в радость. Да еще в какую радость! Пока хозяин косит траву, песик успевает обежать всю эту балку, и не раз. Обежит, вынюхает все крохотные норы, все узкие стежки, распугивая юрких ящериц и различных жуков. Ящерицей он бы и полакомился, если бы успевал ловить, а жуками - не-ет, бр-р-р! Жуки для него не съедобны.

- Ну, и где тебя носило, барбоса такого? - ласково спросил Федор, уворачиваясь от назойливого друга. - Ладно, ладно, остынь. Скоро домой пойдем.

Облизав хозяину руку, Жучок сделал еще пару нешироких кругов и с разбега упал на живот. Лежал, шумно дыша и высунув длинный влажный язык.

- Вот бегаешь, - наставительно заговорил Федор, - а про Гогульку, видно, ни разу и не вспомнил. А вы же с ним уже подружились. Я верно говорю?

Услышав имя молодого гуся, Жучок дернул чуткими ушами, но тут же расслабился, положил морду на передние лапы.

- Верно, верно, - ответил самому себе Федор. - Как утро, так и бормочете там что-то с ним через сетку. Как идти нам за травой - он снова места себе не находит: просунет голову между проволокой и так уж следит, словно тоже просится с нами! Вот и сейчас приедем, а он на своем обычном месте - ждет, выглядывает. Что молчишь? Тебе говорю!

Песик подскочил, уставился на хозяина умными глазами. Мол, если так, то поехали! Чего же ты сам разлегся?

Домой дорога не так весела. Вот приедут и Жучка снова посадят на цепь. Бегать во дворе ему позволительно лишь осенью, когда будут собраны не только огурцы и помидоры, но даже большие, похожие на поросят тыквы. Лук и чеснок к тому времени давно уж будут выкопаны, подсушены и развешены под навесом. Выкопаны будут и картошка, и морковь, выкопаны и снесены в погреб. И пойдет тогда Жучок вприпрыжку опустевшим огородом, радостно взвизгивая и расшвыривая лапами комья жирного чернозема. Но и это время не долгое. И как только начнут на зиму перекапывать землю, так и прекратится для Жучка эта вольница. Тогда жди зимы, когда приморозит да наметет снега. И пашне от его прогулок не будет никакой szkody.

Федор не ошибся: молодой гусь Гогулька стоял на своем обычном месте и от нетерпения подергивал еще не крепкими молодыми крыльями.

- Ге-ле-ле-ле, - что-то прогелекал он, как только тачка въехала во двор.

Жучок обогнал и тачку, и хозяина, и радостно подбежал к молодому гусю. Гогулька не испугался, не отпрянул назад, только снова подергал своими крыльями, как это делают рассерженные гуси, заранее страшая недруга. Жучок восторженно взвизгнул, отпрыгнул в сторону, но тут же, играя, подскочил к сетке. Стояли почти нос в нос, с интересом рассматривая друг друга.

Федор оставил тачку, снял свою кепку и вытер ее вспотевший лоб.

- Что, встретились, друзья хорошие? - не скрывал своего удивления. - Надо же... кто бы мог подумать!

Пока Федор управлялся с травой, раскладывая ее тонким слоем на солнечном месте, чтобы хорошенько высохла и смогла затем пролежать до самой зимы и даже весны, Гогулька с Жучком развлекались, как могли. Песик радовался, что его забыли сразу же привязать, ловко вытанцовывал на своих задних, Гогулька же, словно аплодируя своему другу, равномерно махал крыльями. Махал и что-то выкрикивал.

Подошли и остальные гуси, ревниво следили за своим юным вожаком. И даже обрадовались, когда хозяин посадил главного охранника на цепь и принялся готовить для всех еду. Гуси, конечно, уже понимали, что они - гуси, а не какие-то там низкорослые и взбалмошные утки, которые мчатся к наполненному для них корыту со всех ног и даже лезут к угощению по головам своих сородичей. Утки не стыдятся даже залезть в корыто с ногами, что могут позволить себе только хрюкающие на весь двор свиньи. Все понимали гуси. И все равно не могли сохранить врожденную степенность, тоже торопились к корыту, торопливо выуживали клювами нарезанные кусочки корма. Ничем не отличался теперь от них и молодой гусь Гогулька, понимая, что и все его сородичи в такие минуты напрочь забывают, что он у них главный и стоит ему только зазеваться, не оставят своему вожаку ни кусочка.

Пообедав, гуси отходили от корыта, присаживались, где кому удобнее, склоняли набок головы. Подзаправившись, можно и подремать. Присядет и Гогулька, зная, что после обеда спрячется в свою будку и его лохматый друг, и будет там дремать вплоть до вечера, когда подойдет и его время дежурить и охранять двор.

3 Гуси быстро подрастали и к осени превратились в крепких хозяйских птиц. Особенно выделялся Гогулька, приобретая к этому времени крупную фигуру, крепкие крылья, гордый изгиб схожей с лебяжьей шеи. Гогульке уже не было нужно придавать своему голосу солидной хрипоты - голос его с каждым днем становился все крепче и громче. Вожак, настоящий вождь домашней стаи! Жучок с интересом наблюдал за метаморфозами, которые происходили с его другом. Сам он, войдя в зрелую собачью пору, внешне уж несколько лет не менялся, и был удивлен, как быстро изменился Гогулька, почти ничем не напоминая того маленького гуся, с которым они еще по весне начали свое общение.

Гогулька по-прежнему долго простаивал на своем привычном месте у металлической сетки, наблюдая за выкрутасами Жучка, иногда весело гелгекал, словно подбадривая своего друга. Давай, мол, давай, танцуй дальше, только не порви цепь!

Федор бы, конечно, мог на короткое время отвязать песика, да ведь он тогда совсем с ума сходит, лезет лапами на ограду, проскальзывая ими в ячейки сетки. Гогоулько, понятно дело, не испугается, а вот другие гуси поднимают крик.

Не решался хозяин выпускать за ограду и Гогоульку. Кто его знает, - чем это закончится! Какие ни друзья, но, расшалившись, Жучок может схватить птицу зубами. И что тогда?

И все же как-то выпустил. Выпустил прохладным днем всю стаю, чтобы побродили по длинному, уходящему к ручью, огороду, поразвлеклись, роясь в оставшейся после корнеплодов ботве, и хоть на короткое время ощутили бы себя вольными дикими птицами. И Гогоулько, гордо выступая впереди стаи, пошел туда, куда направлял заботливый хозяин. Он бы мог снова остановиться у скулящего Жучка, но понимал, что сейчас не до игр, не до свиданий. Так что извини, друг, делу время, потехе - час. Вот выгуляет своих сородичей, и на обратном пути завернет к тебе.

Радуясь раздолью, гуси довольно гоготали, ловко запуская свои плоские клювы в лежащую кучками ботву и выискивая там что-то съестное. Наскоро проглотив, спешили в другое место, где уже пировала их компания. И радовались неожиданной свободе, как настоящему празднику.

Гогоулько же вообще ощущал в душе какой-то волнующий подъем и одновременно робость. Что это? Почему никогда ранее не было такого ноющего предчувствия, словно что-то звало его в дальнюю дорогу. Звало, радовало и... страшило.

Чтобы прогнать это ощущение, он напрягся, выгнул свою крепкую шею и, развернув крылья, с силой и свистом залопотал ими. Гуси повернули головы на этот свист и ответили ему тем же. И раззадоренный молодой гусь, ничего еще толком не осознавая и, собственно, ни на что не решаясь, а подчиняясь какому-то природному инстинкту, еще мощнее заработал крыльями и, оттолкнувшись от земли, полетел. Полетел тяжело, низко, чуть выше забора, но так энергично махая крыльями, что ни у кого не возникло сомнений - решил убежать!

Видя это, молодые, хорошо откормленные гусыни, разразились обиженными криками и тоже пытались взлететь. Но куда там с такими тучными гузками, которые тянули их назад, к земле! Одни хоть пролетели несколько метров, другие же так и не смогли оторваться от земли и, продолжая кричать, смиренно сложили свои крылья.

Зато Гогоулько, вожак Гогоулько, напрочь забыв о своих обязанностях, поднялся еще выше и уже не просто энергично, а остервенело махая крыльями, перелетел забор и повернул именно в ту сторону, куда в последние дни направлялись караваны его диких сородичей. В сторону юга.

Федор в тот момент находился в доме и не сразу сообразил, - почему так визжит и лает Жучок, почему уже не прыгает, а буквально рвет цепь. И, сбросив непонятным образом ошейник, перепрыгивает через забор...

4 Утро следующего дня было пасмурным и безрадостным.

Жучок еще в сумерках маялся у сетчатой ограды, прислушиваясь к легкому шуму в птичнике. Не выходил и хозяин, чтобы выпустить гусей наружу. Крепко все-таки укоротился день, и люди только-только просыпались.

Наконец, хозяин вышел, молча поставил перед Жучком миску. Затем как бы нехотя направился к гусям.

Жучок не стал есть, следил за хозяином. Неужели он и вправду так сильно расстроился, что даже не поговорил с Жучком, не потрепал его по загривку? Так ведь Жучок сделал все что мог, что обязан был сделать верный, как говорит сам хозяин, пес.

Гуси выходили в ограду, как всегда, весело подталкивая друг дружку. Одна, вторая, третья...

Гогоулько вышел последним и, с достоинством неся обрезанное левое крыло, гордо, как раненый в бою герой, направился к Жучку.

- Ну, что, друг?! - нетерпеливо спросил Жучок. - Наказали тебя?

- Да вот крыло подрезали, - сдержанно ответил Гогоулько.

- Одно?

- Ну, да, одно. Они всегда обрезают одно, чтобы при лете не было равновесия. Если подрежут два, - все равно можно улететь...

- А ты разве хотел от нас улететь?

- Э-эх, - прохрипел Гогоулько, - я и сам не знаю, что я хотел! Нашло что-то непонятное и не смог противиться... А тебе спасибо, что быстро за мной примчался. А то бы меня те бродячие собаки порвали на куски...

- Да ладно, что там... - смутился Жучок. - Хочешь, я тебе косточку дам? Мне тут хозяин вынес.

- Не-ет, я ж не люблю косточек. Ты пока сам погрызи, а я тоже пойду кашицы поклюю. Потом увидимся.

- Ага!

Гоголюшко важно кивнул головой и направился к корыту, куда хозяин уже высыпал теплую вкусную кашичу. Высыпал и ласково поглядывал на вчерашнего беглеца.

2016 г.

Микола ТЮТЮННИК.

Украина.

**Меня окружали милые, симпатичные люди,
медленно сжимаемая кольцо.**

Они
лучше нас...

Мы придумали многие тысячи слов,
Научились писать и читать,
Переводим стихи мы со ста языков,
Только близких не можем понять...

А собака тебе лишь посмотрит в глаза
Мокрым носом уткнётся в ладонь,
И поймёт сразу всё, что ты хочешь сказать,
Ей не нужно для этого слов...

Как хочу изучить я собачий язык!
Мне о многом ей надо сказать,
А потом попросить и меня научить,
Как без слов всех людей понимать!

Мы гордимся, что есть у нас много друзей,
Поздравления им в праздники шлём,
Только наши друзья нас подводят порой,
Да и мы их легко предаём...

А собака не может кого-то предать,
И друзей не подводит она,
За друзей свою жизнь ей не жалко отдать,
Ведь ей жизнь без друзей не нужна...

Как хочу изучить я собачий язык,
Чтоб на равных мне с ней говорить,
 Попрошу я её и меня научить,
 Как мне правильно надо дружить!

О любви сочинили мы тысячи книг,
Над романами слёзы мы льём,
Но так часто бросаем любимых своих,
И за деньги любовь продаём...

А собака не ждёт ничего для себя,
И примеров тому нам не счесть.
Хоть ты нищий, хоть царь, она любит тебя,
Просто так, лишь за то, что ты есть...

Как хочу изучить я собачий язык,
Чтоб на равных мне с ней говорить,
 Попрошу я её и меня научить,
 Как же правильно надо любить.

Мы посты соблюдаем, и ходим мы в храм,
Чтоб грехи там свои замолить,
Но не можем годами родным и друзьям,
Даже мелкой обиды простить...

А собаку, ты если ведёшь усыплять
Хоть она это сразу поймёт,
Без обиды посмотрит она на тебя,
И тихонечко руку лизнёт...

Как хочу изучить я собачий язык!
Мне так много ей надо сказать,
 Попрошу я собаку меня научить,
 Как обиды свои нужно людям прощать!

Неизвестного автора (с И-нета)

**Когда женщинам подрезают крылья, им остается
только летать на помеле.**

НОВОГОДНЕЕ

Рассказ из серии «Мой мир»

Это происходит и сейчас, но очень редко. А тогда, в детстве, стоило мне закрыть глаза, чтобы заснуть или просто так, как перед моими глазами всплывала, кружилась, приближалась и делалась все отчетливее одна и та же картина - россыпи «драгоценных» камней. «Драгоценных» в кавычках потому, что это были ненастоящие жемчуг, рубины, опалы и бриллианты. Такие, знаете, какими расшивают театральные костюмы. Откуда и почему появлялась у меня эта картинка, я не знала. Когда картинка не появлялась, я ее ждала и даже легонько потирала веки, всматриваясь в темную пустоту. Да, вот она - всплывает наконец-то. И меня, как Али-бабу, который нашел свой Сезам, наполняло чувство восторга от этой красоты.

Похожие чувства в детстве возникали не раз. Вот, например, Новый Год. Самым ярким, волшебным и запоминающимся событием был... нет, не утренник в детском саду «Солнышко», где безразличным ко всему живому и сущему воспитателям дела не было до детей. Дети были для них, как декорация к празднику, податливый материал с глазками и бантами, который должен был безукоризненно вписаться в одобренный руководством детского сада сценарий, чтобы потом воспитатели, которым наплевать на детей, получили грамоты от руководства детского сада за добросовестный труд.

Наверное, в те времена были и другие воспитатели, но лично мне не повезло. И моим воспитателям тоже не повезло - жить и работать в условиях, когда между словами «новаторство» и «проказа» ставили знак равенства. И не допустить его старались с медицинской бдительностью. Детское ведь учреждение: один заболит - пойдет эпидемия! Поэтому «Бодры!» нужно было говорить «бодрее», а «Веселы?» - «Правильно, веселее!». Но еще больше им не повезло потому, что у меня были россыпи драгоценностей и восторг, а у них - нет. Страшно представить, что кружилось перед глазами моих воспитателей, когда они засыпали.

Итак, утренники в расчет не берем. Самым любимым новогодним занятием было рассматривание витрин магазинов. Витрины магазинов, даже самых залежалых, под Новый год превращались в застывшую на время сказку. И тут мне повезло по-крупному - наша семья жила через двор от самого главного для всех детей магазина - «Детского Мира». Для тех, кто еще не до конца осознал степень моего счастья, поясню: в то время Детский Мир был в городе один. Других «Миров» не было. А -Я -ЖИЛА - ЧЕРЕЗ - ДВОР.

Приникнув носом к морозным завиткам на стекле витрины (одна или с сотоварищами), я любовалась в оттаявшее окошечко Дедом Морозом в дубовой, густо обсыпанной блестками, шубке и его внучкой Снегурочкой с пластмассовой косой. Любовалась, как люди покупают и им упаковывают водопады дождика, мишуру, насыпают в кульки из плотной бумаги разноцветные, как монпансье, шары всех размеров, сосульки, шишки в стеклянной обсыпке-снежке. И все это кружилось в том же вальсе, что и мои драгоценные россыпи, только теперь наяву.

Иногда мне удавалось выпросить у мамы немного денег. И когда рука в варежке сжимала несколько монеток, я мчалась через весь двор к единственному в городе «Детскому Миру», моему Миру. Покупка всегда была любовью с первого взгляда. Никогда я не прикидывала: «Дождик», вроде, поистрепался. Куплю-ка я «дождик». Нет, я позволяла себе неспешно пройти вдоль прилавка и полюбоваться всем великолепием, после чего меня как магнитом притягивало к какой-нибудь стеклянной красоте, уйти без которой из «Детского Мира» я уже не могла. Какие тогда выпускали новогодние игрушки! Куда вы подевались сейчас, восхитительные пузатенькие игрушки?!

А еще я до сих пор люблю малиновый цвет. Это все из-за Оксанки - соседки по коммунальной квартире, точнее, из-за ее Жар-птицы. Оксанке как-то на Новый год подарили елочную игрушку - картонную Жар-птицу на веревочке - вращающуюся, переливающуюся, малиновую. Когда я ее увидела, я обомлела и забыла дышать. Пределом мечтаний было иметь такую у себя, но и просто подержать ее в ладошках - счастье. Подумать только, птица счастья - у тебя в ладошках! Мы считали ее волшебной и шептали ей свои желания. Нам было лет по 5-6.

Сейчас мне ... больше лет. Я до сих пор испытываю трепетную любовь к малиновому цвету. И Жар-птиц люблю по-прежнему. Только теперь я называю их павлинами...

*Ребенок мой.
Хотя подпорчен школой...*

Ольга Корченкина.
Россия.

MEMENTO MORI

Моей матери

День выдался привычным. С утра - школа: четыре урока, как и всегда по понедельникам. Придя домой, Сережка Балакирев сразу же засел за домашку. Уже с конца первого класса он самостоятельно выполнял все домашние задания, и получалось неплохо: в дневнике - только хорошие и отличные оценки.

Написав упражнение по русскому и прорешав примеры по математике, Сережка быстренько собрал портфель на завтра, а затем, схватив в углу терраски обструганную палку, выбежал во двор, где всегда находил для себя множество развлечений.

Одно из них - большое дерево рябины, служившее стойкой для гамака, сторожевой башней и еще много чем. Частенько Сережка забирался на него, чтобы следить за приближением воображаемого неприятеля или спастись от наводнения.

Не менее ценной была крапива. Росла она в разных местах большого сада: сзади дома за кустарниками, посаженными вдоль забора, возле колодца, между сливами и летним душем и, особенно, - за гаражом, на необработанной территории. Земля на ней была твердая, но крапива там чувствовала себя превосходно. В тени двух больших дубов она быстро обновлялась после очередного ее уничтожения. А главным ее уничтожителем был именно Сережка, смело вступавший с ней в бой, воображив себя героем очередной прочитанной книги или увиденного фильма.

Победив в тяжелой битве всех злодеев - ими на этот раз оказался отряд крестоносцев - Сережка побрел в дом, где его ждала книга о Древнем Риме. Ее дала почитать бывшая учительница Вера Ивановна, а теперь просто тетя Вера Стрельникова, дальняя родственница Балакиревых. Жили Стрельниковы на втором этаже двухэтажного дома, стоявшего на самом краю улицы. Сережка часто бегал туда играть с внучкой тети Веры, Ольгой, тоже второклассницей, но из «бэшек», и ее соседом Олегом, который был на год младше.

Ольга была настоящим другом: умела хранить тайны, здорово играла в футбол, ловко лазила по заборам и вместе с мальчиками бесстрашно ловила пауков-крестовиков в сараях. Иногда, устав от беготни, дети просто рисовали мелками на недавно укатанном асфальте либо сидели на скамейке возле глубокого старого колодца.

Но больше всего Сережка любил бывать в самом доме Стрельниковых и радовался, когда тетя Вера звала ребят на чай, каждый раз угощая при этом всякими вкусными пирожками и конфетами. А еще давала Сережке интересные книги.

Книг у нее было много, целых несколько шкафов в большой комнате, посередине которой стоял огромный черный рояль. На нем училась играть Ольга. Училась неохотно, капризничала, иной раз, со слов тети Веры, даже плакала.

Сережке до рояля не было никакого дела. Он любил рассматривать книги, стоявшие в шкафах, читать их названия, имена авторов и мечтал, что, когда вырастет, соберет большую библиотеку. Много-много интересных книг.

Когда наступали сумерки, комната преображалась. Книжные шкафы становились то воротами древнего замка, то отвесными скалами. Тяжелые темные шторы на окнах злобно шевелились, готовые в любой момент напасть на детей, затаившихся на плоту или в крепости - старом кожаном диване у противоположной стены. Маленький низенький столик и стул с резными подлокотниками, стоявший рядом с ним, превращались в рифы или же в сказочных чудовищ, от которых всегда исходила опасность. Огромный рояль становился островом, хотя временами мог быть дремлющим существом, впрочем, довольно безобидным, наподобие кита. В такой волшебной обстановке Ольга, Сережка и Олег приглушенными голосами или же шепотом рассказывали друг другу разные истории. Часто - страшилки.

Вчера, в воскресенье, Сережка был у Стрельниковых, и перед самым его уходом Вера Ивановна разрешила мальчику взять для прочтения книгу о Древнем Риме, хотя и удивилась выбору:

- Это пока еще тебе рановато, дружок. Будет неинтересно.

- Почему, тетя Вера?

- Потому что ты еще маленький. Чуть подрастешь и тогда прочтешь. А сейчас многое тебе будет непонятно. Не торопись. Давай-ка лучше выберем другую.

- Я не хочу другую. Я эту хочу, - заупрямился Сережка.

Вера Ивановна пристально посмотрела на него, затем открыла стеклянную дверь шкафа, достала книгу и протянула ее мальчику со словами:

- Ну, раз так хочется, бери. Вернешь через десять дней.

Довольный Сережка прижал книгу обеими руками к груди и выскочил из комнаты. Уже наполовину спустившись по большой лестнице, он вдруг вспомнил, что забыл поблагодарить Веру Ивановну, вернулся и крикнул из дверей:

- Спасибо, тетя Вер.

Вера Ивановна с улыбкой выглянула из комнаты в коридор:

- Беги, читатель.

Вернувшись в дом, Сережка запер входную дверь, прошел в свою комнату, достал из секретера книгу и завалился с нею на кровать. Много, как предупреждала тетя Вера, и впрямь было ему не очень интересно. Сережка стал листать книгу, ища страницы, где рассказывалось бы о сражениях или хотя бы походах римских войск. В своих поисках он наткнулся на описание триумфального шествия полководца, много лет воевавшего с варварами на севере империи и, наконец, одержавшего победу над ними.

По улицам Рима проходят колонны воинов. Шествующие впереди трубачи играют грозный воинственный марш. Звуки труб перемешиваются с радостными криками, которыми толпы народа приветствуют проходящие войска: «Ио! Триумф!» На многочисленных повозках везут богатую добычу - военные трофеи. За войсками двигаются юноши в праздничных одеждах. Они ведут сотню белых быков, предназначенных для жертвоприношения. Юношей сопровождают мальчики с золотыми и серебряными сосудами для жертв. За ними несут семьдесят сосудов с золотыми монетами.

Вот, наконец, - священная чаша из золота, украшенная драгоценными камнями, предназначенная в дар Юпитеру. Вслед за ней - вереница пленных. Среди них - воины, женщины и даже дети. Закованные в цепи, они бредут с поникшими головами, с унылыми, скорбными лицами. Толпа стихает, слышно только бряцанье цепей. И вот снова толпа взрывается оглушительными возгласами. Это показывается золотая триумфальная колесница, запряженная четверкой белых коней. В ней - сам полководец, главный герой триумфа, гордый и бесстрашный человек. В пурпурном плаще, затканном золотыми пальмовыми листьями, он гордо сидит, держа в одной руке жезл из слоновой кости, украшенный золотым орлом, а в другой - лавровую ветвь. Кажется, ликованию римского народа нет предела.

Больше всего в этом месте книги Сережку удивило, что раб, слуга героя войны, стоявший в колеснице позади полководца и державший над его головой золотой венки, украшенный драгоценными камнями, время от времени кричал триумфатору: «Memento mori». Внизу страницы была сноска с переводом этой незнакомой Сережке фразы - «Помни, что ты смертен».

Ничего себе! Сережка чуть не подскочил! Как смеет раб *такое* говорить своему хозяину? Да еще в такой момент? Ничего себе! И, самое главное, почему смелый победитель злых варваров так странно на это реагирует: услышав очередной возглас своего раба, слегка поворачивает голову и медленно кивает ему в ответ. Соглашается как будто. Что-то не так. Сережка перечитал абзац еще раз. Да, так оно и есть: прочел он правильно, но... ничего не понял.

В это время раздался звонок, и, захлопнув книгу, Сережка побежал открывать дверь.

- Кто там? - крикнул он, как научили, хотя знал наверняка, что там за дверью - мама.

- Это я, сынок, открывай, - раздался в ответ родной голос.

Сережка отодвинул засов, распахнул дверь и, не дав матери войти, повис на ней.

- Ну, ну, ты чего? Соскучился?

- Ага.

- Все. Пошли в дом. Обедать пора.

После обеда время полетело быстро. Сережка помог матери собрать на участке сухую картофельную ботву и сжечь ее. Ботвы было много, и мальчику пришлось следить, чтобы она вся сгорела: мать в это время ушла в дом, сказав, что ей нужно дошить теплую рубашку. Работу себе она всегда находила. Сережка ни разу не видел ее сидящей без какого-либо дела. Она была настоящая мастерица. Люди иногда не верили, что новая куртка или брюки, или еще что-нибудь - творение рук Нины Балакиревой. Жили они очень скромно, а потому поношенные ве-

щи никогда не выбрасывали. Некоторые из них обретали новую жизнь благодаря волшебным рукам Сережкиной матери.

Она сама придумывала выкройки, рисовала их на специальной бумаге, а потом с помощью своей старой швейной машинки фирмы «Зингер» творила маленькие чудеса. Сережка помнил: когда у него, еще совсем маленького, появилась шапка-буденовка, он с гордостью заявлял всем: «Это мне мама из рваных штанов сшила». Он не понимал, что не следовало так говорить, но, с другой стороны, он говорил сущую правду и гордился и новой шапкой, и своей мамой.

А еще мама пела. Пела так, что порой слезы наворачивались на глаза: так глубоко в душу проникал ее сильный, необыкновенной красоты голос, неспешно льющийся, как полноводная река, и завораживающий своей глубиной. Песен мама знала много, понравившиеся специально разучивала и, когда по праздникам за столом собиралась родня и знакомые, к удовольствию всех исполняла их. Иной раз по вечерам мама ни с того ни с сего затягивала песню, чаще всего грустную, и Сережка слушал ее, поддаваясь необъяснимому чувству, которое он, кроме как в эти моменты, никогда не испытывал.

Вечером Сережка вновь взялся за книгу. Читать было достаточно тяжело, какие-то места, где речь шла о любовных отношениях героев или пространных рассуждениях о будущем империи, не трогали его, и поэтому мальчик старался быстрее пробегать их в надежде, что самое интересное - впереди.

Несколько раз Сережка возвращался мыслями к эпизоду с латинским высказыванием о смерти. Смысл этого эпизода все еще оставался для него загадкой. Сережка не понимал ни полководца, ни его раба, ни окружающих, которые могли слышать слова последнего и никак на них не реагировали. Значит, это было нормально? Но почему?

«Был бы дома отец, он смог бы помочь. Он знает все, он очень умный», - думал Сережка. Но отец вот уже почти год был далеко, в Сибири, в длительной командировке, как говорила мама. Не было рядом и старшего брата, призванного весной в армию. Только Сережка и его мать. А она вряд ли могла разгадать мучившую мальчика загадку. Сережка знал, что мама малограмотная, ведь закончила всего лишь пять классов школы. Давно, еще во время войны. Она и читала-то с трудом и писала с ужасающим количеством ошибок. Тем не менее, Сережка все же прочел маме изумившее его странное выражение из книги.

- Надо же, «Помни о смерти», - она сделала паузу, а затем добавила. - Но все правильно: человек всегда должен помнить об этом.

- Зачем, мам?

- Затем, чтобы жить... Ну как тебе объяснить? По совести. Хорошо жить, значит. Понимаешь?

- Страшно же думать о смерти.

- А ты и не думай. Просто знай себе и все.

Перед сном, как и всегда, мама поцеловала Сережку, пожелала ему спокойной ночи и, выключив свет, вышла из комнаты. Сережка повернулся на правый бок и закрыл глаза. В голове, перебивая друг друга, пронеслись обрывочные мысли. Они мешали заснуть, мешали успокоиться, как любила говорить мама, утомиться. Фраза «Memento mori» была среди них. Звучная фраза, трудно такую забыть. Она крутилась в голове, как надоедливая песенка, и не давала покоя. «Memento mori, memento mori, memento mori, тарам, тарам, тарам. Memento mori, memento mori, тарам, пам-пам».

Неожиданно она прервалась и словно отодвинулась куда-то, а ее место заняло слово «смерть». Сережке стало страшно. Он повернулся на спину и открыл глаза. В комнате было темно, лишь сквозь щель задернутых занавесок просачивался слабый свет луны. И где-то незримо витала смерть. И ни мама, ни отец, ни брат - никто не помог бы, если бы она вот сейчас взяла и пришла. И села на кровать. «Никто не поможет. Я совсем один и могу умереть», - с ужасом подумал Сережка и, чтобы хоть как-то защититься, свернулся калачиком, как будто стал совсем маленьким.

Никогда раньше не думал он о своей смерти. Два года назад умерла бабушка. Умерла ночью, и долго после этого Сережка боялся заходить в комнату, где это случилось. Но тогда он был маленький, а она - старенькая. И поэтому это случилось с ней. А теперь... Теперь - совсем другое. Теперь смерть грозит ему. Значит, он тоже умрет... Когда-нибудь... Перестанет дышать, и дальше - ничего не будет. Ничего. Новая волна ужаса пронзила мальчика так, что он почувствовал на своих щеках слезы.

Мама часто брала Сережку в церковь. Он очень неохотно шел с нею: его подавляли рисунки, которыми были украшены церковные своды, не улыбающиеся лица прихожан, и само стоя-

ние на службе было тягостным для него. Ему было не по себе. Таинственность обрядов страшила, как и немногие библейские истории, которые он знал. Мама говорила, что нужно все правильно понимать, и тогда он сможет почувствовать легкость и свет. Ничего подобного Сережка не чувствовал, а лишь в очередной раз внутренне содрогался, слыша суровый голос попа, время от времени прерывавшийся нестройным пением хора. Не доходил до него и смысл фразы «Смертью смерть поправ». В ней было о смерти, а значит, - страшно. Но особенно неприятными в церкви были гробы с покойниками, которых приносили туда для отпевания, и ужасный стук молотка, отдававшийся в самом сердце. Но здесь - другое. Эта самая смерть как будто бы пробралась сюда, словно говоря, что будет теперь неотступно следовать за Сережкой. Где бы он ни был, что бы ни делал, он не сможет ее избежать. Как же теперь? Как?

«Я не хочу умирать. Я еще совсем маленький. И стану взрослым - не захочу, - причитал про себя мальчик. - Не хочу умирать».

«А ты и не думай. Просто знай себе и все», - вспомнились слова матери. Как же не думать, когда страшно? Так страшно. Так страшно, что никогда еще так не было. Даже когда брат пугал бабой Ягой с чердака, так не было.

Сережка старался успокоиться. Постепенно страх уходил. Слезы высохли, и дневная усталость сделала свое дело. Он даже и не заметил, как погрузился в сон. Очень даже возможно, что, когда Сережка засыпал, «Memento mori» вновь зазвучала как незатейливая песенка.

«Memento mori, memento mori, memento mori, тарам, тарам, тарам.
Memento mori, memento mori, тарам, пам-пам».

В. Бодров.

Снег

О чем расскажет нам сегодня снег?
О небесах, с которых улетаю,
И чистотой Божественной сияю,
Нес радость первозданную для всех.
Не потому ли на душе светло,
Когда на сказку чудную взираю,
И каждый штрих красивый подмечаю,
Оценишь вдруг Великое добро.

Одеты в снег деревья и земля,
Тропинки сквозь сугробы пролегают,
Лишь календарь спеша напоминает,
Что ничего не происходит зря.
Несет мгновенье каждое для нас,
Неповторимость в красоте обычной,
Возможность жить с любовью безграничной,
Благодарить за каждый день и час.

Сайт «Свете Тихий»

27.11.17. Ирина Журавлева

Как беден наш язык

Как беден наш язык! - Хочу и не могу.-
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

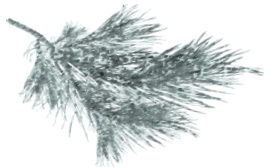
1887 Афанасий Фет.

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение...

КНИГА ТРЕТЬЯ

Часть седьмая

V

Прямая русская хозяйка сохранилась только в простом быту. Это не хозяйка-барыня и уж далеко не хозяйка-дама. Известно, что когда иная хозяйка-барыня готовится принимать гостей, тогда дым идет коромыслом: тот беги туда, та сюда, то подай, того не подавай; то поставь, другое вынеси; тут вычисти, здесь вымой, там подотри! И во все углы мечется она сама, хлопая истоптанными башмачками, которые служат вместо туфель. Иначе и нельзя: это шаг от так называемого невежества к так называемому просвещению. Новый порядок всегда смешной порядок. Бывало, в доме все вековое, каждой вещи своя честь и свое место, будни не мешайся с праздником; а теперь иной толк, иной вкус, как во времена татар. Как водится, недовольные своим первые бросаются встречать и принимать чужое; собственно трусы торопятся раздражать, а храбрецы бороться, по старой памяти: лучше пасть, чем идти в полон, даже к французам. Хозяйка-дама, это уж что-то не свое, это уж, собственно, не хозяйка, а что-то такое, чему теперь на Руси и имени еще нет, а в старину, во время немецкого нашествия называли просто *фря*, откинув от Frau прилагательное.

Марья Ивановна была хозяйка старого быта, но вчерне: у ней на все случаи были запасы; гостинные комнаты чистехоньки. Не только муха, но и пылинки не садись в них на почетную мебель, да и сама Марья Ивановна со всей семьей не присядет, из уважения к своим гостям, на гостинные кресла. Она заботливо всех обходит, угощает чем Бог послал, разве иногда присядет на кончике подле какой-нибудь сударыни-матушки Анисьи Ивановны, сложит ручки, похает о чем-нибудь, да и снова пойдет обходить с радушным возгласом: «Да что ж это вы не изволите кушать, или уж нам счастья нет! Да выкушайте на здоровье, да хоть пригубьте!»

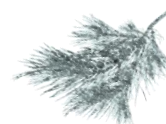
А гости и гостьи чинно сидят и, по обычаю, отнекиваются от избытка угощений, уверяют, что уж душа не принимает, и все-таки кушают в угождение хозяину и хозяйке. Сроду в доме у Марьи Ивановны не было ни плясок, ни музыки; но когда выросла дочка да вышла ученой-преученой из пансиона, тогда и Селифонт Михеич и Марья Ивановна вздохнули. Но один вздохнул о старом порядке вещей, а Марья Ивановна уже по новому. Ей, по-старому влиянию просвещения на женщин, моченьки нет как хотелось сделать бал. Но Селифонт Михеич решительно сказал, что он даст бал только на свадьбу дочери. Вследствие этого (что делать!) Марье Ивановне ужасно захотелось скорее просватать Дунечку; но что она ни предпринимала, ничто не клеилось: Дунечка непременно требовала генерала. Когда Матвевна объяснила, что у ней есть графчик, тогда и у Дунечки и у Марьи Ивановны сердце пришло на место. За согласием Селифонтова Михеича дело не стало. Он не знал, что Прохор Васильевич - графчик, и был радехонек, что отдаст дочь за купецкого сына, да еще и за такого же миллионщика, как сам. Вот и настал день ожидания жениха «на чашку чаю». Бог весть, что сделалось с Марьей Ивановной! - она заметалась во все углы, как барыня. И кондитера-то ей подавай, и без повара-то нельзя обойтись; и лакеев-то для прислуги надо нанять, и жирандоли-то взять напрокат, - не подсвечники же поставить на стол, и сальные-то свечи - страм какой! и в комнатах-то курить не смолкой же...

- Владыко ты мой, Господи! - воскликнул Селифонт Михеич, посматривая на жену; но он не привык с ней ссориться и только терпеливо читал молитвы от наваждений бесовских. Однако же, когда Марья Ивановна вместо повязки гарнитурового с золотой бахромой платка примеряла перед зеркалом купленный при помощи кумушки на Кузнецком мосту чепчик, Селифонт Михеич плюнул и хотел идти вон.

- Селифонт Михеич, посмотри-ко-сь! - крикнула к нему Марья Ивановна.

- Что тебе, матушка!... - произнес он, остановясь, сердито.

- Посмотри-ко, душа, каково?

- Ну что ж тут есть хорошего-то: чепешница!

- Где ж тебе толк знать; а я тебе вот что скажу, Селифонт Михеич: куда как непригодно ходить тебе в долгополом-то чекмене; ты бы послушал меня, надел немецкий сертук.

- Тьфу ты пропасть! Ну, уж я вижу, что ты пошла на старости лет в сук расти! - сказал Селифонт Михеич, махнув рукою и уходя.

- Вот мужья! Изволь на них угодить! - проговорила Ирина Степановна, без которой никогда бы не пришло в голову Марье Ивановне изменять обычный свой порядок и носить чепцы.

- Да кто его знает, что он окрысился так, - сказала Марья Ивановна, - этого с ним сроду не случалось: бывало, и причуда какая-нибудь придет мне в голову - и то ничего; а теперь поди-ко-сь, как расходился!

- И! Уж все таковы, кумушка; только до поры до времени. Ваш еще что, поворчал, да и ушел. А посмотрели бы вы, мой, бывало, как браниться начнет. Да я в глаза-то не смотрела, на первых порах осадилась...

- Что ж ты, вцепилась в него, что ли, Ирина Степановна?

- Вот, дура я на медведя лезть! Нет, кумушка, есть на все манера благородная.

- Да какая же манера, Ирина Степановна? Уж когда пошло на спорное дело, так слово за слово, да и за святые власы...

- И, полноте, кумушка. Известное дело - в ком сила, в том и воля: оттаскал, да и поставил на своем. И в другой раз так, и в третий. Небойсь ждаться, покуда умаится? Покорно благодарю! Как высушит в лучину да переломает бока, так уж тогда к ладу и воля! Нет, кумушка, я не допущу сказать себе одного слова неприятного: не могу! Со мной тотчас дурнота - так и покачусь без памяти...

- Дурнота? Поди-ко-сь! - прервала Марья Ивановна с невольным сердцем, - попала, верно, твоя дурнота на дурака, кумушка!

- Извините, кумушка, мой муж не дурак! - возразила с обидой Ирина Степановна.

- Ну, дурак не дурак, а родом так: поверил бы разумный человек дурноте твоей!

- Поневоле поверит, как ляжешь в постелю мертвым пластом!

- Экое горе, ляжешь в постелю! Ты ляг, а тебя еще и привяжут: лежи, сударыня моя, сколько душе угодно! Посмотрела бы я, долго ли бы ты пролежала без памяти! Чай, тотчас бы: «Батюшка, помилуй! Не буду французскую дурноту в голову забирать!»

- Чтоб я стала просить прощенья за то, что меня обидели? Чтоб я покорилась? Ни за что!

Ирина Степановна, в сердцах и обиде, расходилась по комнате, распетушилась. Дунечка также вспыхнула, как обиженная, и выразила нижней губой презрение к словам матери: понятия крестной матери были ей и по голове и по сердцу и вполне согласовались с приобретенными в пансионе, где она не раз слышала глубокие рассуждения подруг о замужестве - о глупых мужьях, о злых мужьях, о распрях, о бранях и побоищах. Только что упомянула Марья Ивановна о святых власах, у Дунечки зазвучало в ушах затверженное наставление, как поступать с глупыми и злыми мужьями.

- Скажи пожалуйста, какая ты храбрая! - продолжала Марья Ивановна с насмешливой улыбкой.

- Да, храбрая! Я не позволю, чтоб со мной неблагородно обходились!

- И, матушка, где ж всем набраться благородства-то? Да и сама ты худо сделала, что вышла не за благородного...

- Прощай, Дунечка! - сказала затронутая Ирина Степановна.

- Рассердилась? Не на век ли? Если не на век, так и не уходя можно было бы помолчать, покуда уляжется сердце.

Ирина Степановна, не поклонясь куме, ушла. Дунечка надулась на мать. А Марья Ивановна, вздохнув и промолвив «о-хо-хо!», задумалась и, не зная, кого обвинить в ссоре ее с мужем и с Ириной Степановной, напала на чепчик.

- Черт, верно, сидит в нем! - крикнула она вдруг, сдернув чепчик с головы и бросив на стол. - Ни за что не надену эту проклятую нахлобучку! В самом деле, пришло же в голову на старости лет в чепцы рядиться! Благодарить бы Бога за то, что дочь будет госпожой ходить! Возьми-ко, приberi себе, Дунечка, чепчик; выйдешь замуж, так наденешь его.

- Покорно благодарю! Очень нужен мне старушечий чепчик! - отвечала Дунечка, не двигаясь с места.

- Ах ты паскудная! Брезгает матерью! Да ты знаешь ли, что я по сю пору берегу матушкину одежду? По праздникам только и надеваю. А?

- Еще бы из лубка пошили, да и мне бы приказали носить!

- Ах ты недобрая! Так вот чему учили вас в пансионах-то! Так-то вы по-французскому уважаете родителей?

Эти упреки нисколько не трогали сердца Дунечки, она с пренебрежением слушала их и ворчала про себя: да, так, уж конечно по-французскому, а не по-русскому!

Марья Ивановна не умела выходить из себя, нисколько не была злопамятна, и потому все эти маленькие междоусобия кончились заботою о приеме жениха и долгими прениями Марьи Ивановны с кондитером. Марья Ивановна хотела все угощения, по обычаю, поставить на стол, разливать чай сама; а кондитер говорил, что это не годится, *не следует*.

- А почему ж, мой батюшко, не следует?

- Как почему? Уж это известное дело-с, - отвечал он ей.

- Да что же тут известного-то?

- Да как же, сударыня! Ведь уж известно: как гости пожалуют, так следует разносить чай. А потом, часок спустя, фрукты да конфеты... так оно так точно и будет.

- Да отчего ж не убирать стол?

- Я уж вам докладывал, что поставить все на стол-то, сударыня, не годится. Известное дело гости: ставим мы буфеты на балах - не наготовишься ничего! Иная старая ведьма десять раз подойдет, - платья-то теперь широкие, с карманами, и полпуда уберет! В складках-то и невдогад никому, ей-ей! Годовой запас привезет домой! Да, по мне, как угодно, мне еще выгоднее: вместо пяти фунтов конфет потребуется пять пудов; да еще и не пять. Известное дело, это выдумали французские кондитеры; им чего жалеть чужого кармана; а нам, сударыня, не приходится так делать.

- Ну, ну, будь по-твоему!

- Да как же, сударыня, не по-моему: известное дело, что на все нужен порядок: сперва чай подадим, а потом, часок спустя, десерт; так оно так точно и будет.

- Ну, ладно, ладно! - отвечала Марья Ивановна и от кондитера бросилась на кухню. Там-то она подивилась заморскому поваренному искусству.

- Это что, мой батюшко?

- Труфели.

- Что ж это, неужели едят эту дрянь?

- А как же, сударыня.

- Ну, привел Бог видеть; а в рот не возьму!

Таким образом новые, чужие вкусы водворились между старыми своими, понемножку, как ложка дегтю на бочку меду.

Для приезда Василья Игнатьича с сыном весь дом нараспашку. Ворота открыты, у ворот караулит гостей дворник; на крыльце фонарь зеркальный в виде звезды, в тысячу огней. Два сына Селифонта Михеича сбежали с лестницы навстречу гостям и, указывая руками ступени вверх, повторяли: «Пожалуйте!» В передней ожидал сам хозяин, в зале - хозяйка, в гостиной - дочь, из-за дверей спальни высунулась Матвевна и шепотом окураживала Дунечку:

- Не робей, сударыня; смелее с ним, да по-французскому, по-французскому с ним.

За Матвевной стояла толпа баб и девок.

- Здравия желаем, Селифонт Михеич! - возгласил Василий Игнатьич, входя в переднюю. - Вот вам гость, каков есть: дрянь, сударь, дрянь. Не хвалить же стать свое дерьмо! Прошу любить и жаловать! Кланяйся, Прохор!

- Очень рад, батюшка Прохор Васильевич, что изволили пожаловать к нам!

- Здравствуйте, матушка Марья Ивановна! - продолжал Василий Игнатьич, вступая в залу. Вот, сударыня моя, не один к вам приехал, а с помощью Божией сынишку привез...

- Благодарю покорно, Василий Игнатьич! наслышались много.

- Позвольте изъяснить мое почтение-с, - сказал наш мнимый Прохор Васильевич, подходя к ручке Марьи Ивановны и кланяясь, закинув голову назад.

Марья Ивановне по сердцу было такое учтивство.

- Молодчик какой вырос сынок ваш, Василий Игнатьич, - сказала она, - покорно просим, пожалуйста! Рекомендуем вот дочку нашу!

- Авдотья Селифонтьевна! - продолжал Василий Игнатьич, - ну, благодать Божия родителю и родительнице такой дочки.

Дмитрицкий ловко шаркнул и поклонился своей будущей, остановив на ней томный, как будто умирающий взор, пораженный ее красотой.

- Просим садиться! сделайте милость!

- Так вот так-то, батюшка Селифонт Михеич! - сказал Василий Игнатьич, садясь на указанное хозяйкой почетное место. - Благословен Бог в начинаниях!

- Так-с, Василий Игнатьич, - отвечал Селифонт Михеич, - Действительно так-с.

Василий Игнатьич хотел было продолжать свое начинание, но дверь распахнулась, и мальчик кондитера, малый лет двадцати, разряженный как парижский франт, явился в гостиной с огромным подносом. Мосьё, да и только! За него совестно, что прислуживает. Прическа головы модная, запоздалая только годом; галстук, манишка, жилет, фрак и так далее, белые перчатки - все это во вкусе времени, щеголевато, как на современном *jeune premier*; даже сладкая *мина*, говорящая «не угодно ли вам чаю?» была похожа на театральную мину предложения услуг и сердца.

«Что ж ты, братец Прохор Васильич, уселся, да и молчишь дураком? Поговори с будущим тестюшкой», - сказал сам себе Дмитрицкий и пересел к хозяину.

- Какой прекрасный, уютный дом у вашей милости, Селифонт Михеич.

- И, помилуйте, что ж это за дом, это домишко, сударь; вот у вашего батюшки так дом - палаты; барской, убранство господское!

Дмитрицкий тотчас смекнул по ответу Селифонта Михеича, что неуместной похвалой задел его за живое. Селифонт Михеич не жаловал барства в купеческом быту и про Василья Игнатьича говаривал: «Залетела ворона в высокие хоромы».

- Что ж в этом барстве и убранстве, Селифонт Михеич? По мне, если позволите сказать между нами, не только тятенкин, да и всякий дом господской постройки, просто повапленный сарай; для житья непригоден-с... Под трактир отдать или фабрику завести в нем; так-с, для фабрики очень хорошо-с, и поместительно и все. Я был вот и во Франции, и в немецких краях: там теперь никто не живет в палатах. Например, вот-с в *Пале-ройяле*, то есть в королевских палатах, гостиной двор завели; а во всех *отелях*, то есть господских домах, трактиры; уж если скажешь, что живешь в отеле, так просто значит в трактире...

По сердцу было Селифонту Михеичу это известие.

- Вот, Прохор Васильевич, - сказал он, - радостно как-то видеть рассудительного человека. И в чужих землях побывает, наберется ума, а не шавели. А вот, сколько детей не только нашего брата, а господских, ездили во французскую землю... Да что ж вывезли-то? Что переняли-то?

- Уж и не говорите, Селифонт Михеич! - проговорил со вздохом Дмитрицкий, - насмотрелся я.

- Очень, очень приятно, Прохор Васильевич, что вы в молодости так благорассудительны. Очень, очень радуюсь знакомству. Прошу только нас полюбить. Мы, надо вам сказать, люди простые. Сынки у меня не учились наукам разным; но могу сказать, не обидел Бог - надежны.

Селифонт Михеич показал на двух молодцов, стоявших в сторонке, *гладких* и гладко причесанных, в немецких сюртуках.

- Сделайте одолжение, позвольте познакомиться! - сказал Дмитрицкий и тотчас же подошел к ним, пожал руки и просил благорасположения.

- Вот дочка у нас, благодаря Бога, была в науке, тоже как у добрых людей, поофранцузилась немножко; что делать!

- Я слышал, что Авдотья Селифонтовна прекрасно поет, - сказал Дмитрицкий.

- А кто ее знает! Училась у мадамы. Поет, да не по-русски, так я и толку не разберу. Вот женщины сметливы: Марья Ивановна моя, в зуб толкнуть по-французскому не умеет, а говорит, что понимает все, что поет Дуняша.

- Без сомнения, французские романсы и итальянские арии: ах, как это хорошо!

- Вот вам известно это; так после чаю мы ее и спеть заставим.

В самом деле, после чаю Селифонт Михеич сказал что-то на ухо Марье Ивановне, а Марья Ивановна дочке своей.

- Не могу я, маменька, с первого разу, нет! - отвечала Дунечка матери также шепотом.

Долго продолжались переговоры, наконец она встала с места и произнесла жеманно вслух:

- Сегодня, маменька, у меня совсем голосу нет.

- *L'appetit vient en mangeant et la voix vient en chantant, mademoiselle*, - сказал Дмитрицкий, обращаясь к своей невесте.

- Вуй! - проговорила она, не поднимая глаз на своего жениха, и пошла к фортепианам.

- Извольте послушать, Прохор Васильевич, - так ли она поет, - сказал Селифонт Михеич.

- Послушаем, послушаем, - возгласил и Василий Игнатьич, - садясь по приглашению хозяйки на стул. - У меня точно такой же струмент стоит в зале, да играть-то некому. Нет, мой

не такой, а углом... и струн-то под ногами побольше, чем у этого. Как бишь, Прохор, называют струмент-то?

- У вас, тятенька, ройяль, а это фортепьяно.

- Фортепьяны, фортепьяны, настоящие фортепьяны, - крикнула Марья Ивановна в то самое время, как Дунечка, разместив очень удачно пальцы по клавишам, хотела было взять аккорд и промахнулась целой октавой.

- Ах, маменька, вы говорите под руку! - проговорила она тихо, но с досадой, начав снова прелюдию к арии.

«Хвали, братец Прохор Васильевич, свою невесту», - сказал Дмитрицкий сам себе и потом крикнул:

- Браво, браво! Ах, как хорошо, какой туш!

- Не говори, батюшка, ей под руку, не любит, - шепнула ему Марья Ивановна.

- Право, я не знаю, что петь, - сказала Авдотья Селифонтовна, начав снова ту же прелюдию.

«Господи, какое наслаждение быть Прохором Васильевичем и женихом такой невесты, - тихо проговорил Дмитрицкий, неосторожно зевнув, - надо быть животным, чтобы не чувствовать этого! Ну, как не порадоваться на такое существо? Как не поблагодарить цивилизацию за такие метаморфозы! Узнаешь ли Дунечку-дурочку, перетянута в рюмочку? Барышня, да и только! Подле фортепьян сидит, итальянскую арию поет - какова? Браво, браво».

- Тс, уж не мешайте, Прохор Васильевич. Слава Богу, что начала.

- Не могу, матушка-сударыня, Марья Ивановна, ей-ей не могу! Сердце заходило! Это такая цивилизация, что чудо!

- А что, во французской-то земле также, чай, поют?

- Кто ж теперь поет! Там цивилизация; поют только русские песни; а это называется *шантэ, мадам!* шантэ, шантэ!

- Ой ли?

- Ей-ей!

- Так же, кажется, и Дунечка говорила; вот, как вы, Прохор Васильевич, все знаете, так приятно... Да уж помолчим теперь, благо распелась.

- Извольте, помолчимте, матушка-сударыня Мария Ивановна. «Метаморфозы! - продолжал про себя Дмитрицкий, наслаждаясь картиной, которую стоило бы поставить в латунную рамку.

- Посмотри, Прохор Васильевич, на тятеньку: вельможа! Да и ты сам - кто узнает, что ты не Прохор Васильевич? Ну, была ли бы возможность без цивилизации так ухитриться, заставить дерево расти корнями вверх? Вот жена будет тебе, Прохор Васильевич! Что я говорю, какая жена? Жена - просто значит жена; всякая дрянь может быть женою. А это будет в своем роде Саломея Петровна, несколькими тонами пониже, правда, и весом не так увесиста; но вес может пополниться тягостью; а тону еще наберется: молода, и в Саксонии еще не была».

- Что, каково, Прохор Васильевич?

- Чудо, чудо! Просто оркестрино! Бесподобно!

- Что, брат Прохор, а? - спросил Василий Игнатьич, - жаль только, что хоть вот немножко бы, так, то есть подпустить, как по-нашему: «*Я жила-была у матушки дроченое дитя!*» Эх, ты!

И Василий Игнатьич прищелкнул пальцем. Приливочка к чаю заговорила в нем:

- В старину-то бывало, а, Селифонт Михеич! Как думаешь? Оно, конечно, почет, нечего сказать. И превосходительные нам, то есть, нипочем... и палаты княжеские, да тыфу! Все уж оно не тово, на душе как-то, ех-ма... Так вот извольте видеть, Марья Ивановна, Селифонт Михеич, пожалуйста-ко сюда!

Василий Игнатьич повел хозяев в гостиную, а наш Прохор Васильевич принялся очаровывать Авдотью Селифонтовну. Сроду не слыхивала она таких сладких речей, которые как газ наполнили пустой шарик, находившийся на ее плечах, вздули его, и Авдотья Селифонтовна, без малейших затруднений, вознеслась под самое небо.

В тот же вечер было решено: быть свадьбе.

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

Жизнь - это дар. Но лучше бы деньгами.

*А быть моим врагом -
врагу не пожелаю!*

Один день из жизни домового Кузьмича

Вместо святочного рассказа - СКАЗКА для всех.

Это было давным-давно, много лет тому назад, когда самым главным на Руси был Царь-батюшка, а в синем бездонном небе лишь один Господь Бог и, кроме Божьих птиц да ангелов никто и не летал - ни самолеты, ни вертолёты, ни ракеты, ни космические корабли...

А по асфальтированным дорогам не разъезжали современные автомобили, потому как ни дорог, ни машин таких народ и в глаза не видывал! А вместо теперешних, были самые обычные дороги: в селе - проселочные, в городе - либо бревенчатые, либо булыжные, то бишь, каменные. И вместо теперешних машин, одни лишь лошади зачистую по пыльным дорогам и цокали копытами, подкованными у кузнецов-умельцев. И в те далекие-предалекие времена в холодильниках каждого из нас не ожидало вкусное прохладное мороженое, потому как ни холодильников и никаких мороженых в помине вовсе и не было, ну не считая, конечно, самой матушки Царицы. Так вот в те старода-а-а-вние времена и случилась эта быль, о которой вы сейчас и узнаете...

Рядом с густым ухоженным барским лесом, где помимо растущих темных елей, дрожащих на ветру осинок, разлапистого клёна, тихого скромного ясеня и белоствольных берез с изумрудными листочками, грибов да ягод развелось так много, что хоть пруд пруди!

А у самого этого леса, да на краю деревни с самым обычным названием «Кузякино», каких по всей нашей Руси-матушке огро-о-о-мное множество, стояла самая обычная крестьянская изба. Бревенчатая пятистенка, с венцом выведенным, а значит, прочная, кряжистая да просторная, да с петушком на тесовой крыше, да с высоким ладным крыльцом и с частоколом, увешанным всякой кухонной утварью-горшками да кринками, обнесенным вокруг большого хозяйского двора.

В избе той жила-была самая обычная крестьянская семья Кузькиных - батюшка с матушкой, да с ними четверо мальчишек-ребятишек-сорви голова: Пётр с Ивашкой, да Игнат с Матвеем; все как есть, курносые да конопатые, потому что их, вишь ты, солнышко любит! Да дочерей пара - Настасья да Марфутка. Обе и душой, и лицом пригожи. Русы косы до пят, глаза - небушка синь, из себя скромны да милы.

Батюшка с матушкой цельными днями в поле на работе - весной на посеве, летом на покое. А долгими зимами дома, готовились к лету. И так изо дня в день, из года в год. Дети, что по старше - Пётр да Ивашка, погодки, шли родителям помогать в поле хлеб убирать. А остальные, что помладше, оставались дома - избу стеречь, да за порядком присматривать, да печь топить, да еду готовить, да за скотиной прибирать, да за младшенькими братьями-сёстрами приглядывать... Жил в крестьянской избе с хозяевами да детворой, и вороватый рыжий котик Кузька, бо-о-льшой любитель вкусно поесть. Во дворе - лохматая собака Шарик, которая днём спит в своей будке, а ночью дом сторожит, как и все другие собаки во всех нашенских деревнях по всей Руси-матушки.

В теплом просторном сарае жили - рогатая корова Зорька с черным пятном на лбу, кормилица, вкусным молоком поила вся семья. Да однорогая коза Белка - озорная попрыгунья, даром что коза, можно в цирк отправлять: всех перескачет. Да розовый поросенок Хрюня, который весь двор перерыл в поисках горьких желудей со старого дуба у калитки. Да чванливые и спесивые гуси, уж они-то себе цену знают, с кем попало дружбу не водят, выражение: «Гусь свинье не товарищ» - чётко соблюдают! Да куры бестолковые, которые день-деньской только тем и занимаются, что роются в навозной куче да ссорятся из-за жирных розовых червей: а вдруг кому больше достанется? Ну чисто бабы на ярмарке! Лишь одна среди них умница и есть, это курочка-Хохлатка, хозяйская отрада: она, что ни лето, приводит во двор целый выводок желтых цыпляток. Ещё жил и Петя-петушок, что по насесту прыг да скок, с утра пёрышки начищает, голос надрывает: -Ку-ка-ре-ку-у-у-у!!!

Да серая мышь Шурша имеется под полом в норе, да маленький крот Семён в огороде, в земле. Да глупый скрипучий сверчок на печи. Такой же скворец в домике на ветке старой оль-

хи. Подсолнух растёт у дорожки в саду, черёмуха - белой невестой в лесу! Берёзки с ромашками выстроились в ряд, в крестьянской деревне им всякий был рад! Вот, пожалуй, и вся семья Кузькиных в сборе, большая да дружная! А случилось в этой большой да дружной семье однажды вот что...

Поселился в их доме, как и во всех других крестьянских домах в ту пору, самый настоящий домовый - дед Кузьмич. Ну эт уж вам не хухры-мухры, а в доме личной кухарки самого генерала-майора Бердяева Александра Николаевича в Подольской губернии прислуживал!

Что? Узнали героя? Да-да, именно так! Это он и есть - русский офицер, герой Великой Отечественной Войны 1812 года! Это он в сражении супротив армии Наполеона Бонапарта под Аустерлицем был ранен картечью в правую руку. Вот его-то и наградили Царь-батюшка множеством самых различных орденов, двумя золотыми шпагами «За храбрость» с алмазами! Да, полна земля русская героями! Честь и хвала им, Великим Сынам Отечества! Светлая им Память.

Вот и молодой домовый Кузьенька служил верой да правдой в доме кухарки Зои, она им и нарадоваться не могла! За ночь все кастрюли да котлы перемоеет, картошки начистит, да еще и детей кухаркиных - Васятку с Макаркой спать уложит!

Да уж, давненько это было. Тогда ещё Кузьенька ходил со светлым чубчиком в картузике набекрень, без бороды совсем, да в яркой рубахе без заплат... А теперь, как и полагается в его-то лета, а ему уж почитай годков этак ... около двух сот будет, совсем без чубчика-то и остался, зато с лысиной и седой бородой в хлебных крошках, со стоптанными на задниках валенками (шибко протираются, ну прям беда!), полосатых штанах в разноцветных заплатках да прострелами в поясище.

И были у него, у домового деда Кузьмича, ну прям как в самой что ни есть настоящей сказке - ни много ни мало, а целых семь внучек, семь его кровинушек ненаглядных! Хлопотушка - это раз, Хохотушка - это два, Хныкалка - это три, Хлюпалка - четыре, милая Хорошка - пять, Хандруша - шесть, но она в город с прежними хозяевами жить переехала: «там хандрить да хворать проще!» В деревне-то и воздух чище и продукты полезней. Оно вон, Зорькино-то молочко, любого на ноги поставит! Так вот Хандруша и уехала подальше, в город хандрить, в деревне-то она шибко заскучала, ей тут делать нечего стало! И просто Крошка-Поползушка, ей и года еще нет - так она седьмой внучкой и будет! И все семеро внучек собой пригожи, да на свою мать - деда Кузьмича дочь - Параскеву похожи!

А девчонки-то, домовёнки, не даром хозяйских хлеб едят - у каждой из семи внучек своя работа, да своя забота в доме! Знамо дело, что крестьянская ночь коротка, потому как урожайным летом в поле дел не впроворот - рожь да пшеница знай, колосится! Вот и приходится с петухами почивать ложиться, да с ними же, кукареками, на зорьке и подыматься.

А как только за окном стемнеет, да закончится сытный ужин крестьянский, с картохами в масле, да гречей с парным Зорькиным молочком, и как матушка закроет ставни, да зажжёт лучину, да в красном углу на полке с вышивками ручной работы пред образами вся семья помолится Богу на ночь, то уж и на улице становится так тихо... ни лягушек не слышать в пруду, ни лая собачьего по всей округе, ни ребячьего шума-гама, это означает, что...

...Тихая ясная ночь со звездного неба медленно сползла на землю, укутала собой темный лес да часть поля прихватила, потом бесшумно переползла чрез околицу и очутилась в деревне, да не просто в деревне, а тихой крестьянской, с самым обычным названием «Кузькино», каких по всей необъятной Руси - матушки великое множество!

Вот пришла ночь и в крестьянскую семью Кузькиных...

Ти-ши-на в доме... Молодецким сном уснули батюшка с матушкой на еще теплой, не остывшей печи. Сладко посапывают, на бегу ткнувшись курносими носами в мягкие подушки их сынки - Пётр с Ивашкой, оба с разбитыми в кровь коленками. Игнат с Макаром тут же спят, на широких да ладных полатах. Девчонки Настасья да Марфутка спят посередке.

Тревожным сном спит вороватый рыжий кот Кузя, он наакался парного молока из ведра прямо из-под Зорьки, да и свернулся клубком на пёстрой домотканной дорожке у теплой печи. Во дворе, в своей будке беспокойно дремлет одним глазом Шарик, другой у него всегда на чеку - вдруг воры какие иль человек нехороший, злой во двор забредет. А пуще для батюшки старается! Не станет тот лодыря-бездельника зазря кормить! Зорька, напившись сытного поила, сонно жуёт свою коровью жвачку из травы, притулившись в углу коровника. Белка напрыгалась за день по холмам-пригоркам, да нащипалась сочной травки с мягким клеверком да желтоглазой ромашкой, и теперь крепко спит, сложив тонкие ножки с точёными копытцами под своим лёгоньким тельцем, да головой с одним рогом, - другой не знамо где беззаботно оставила, - уткнулась в сено на полу. Хрюня, издав приглушенное: Хр-р-ю-Х-рю-ю-ю-к-к! тоже заснул,

повалившись румяным боком прямо на дощатый пол, пяточком к кормушке. И Хохлатка спит, то и дело тычась клювом в мягкое сено в гнезде, где и ждёт-не дожждётся своих деток - желтеньких цыпляток. Петя-Петушок, как истинный Атаман войска Казачьего, призвал к порядку свой женский, тоже казачий полк, забрался на насест повыше, - оттуда ему удобней следить за порядком, - низко свесил уставшую голову с тяжелым ярким гребнем, да и не выдержал - смежил веки и уснул, свесившись клювом вниз. Важный гусь со своим семейством поужинал остатками зерна от обеда, и теперь тихо дремлет, уткнувшись розовым клювом в теплое мягкое крыло.

Серая мышь Шурша с крошкой заветренного творога в лапках, забила в норку поглубже, решив перед охотой вздремнуть часок-другой. Крот Семён, как только стемнело во дворе, огляделся вокруг и сообразив, что уже ночь, нырнул вниз, чтобы поужинать на скорую лапку перед выходом туда-наверх. Скрипучий сверчок устроил себе небольшой перерывчик, уютно угревшись у ещё теплой печи. Скворец в своём скворечнике высоко на ольхе давно уже почивает в тепле и комфорте, а ветка, легонько покачиваясь, в такт тихому ветерку, будто поёт ему колыбельную: «Ш-ш-Ш-ш-Ш-ш... под ольхою на весу; Колыбельную скворцу ш-ш-ш-ш.; Я тихонько прошуршу - шу-шу-шу-шу-шу-у...»

Домовой дед Кузьмич, поджав колени и удобно примостившись на полке у печи - укутался в батюшкин ватник, да укрылся матушкиной теплой шалью, и сидит, размышляет, молодость свою вспоминает под мерное постукивание часов-ходиков на стене, да батюшкино похрапывание.

Батюшка храпит громко - «Хы-ы-р-хы-ы-р-хы-рр-рр-рр-р-р!!!» Матушка ему тихонечко вторит, будто сверчок поскрипывает или пташка Божья на веточке - «Ф-ф-и-и-ю-ю-ю-тт-ть», еле слышно посапывает, будто дышит.

Оно, конечно, можно переночевать и в баньке, ведь на то оно и лето, но нашему домовому деду Кузьмичу уютней и комфортней спать в доме, подальше от ночной прохлады, от которой у него ломота в костях начинается. Да и размышлять о том, о сём в тепле куда приятней...

- Вот чичас на часах будить аккурат 3 утра, тады и в курятнике петух как заведенный прогорлопаня ровно 3 раза, и моя Хлопотушка - самая ранняя пташка - уж тут как тут: глазенки открыла, водицы студёной из ковша хлебнула и ... хват метлу - полы мести во всем доме, да чистоту наводить. Ну а как иначе? Не успеешь глазом моргнуть, как уж и хозяевам подниматься на работу, надуть, а тут вам - здра-а-а-сьте! - ни полы с вечера не метёны, ни посуда не мыта, ни цветы на окнах не политы! А вить ентого Хлопотушка моя терпеть не могёт! Надо б и воды из колодца притащить, да дровишек в печь подкинуть, да и самовар ражжечь. Даром что ль Сам ишшо вчерась шишек еловых-сосновых велел Игнату с Макаром в лесу найти, да в избу принести? Чаво ж хозяевам-то в студёный дом просыпаться?

...А и как все успеть одной-то? Тут на боку не завалисьи! Дел ни впроворот! А полы - да столы да лавки - всё из досок, их пока отскоблишь-отшмурыгаешь - руки оторвешь. А печь не белёна, вся облуплена стоит! Да ведь это сынки хозяйские, постреляты и постарались - Игнат с Матвеем штукатурку облупили да на домовых свалили. Сам-то им розг задал, мало не покажется! А толку? Исправлять-то никто не спешит, не торопится: её, Хлопотушку, стало быть, дожидаются! Вон Сам-то уж и известку замесил почитай, как пару недель в деревянном корыте стоит квасится, уж и затвердела вся. А Хлопотушке-то и ночи мало все дела переделать... Она с детства такая: все-то ей надуть, чтоб кругом лад да порядок был! А хозяйва чаво? Проку-то от них - одна суета и дом вверх дном перевернутый!

А дом ух, харо-о-ош, добротна-а-ай, да бревенчата-а-ай! Даром, что чуток в землю вкопан - так ет для тепла, значить, чтобы зимой не мёрзнуть. А и курицу иль другу каку птицу с мороза в дом принести придётся! Зима-т, ой как люта бывает! Всё одно и на женской половине прясть можно спокойно и на мужской - делом каким заняться сподручней было б, в тепле-то... Дык тута одних комнат, почитай, целых 5 будет. - Тут дед Домовой Кузьмич начинает пальцы загибать для ровного счёта, - с закутами да сенями! Горница, зала, да светёлка, да амбар для продуктов всяческих... - Тут Домовой, при упоминании еды, сглотнул набежавшую слюну. - А и народу то живёт тожа немала - батюшка, матушка да шестеро ребятишек, да тётка приходящая. Вот злыдня-баба, глазами так и крутит, будто чаво заприметила. Только пирожок с пылу, с жару, с противня потянешь, тут же полотенцем по рукам да спине: шмя-я-а-к! - «Сгинь, сгинь нечистая! Чур меня, чур!!!» Ну и какой там пирог апосля таких слов в глотку полезть?! Ужо и баба: ловка и драться, и стряпать куды как мастерица! Кота вон давеча как с крыльца-то мотонула: кубарем летел, за мяса кусок чуть в усмерть не зашибла! Ужо и баба... Её и сам батюшка побаивается: мало ль чаво ей в голову придет. Да, уж и баба! - степенно размышляет домовой дед Кузьмич.

Да и кухарка то отменья! Даром, что ни Зоя... Таких пирогов, уж, почитай, вона сколь лет не едал! Тут тебе и с повидлой, и с яйцом, и с картошечкой, а корочка румяна! хру-у-с-сь... так и язык можно проглотить! Ну и баба... Хлопотушка моя, и то таких вона пирогов не настряпая - мала ишшо! Зато у ей везде парядык. Мало чо в дому, так она и с живностью управляться представлена! С утра скотине корму задаст, да воды свежей нальёт. Потом корову Зорьку подоит и в стадо её отправит, потом курей выпустит, забияку-петуха чужого вона со двора спроводит, потом гнезда проверит - вдруг яйцо какое куды закатилась? Потом Хлопотушка ещё порося выпустит, бока ему намоя, потому как знамо дело - порося оно и есть порося: вечно грязи найдё! Потом ... и еще ... и так даляя...

Вот уж со скотиной разберется - и на луг пора гусей пасти, да ивовой хворостиной собак от их отгонять. Весь день так и хлопочя по хозяйству, так и хлопочя! А хозяйва думают, что это их ребята все дела-то делают! Как жа, даждесси их... - подводит итоги домовой Кузьмич. И то правда, изо всех 7 внучек она, Хлопотушка, самая работающая!

Оно, конечно, и остальные б внучек тоже каждая по- своему хороша...

Взять, к примеру Хохотушку. Так она пока всех соседей с ранья не обегает, в жизни не угомонится! Шутка ли? Шагом то ходить она так и не научилась, всё бегом! А ведь всем надо «Дабрутра!» сказать, да улыбнуться. Ведь известно, что доброе слово кошке приятно!

Да и спеть-сплясать то она тоже ой, мастерица! Вокруг пруда, откуда люди воду черпают, чтоб огород-капусту поливать, наша Хохотушка улучит момент, чтоб никого рядом не было да на бережку и пляшет - коса расплелась, и волосы белёны чуть спины пониже, глаза - неба синь, сарафан яркий да вокруг фигурки ладной так и ходит, так и ходит. Пляшет Хохотушка, пятки розовы сверкают из зеленой из травы, да частушки распевает на все лады: «Эх, м-м-а, да эх м-м-а, да выросла че-реш-н-ня! Я ей ветки обломаю, всех собак перепугаю!!! У-у-у-х-х-х-х! А-а-а-х-х-х-х! Будут знать, кого кусать! И-и-й-й-е-е-Э-э-э-эх-х-х!!!»

- Глянешь на неё, и на сердце легчает, - продолжает свои наблюдения домовой дед Кузьмич. - Иль вот ишшо: «Ух ты, да ох ты, да все пошили кохты; А я себе френчик...» - Ну дале, как есть забыл...

Так что к вечеру бедолага так напляшется-умаится, что и спит без задних ног! Хошь из пушки стреляй - не добудисьси! Так-то вот, она, Хохотушка, двойневая сестра Хлопотушки - день-деньской и радуется-веселится, всё хохочет-заливается! Всё-то ей всяляло-смьяшно! Пальчик ей покажешь - она в смех так и ударится! У ей и настроение всегда отменное. Нрав, значит, таковой - всех развлекать-смешить! Бывало, чуть ребятня заскучают-заноют, она тут же им что-нибудь учудит - иль козу покажа иль просто «ути-ути» сделая, так они заражаются от её смехом и куды весь плач делси? Матушка дивы даётся: что за чудеса таки - малец вона плачем заходилси, а тут лепечеть-лыбится! Мужа зовёт: - «Глянь, батюшка, что деется! Малец ревмя-ревел, а тут сидит молчком да лыбится! Будто домовой какой тайно явился!» Чо тут скажешь токма руками развести и осталось. Вона завсегда вместе вдвоем так и ходють: одна - Хлопотушка, за порядком во всём дому следит; а другая-Хохотушка - смеётся да всех развлекает! Оно вроде и при деле - настроение другим, вишь ты, создаёт.

Зато уж Хныкалка - сроду зареванная, да недовольная ходя. Волосы вечно клоками нечёсаны, платья мята, будто Зорька жавала. Чуть тока глаза откроет тут же нить-кривиться - погода не та, вон щас дождь буде, настроения не та, глянули не туды, пошла сама не знаю куды... Одно слово, зануда-зарёва! Всем в доме настроенью перепортит. И тучи тут же на синее небо ползут да солнышко ясное закрывают. Одна вредность от этой рёвы. Возьмет вон тётке, вредной бабе, и в молоко кусок земли бросит - вся крынка порчена! Иль во шчи мыла кусок засандалит; горечь только, что в рот не можно взяти! Да уж и шалости у Хныкалки!!! Вот набедокурит чего, и радая сидит. Польза - когда разве чо молчит иль почивает на кухне за печкой со сверчком: вишь ты кости у неё, молодухи, крутют-ноют, всё ему жалится...

А и Хлюпалка тоже куды как хороша! Любит носом пошмурыгать, да на народ дрёму с ипохондрией наводить. Одной ей, вишь ты, хлопать лень. То дождя нагонит с чистого неба, а тот, ирод, и рад лить-поливать, поля заливать, честной народ без урожая оставлять, да голод нагонять! Скверный характер у Хлюпалки: всё исподтишка, как у ейной бабки. Та еще штучка была... Бр-р-р, зябко ёжится дед Кузьмич, вспоминая тещеньку: - Мокреть она и есть Мокреть! Та вечно ходила в поганках, да мухоморах, да и плесени от макушки до самых пят, сыростью так и веяло от её. Чуть угол в хозяйском дому почернел, так это, стал быть, Мокреть там поселилась. Ой, чую беду: и Хлюпалки быть такой же Мокретью в старости...

А вот дедов глаз отдыхает на Хорошке: только дед задремал у печи-тут же - хло-о-п, шаль на ноги - кутает, чтоб деду тепло было. Так и заглядывает в глаза:

- Дедуль, чего тебе? Сиди-сиди, сама принесу... и в щёку - чмок! Поди плохо?

- А када нынешней зимой прибалывал? Так она мне вместо ледяного квасу с клюквой из подполу - в липовый чай меду клала, да и малинового варенья не пожалела, и носки из Шариковой шерсти... - все тебе 22 удовольствия!

- А хозяйва потом головы ломали: куда припасы пропали, уж не воры ли унесли из амбара, и кто ключ видал от ево? - довольно хмыкает домовый дед Кузьмич. - А вить это моя Хорошка - милая, славная девчоночка-домовеночка деда своего ублажала... Ну как её не баловать, не миловать, в румяны щёчки не целовать! Э-эх! Моя кровиночка...

А вот и самая младшенькая, пока ещё совсем Ползушка - годка еще нету. Мало чо могёт, а соображат и того меньше! В люльке под потолком день-деньской болтается, всё та же Хорошка подбежит к ней да на руки подхватит - и ну пестоват, к потолку подкидывает: «Ай, дубок-дубок-дубок, скоро крошечке годок!» А уж та смеётся-заходится, пухлыми ручонками хлопает да ножками дрыгает, цепляется за Хорошкин передничек в красну горошину!..

Так, намаявшись за день, домового деда Кузьмича сморит сон. Тут же прибежит ласковая Хорошка. Шалью колени большие укроет, носки из Шариковой шерсти наденет. Тепло-то по всему телу так и разойдётся! «Э-э-э-х-х, до чего ж приятная штука - жизнь!» - улыбается домовый дед Кузьмич во сне своим мыслям. Вот чудится ему, что будто он выходит на широкий кухаркин двор, хоть еще и не ночь вовсе, а им, старым домовым, строго-настрого запрещено нос высовывать за дверь раньше 12 часов ночи...

Выходит, значит, ещё совсем молоденький домовёнок Кузенька, на кухаркино крыльцо в своих новых штанах в синюю полоску, а рубаха из-под её так вокруг пузырьём и исходит. На голове картузик, чубчик светлый торчит, бороденка-то уж апосля, поди, к годам тридцати пробиваться стала. Выходит, значит, домовый дед Кузьмич на крыльцо, а там - глядите-ка, люди добрые: «Э-э-э-х-х, где та Зо-о-й-й-я-я? - потягиваясь, мечтательно представляет дед. - Травушка-муравушка зелё-ё-ниньки-й-и-я; Кабы был бы молодым, ушел бы к Зо-о-иньки й-я-я...

А тама, акурат посередь двора, вырос огромный куст... ягоды... Вот пропасть: не силен дед Кузьма в тутошних названиях. «Тьфу ты!» - бормочет дед во сне, и Хорошка - кроткая домовёночка, тут же присела перед дедом на корточки, нежно тронула за слабую руку:

- Чего тебе, дедуль? Всё-всё, спи, родной, спи! «А-а-а-а-а», - как малого в люльке, деда укачала.

Да... давненько, ой, как давненько всё это было. Тогда еще и батюшка с матушкой, и Царь с Царицей живали да бывали!

Галина Юрьевна Подымова.

Сайт Проза.ру © Copyright: Галина Юрьевна,
2016 Свидетельство о публикации №216050601939

Печатается с любезного разрешения автора.

**"Не флиртуй с кухаркой тирана:
можешь отравиться его котлетой"**
(Станислав Ежи Лец)

**И все б сбылось!..
Но зазвонил будильник.**

Зимний лес загадочный

Зимний лес загадочный,
Серебром укрыт,
Месяц резво-радостный,
Колки теребит.
Кроткими овечками
Облака стоят,
Огоньками-свечками,
Звёздочки горят.

Снежные узоры,
Реченька окрест,
Домики, заборы,
Куполочка крест.
Ноченька рассеянно
Обнимает Русь,
Тишиной навеяна
Дымчатая грусть.

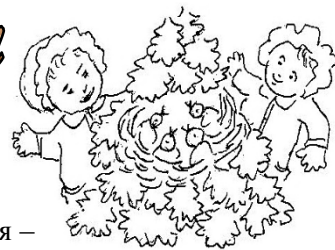

Сайт «Свете Тихий»

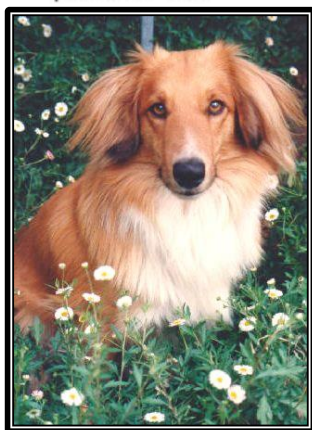
Виктор Шамонин-Версенеv

Тузик и его друзья

«Живой подарок»

Сегодня на Шумном Дворе с утра возня – все готовятся к Рождеству.

Дедушка-Помахайкин развешивает разноцветные лампочки. Из домика под Леопардом доносится вкусный запах - это Мама-Иголочка печёт пироги.

Бублик и Говорилка тоже очень стараются. Им жарко, ведь в Австралии на Рождество всегда лето. Но малыши пыхтят, вытирают со лба пот, и всё равно подбирают с травы игрушки. Потом стали помогать папе-Лобику подметать дорожки. Даже Тузику будку украсили - приколотили еловую веточку с красивым шариком.

Наконец к празднику всё готово.

Вечером мама-Иголочка выкупала Бублика и Говорилку - и отправила пораньше спать.

Гномики рады отдохнуть, после работы во дворе они очень устали. Вот только заснуть никак не могут - в домике под Леопардом жарко.

Лежат малыши в кроватке, глаза таращат. Шёпотом разговаривают.

- Бублик, а, Бублик, что сейчас делает Дед Мороз?

- Наверное, он в лесу... на саночках катается...

Не заметили гномики, как уснули.

И снится малышам, что они вовсе не на Шумном Дворе, а где-то далеко - на Северном Полюсе... Смотрят Бублик и Говорилка - вокруг лес, ёлки... под снегом белыми кажутся. А над головой снежинки летают - большие мягкие хлопья падают малышам прямо на нос. И гномикам уже не жарко. Им даже холодно стало. И вдруг малыши увидели возле большой красивой ёлки - Деда Мороза...

Дед Мороз тоже кажется белым, потому что его пушистая шуба, шапка и толстые варежки покрыты снегом... только щёки красные весело блестят. В руках у него топорик, - он рубит ёлочки и складывает в сани. Вот он срубил красивую большую ёлочку и - перед тем, как положить в сани, стал её рассматривать.

- Гляди, Бублик, на ёлочке птичье гнездышко! - удивился Говорилка.

- И правда, гнездышко... - шёпотом ответил братишка.

Но Дед Мороз не заметил птичьего гнезда. Он положил ёлочку в сани - и вдруг чихнул. Потом стал кашлять.

- Бедненький, он простудился! - ахнул Бублик, - в лесу очень холодно...

- Он же старенький, - сказал Говорилка.

Гномики подошли к Деду Морозу и протянули носовой платок.

Но Дед Мороз малышей не видит - наверное, снег ему залепил глаза...

- Приходи на Шумный Двор, ты у нас согреешься! - сказал Бублик Деду Морозу.

- Скорее приходи, у нас там лето! - просит Говорилка.

Но Дед Мороз не слышит гномиков. Наверное, от холода заложило уши...

Наконец Дед Мороз закончил рубить ёлки и сел в сани. Хотел крикнуть оленям, чтобы трогали с места - и не смог: потерял голос! Но олени умные, они знают, что делать: поднимая вихрь снега, помчали Деда Мороза дальше в зимний лес.

А Бублик и Говорилка каким-то чудом оказались в своей кроватке...

Лежат гномики, во сне сладко посапывают. И вдруг слышат - кто-то чихнул у ворот.

Говорилка поднял голову. Растолкал братишку.

- Бублик, ты слышал..?

- Нет, ничего не слышал.

- Может, это Дед Мороз? - беспокоится Говорилка. - Может, он на Северном Полюсе простудился?

- Наверное, ты сам чихнул, - зевнул Бублик, и опять заснул.

В домике под Леопардом тихо. Маленькие проказники крепко спят. Не слышат, как Дед Мороз, открыл ворота и понёс на Шумный Двор ёлку.

Но Тузик сразу услышал, насторожился и пошевелил ушами. Лаять не стал, чтобы не испугать спящих гномиков. Матильда Леопольдовна подошла к Деду Морозу и тихонько потёрлась об его ноги.

Стараясь не шуметь, Дед Мороз, прошёл в домик, поставил ёлку в углу, и разложил подарки.

Ну вот, теперь можно дальше ехать. У порога Дед Мороз оглянулся - ещё раз проверил, хорошо ли ёлочка украшена... и тут увидел среди веток воробьиное гнездо.

«Как же я сразу гнёздышко не заметил? - удивился Дед Мороз, и радостно засмеялся: - Как же это хорошо получилось - живой подарок! Теперь гномики ещё больше обрадуются!»

Однако, пора, другие детки ждут. Дед Мороз пошёл к двери.

Утром Бублик и Говорилка проснулись от того, что услышали тоненький писк. Малыши сели в кровати - и увидели ёлочку.

Они очень, очень обрадовались. Стали смотреть подарки. А на ёлочке - наверху, среди веток - опять послышался необычный писк...

Что такое? Откуда он? Гномики посмотрели вверх - и увидели птичье гнёздышко.

- Ой, мы это гнёздышко видели во сне... - удивился Говорилка.

- Верно. Оно самое, - протирает сонные глаза Бублик. - Только в лесу гнёздышко не пицало. А теперь пицит...

Малыши подтащили к ёлочке маленький стул, забрались на него, и тихонько заглянули в гнездо. И увидели там крохотных птенцов. Птенчики открывали крохотные ротки-клювы, а воробья-мама кормила их червячками.

Гномики знали, что птенчиков нельзя трогать руками. Поэтому осторожно слезли со стула. И тут увидели, что к ёлке приколоты открытка...

Открытка была от Деда Мороза.

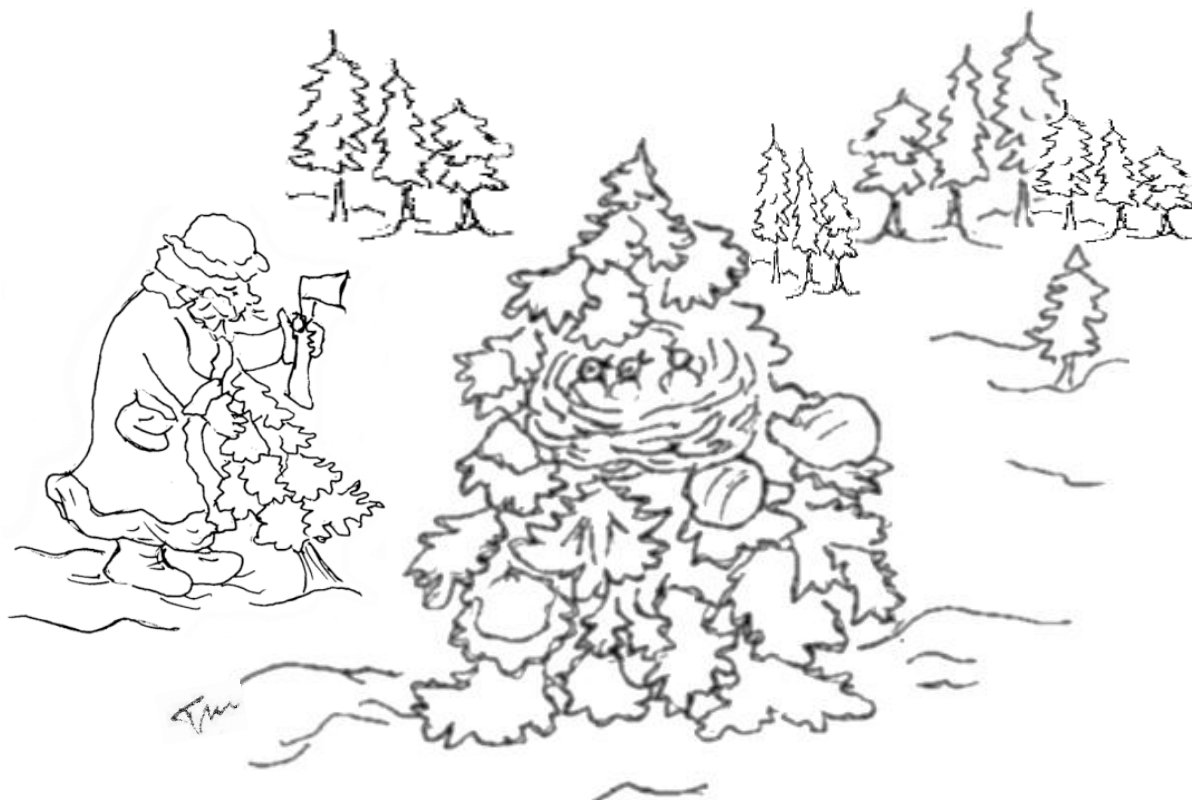
«С Рождеством Христовым, милые детки! - писал Дед Мороз. - Я в лесу немножко простудился и потерял голос, поэтому не мог с вами говорить, ведь на Северном Полюсе очень холодно. Поэтому не ходите туда ночью одни. И ещё: берегите птичек!»

- Значит, мы в самом деле, были ночью в лесу... - шёпотом сказал Говорилка.

- Значит, нам это не приснилось, - так же тихо ответил Бублик. - Ведь, птенчики настоящие...

К малышам подошла мама-Иголочка.

- Да, птенчики самые настоящие. Когда они подрастут, мы их выпустим на Шумный Двор. А пока - гнёздышко останется на ёлочке... будем смотреть и радоваться.

«Жемчужина» № 73
- январь 2018 -

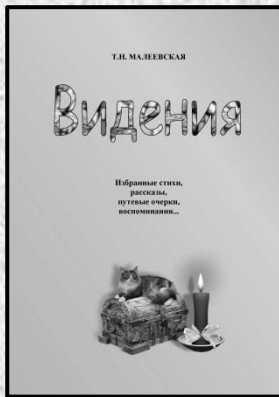
СОДЕРЖАНИЕ

Святое семейство (стих. В.К. Невярович)	1
Зимой (стих. А. Лазутин)	1
Праздник, а не снег... (миниат. А. Герасимов)	1
На книжной полке –	
*Сборник «Видения» - Т.Н. Малеевская	2
*Книга Н.А. Мельниковой «Заблудившийся аист»	2
Февраль - «Лес задумался...» (стих. А. Миронов)	2
Рождество Христово (стих. В.К. Невярович)	3
Бомж (стих. С. Донченко)	3
Слово о поэзии (стих. Вл. Лебедев)	3
Николай Владимирович Блохин (очерк, Н.А. Рубан)	4
Основы христианской культуры -	
«О заставлении и насилии» (статья, И. Ильин)	7
Дамские портреты (стих. В. Лебедев)	10
Февраль - «То метели...» (стих. Л. Громова)	10
Ко дню русского воина (статья, неизвестного автора)	11
Капелелевцы (стих. Н. Снесарёва-Казакова)	15
Дом с кикиморой (стих. С. Михайлов)	16
Похороны «норманнской теории» (статья, Евгений Копарев)	18
Светлана Скорик - удивительный мир поэзии: -	23
*Снегопад	23
*Новогодняя сказка зимнего леса; Пусть это будет нежно;	24
*Россия, Русь; Мерцанье синих звёзд;	25
*Если б я была Алисой; В этом сказочном городе	25
Амурская осень (очерк, Е. Кульба)	26
Фотокарточка (рассказ, М. Зоценко)	28
Бабья книга (рассказ, Тэффи)	30
Мне по душе... (стих. И. Журавлева)	31
Глухозимье (стих. А. Гушан)	31
Сказка о старике и работнике КГБ (шутка, Борис Ровинский)	32
В серебре уснувший бор (стих. В. Шамонин-Версенева)	32
Землетрясение... (рассказ, С.А. Пилипенко)	33
Снег (миниатюра, А. Смирнов)	36
Гусь Гоголька и Жучок (рассказ, Николай/Микола Тютюнник)	37
Они лучше нас... (стих. неизвестного автора)	41
Новогоднее (воспоминания, О. Корченкина)	42
Memento mori (рассказ: В. Бодров)	43
Снег - «О чем расскажет...» (стих. И. Журавлева)	46
Как беден наш язык (стих. А. Фет)	46
Саломея (роман, А.Ф. Вельтман)	47
Один день из жизни домового Кузьмича (сказка Г.Ю. Подымова)	52
Зимний лес загадочный (стих. В. Шамонин-Версенева)	56
Тузик и его друзья (Т. Малеевская, рис. автора)	57

Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - 0404-559-294. А также в прицерковных киосках Св.Николаевского Кафедрального Собора, Св.Серафимовского храма и Св.-Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, а также - З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87

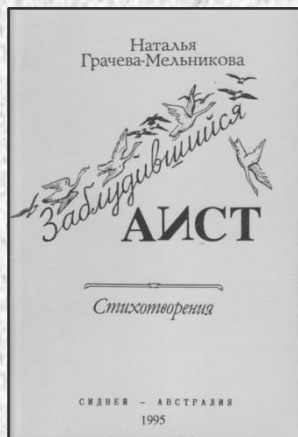
Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) - Т. Малеевская.

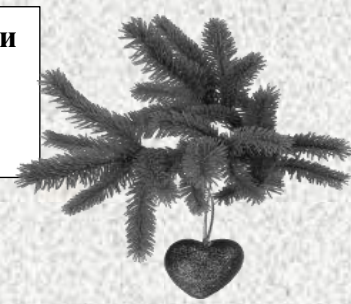
ВНИМАНИЕ !
Вышла в свет новая книга:
Т.Н. Малеевская
«ВИДЕНИЯ» -
- Избранные стихи, рассказы, воспоминания, путевые заметки -
За справками обращаться –
tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

Т. Малеевская - «Страна отцов» «Серебряный город», «Душенька»:
А также книга **В.А. Малеевского** «Претенденты на Российский Престол».
За справками обращаться **(07) 3161-49-27** или tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

«Заблудившийся аист» - стихи
Н.А. Мельникова
За справками обращаться:
dypdom1@optusnet.com.au

Литературный кружок
«Жемчужное Слово»
<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

Сайты связанные с журналом «Жемчужина»

Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>

Новый сайт «Русское Зарубежье»
Посвящается Харбинцам и послевоенным эмигрантам из Европы -
<http://ruskojzarubezhje.yolasite.com>

Также личный сайт автора -
tamaleevwriting.yolasite.com

